

Евгений Лукин

С НАМИ БОТ

Евгений
Лукин

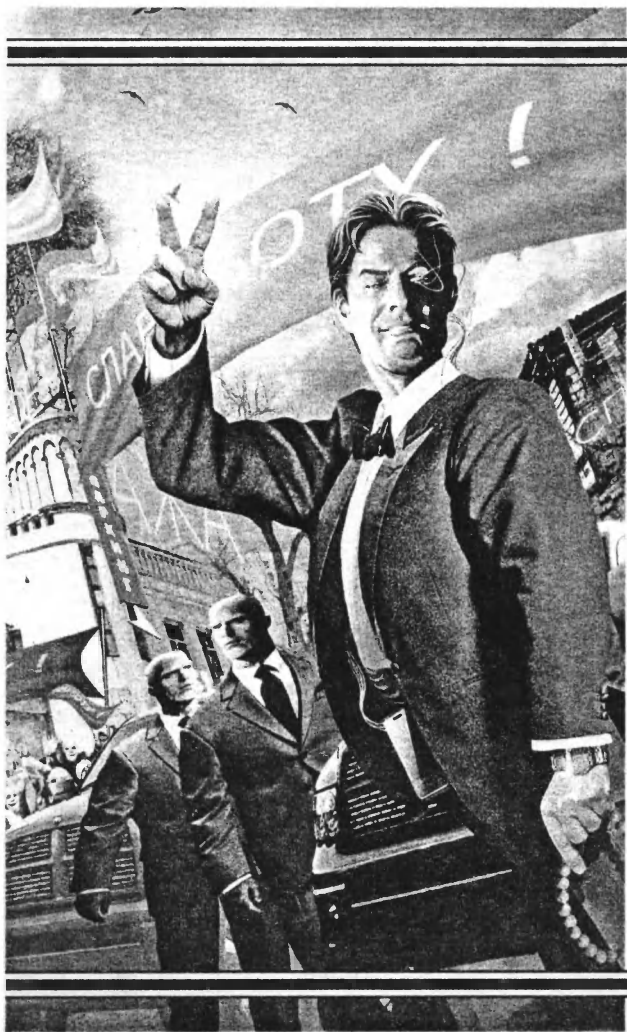
С НАМИ БОТ

ЗВЕЗДНЫЙ

ЛАБИРИНТ

ЕВГЕНИЙ
ЛУКИН

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Евгений Лукин

С НАМИ БОТ

Астрель

Полиграфиздат
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Л84

Серия «Звездный лабиринт»

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

Подписано в печать 01.03.12. Формат 70х90/ 32.
Усл. печ. л. 12,76. Тираж 3 000 экз. Заказ № СБ 4280М.

Лукин, Е. Ю.

Л84 С нами бот: [сб.] / Евгений Лукин. – М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. – 349, [3] с. – (Звездный лабиринт).

ISBN 978-5-271-41969-0

ISBN 978-5-4215-3468-6

Киберпанк по Евгению Лукину?

Не совсем.

Умная, талантливая и абсолютно безжалостная «пощечина общественному вкусу»?

Не только.

Внешне простая история интеллектуала средней руки, ставшего обладателем электронного дивайса, позволяющего отгородиться от окружающего мира и в то же время успешно с этим миром общаться, превращается под пером одного из лучших отечественных фантастов современности в многомерную социально-философскую притчу о невозможности взаимопонимания между людьми и цене обезличивания, которую каждый из нас вынужден платить за преуспевание и богатство.

Такова заглавная повесть нового сборника Евгения Лукина.

Сборника, каждое произведение которого — ироническое или серьезное — задает жестокие и нужные вопросы, ответы на которые каждому читателю предстоит найти самостоятельно...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Е.Ю. Лукин, 2009

© ООО «Издательство Астрель», 2012

ФИКШН?

С НАМИ БОТ

*Изю рта, сказавшего всё, кроме
«Боже мой», вырывается с шумом абра-
кадабра.*

Иосиф Бродский

Глава первая

На часах ещё полвторого, а я уже уволен. С чем себя и поздравляю. Не могу сказать, чтобы такой поворот событий явился полной неожиданностью, напротив, он был вполне предсказуем, но меня, как Россию, вечно всё застаёт врасплох. Даже то, к чему давно готовился.

Согласен, я не подарок. Но и новая начальница — тоже. Редкая, между нами, особь. Сто слов, навитых в черепе на ролик, причём как попало. Её изречения я затверживал наизусть с первого дня.

— Гляжу — и не верю своим словам, — говорила она.

— Для большей голословности приведу пример, — говорила она.

— Я сама слышала воочию, — говорила она.

Или, допустим, такой перл:

— Разве у нас запрещено думать, что говоришь?

Самое замечательное, весь коллектив, за исключением меня, прекрасно её понимал. Но сегодня утром на планёрке она, пожалуй, себя превзошла:

— А что скажут методисты? Вот вы, Сиротин, извиняюсь за фамилию.

Я даже несколько обомлел. Фамилия-то моя чем ей не угодила?

Так прямо и спросил. И что выяснилось! Оказывается, наша дурёха всего-навсего забыла моё имя-отчество.

Поняли теперь, кто нами руководит? И эти уроды требуют, чтобы мы в точности исполняли тот бред, который они произносят!

Короче, слово за слово — и пришлось уйти по собственному желанию.

Ручаюсь, никого ещё у нас не увольняли столь радостно и расторопно. До обеда управились. Должно быть, я не только начальницу — я и всех остальных достал. Со мной, видите ли, невозможно говорить по-человечески. Да почём им знать, как говорят по-человечески? Человеческая речь, насколько я слышал, помимо всего прочего должна ещё и мысли выражать.

А откуда у них мысли, если их устами глаголет социум? Что услышали, то и повторяют. Придатки общества. Нет, правда, побеседуешь с таким — и возникает чувство, будто имел дело не с личностью, а с частью чего-то большего.

Реальность изменилась. Так бывает всегда сразу после увольнения. Во всяком случае, со мной. Скверик, например. Вчера ещё приветливо шевелил листвою, играл солнечными бликами — и вдруг отодвинулся, чуждый стал, вроде бы даже незнакомый.

Давненько меня не увольняли. Целых два года. Рекорд.

Однако наплечная сумка моя тяжела. Разумеется, не деньгами, полученными при расчёте. В сумке угнезвился словарь иностранных слов одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года издания, взятый мною на память со стеллажа в редакционно-издательском отделе.

Совершив это прощальное, можно даже сказать, ритуальное хищение, я полагаю, что мы квиты.

С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Кстати, знаете ли вы, что означает слово «клок» согласно украденному мною словарю?

Клок, да будет вам известно, это английский вес шерсти, равный восьми целым и четырёх десятым русского фунта.

Неплохо для паршивой овцы, правда?

Я люблю эту усыпальницу вымерших слов. Я один имею право владеть ею. Я млею над ней два года и намереваюсь млеть дальше.

Каллобиотика — умение жить хорошо.

Корригуункула — небольшой колокол, звоном которого возвещают час самобичевания.

Мефистика — искусство напиваться пьяным.

А какую испытываешь оторопь, набредя на вроде бы знакомое слово!

Баннер — знамя феодалов, к которому должны собираться вассалы.

Пилотаж — вколачивание свай.

Плагиатор — торговец неграми.

После этого поднимаешь глаза на долбаный наш мир и думаешь: а ведь тоже вымрет вместе со всеми своими консенсусами и креативами.

Туда ему и дорога.

В скверике я опустил на лавочку и долго сидел, прислушиваясь к побулькиванию духовной своей перистальтики.

Недоумение помаленьку перерождалось в любопытство: ну и что ж ты теперь, гадёнок, предпримешь? Куда пойдешь? Хорошо ещё, что ты и раньше ни черта не умел. Иначе бы навыки твои неминуемо устарели.

Два года трудовых усилий! Одних методичек этими вот самыми руками сколько роздал...

Ладно. Как говорится, на свободу с чистой совестью. А свобода, не будем забывать, это право окружающих делать с тобой все, что им заблагорассудится.

Плохо.

Из глубины аллеи в моём направлении двигалось нечто юное, предположительно мужского пола, и чем ближе оно подходило, тем больше отвлекало от раздумий. Наконец отвлекло совсем. Ничего подобного раньше мне видеть не доводилось. Из розовых глаз юнца (клянусь, розовых!) выбегали два тонюсеньких серебристых проводка. Другая пара проводков произрастала из ноздрей, третья — из ушей. Все три пары собирались воедино чуть ниже подбородка и ниспадали до уровня талии, где и скрывались в укрепленном на поясе брезентовом чехле. Присмотревшись, я заметил ещё и одинокий седьмой проводок, чётко выделяющийся на фоне чёрных брюк. Этот был вызывающе заправлен в гульфик.

Глаза-то почему розовые? Контактные линзы? Тогда зачем проводки? И на кой дьявол нижний из них убегает в ширинку?

Нет, ребята, если это реальность, то я — фантом.

Проходя мимо скамьи, розовоглазое чудо повернуло голову в мою сторону и приостановилось.

— Вы потеряли работу! — радостно объявило оно.

Ни хрена себе!

— Я ошибся? — Чудо моргнуло.

И как это ему проводки не мешают?

— Нет, — сказал я. — Не ошиблись. Я действительно сегодня потерял работу. Вы хотите мне что-то предложить?

— Да! — радостно выпалил он, извлекая из матерчатой торбы какие-то прокламации.

Всего-то навсего. Обычно уличные пристава­лы пе­реодеваются за­влекательности ради медведями, чебу­рашками, а этот, стало быть, вот так...

Всучил — и двинулся дальше.

Я проводил розово­глазого ловца душ человеческих кислым взглядом и перед тем, как отпра­вить листовки в стоящую рядом урну, бегло их просмотрел. При­глашения на службу. Акулам капитализма позарез требовалась грубая тягловая сила, пара офисных хомячков и заместитель заведующего отделом геликософии. Этого, правда, соглашались принять только на конкурсной основе.

Геликософия?

Хм...

Звучит несколько не хуже, чем мефистика.

Словцо мне так понравилось, что последнюю бумажку я по­шадил. Остальные отпра­вил по назначению. Потом вспомнил о мародёрской добыче, таящейся в моей сумке, и достал словарь. Представьте, геликософия в нём нашлась. Прочтя объяснение, сначала не поверил, потом хихикнул.

Геликософия, чтоб вы знали, это умение проводить на бумаге улиткообразные кривые. Так, во всяком случае, считалось в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году.

Глава вторая

Моя тёща Эдит Назаровна очень боится предстоящего ледникового периода. Как, впрочем, и глобального потепления. Ещё её сильно достаёт политика Соединённых Штатов Америки. Вы не поверите, но проклятые янки нарочно разрушают собственную экономику только затем, чтобы досадить нам, русским, уронив свой

поганый доллар. И, что самое потрясающее, помимо сериалов Эдит Назаровна ежедневно смотрит молодёжные реалити-шоу.

Тёща по разуму.

Раньше я полагал, что она обыкновенный уникум. Теперь я так не полагаю. Как выяснилось, пенсионеры чуть ли не поголовно мрут по этим самым реалити, когда несколько юных балбесов помещаются в замкнутое пространство, изолируются от внешнего мира — и пошло-поехало. Однажды я сел рядом с тёщей и в течение пятнадцати минут не отрывался от телевизора, честно пытаюсь понять, чем она так очарована.

И, знаете, понял. Молодёжь на экране вела себя подобно старикашкам в доме престарелых: они качали права, учиняли склоки, ссорились, мирились, перемывали друг другу косточки. Родство душ. Переключка поколений.

Похоже, нынешние детишки — с пелёнок пенсионеры.

— Что это ты так рано? — басовито осведомилась Эдит Назаровна, выйдя в прихожую на звук ключа в замке.

— Уволили, — довольно-таки равнодушно отозвался я.

Фыркнула и ушла к себе. Должно быть, сочла мой ответ за очередную дурацкую шутку. А чего ещё прикажете ждать от такого зятя?

Внешность у тёщи замечательная. Монументальный рост, гвардейская выправка (остеохондроз), седой генеральский ёжик, строгие чуть выпуклые глаза.

И всё же в отличие от меня Эдит Назаровна — неотъемлемая часть нынешнего мира. Она даже знает, почему Антон Штопанный развёлся с Полиной Рванге.

Двойная полочка в спальне — вот и всё, что осталось от некогда уникальной домашней библиотеки. Когда супруга моя закручивала свой первый бизнес (Боже, как дав-

но это было!), собрания сочинений и редчайшие издания стали частью уставного капитала, после чего исчезли из дома вместе со стеллажами.

Плата за опыт. Вторая основанная супругой фирма существует по сей день и вроде бы прогорать не собирается.

А вот чего я особенно терпеть не могу, так это глубокие полки. Книги должны стоять в один ряд: протянул руку — и взял. Однако в данном случае глубина — мой союзник. В один захап я изъял выстроившихся напоказ трёх Шванвичей, за которыми обнаружился, правильно, сплошной Мондье. На его место я втиснул сегодняшнюю добычу, и вновь забил дыру Шванвичем. А самого Мондье распихал поверху. Корешками вперёд.

Иначе не избежать упреков в том, что наружу торчит какое-то старьё.

Нет, ничего плохого ни о Мондье, ни о Шванвиче я сказать не могу, поскольку не читал, а если и прочту, то не скоро. Вообще плохо переношу модную литературу. Бывало, все вокруг визжат от восторга, кипятком брызгают. Прочти, умоляют, прочти! Не буду. Вот спадёт шум — тогда прочту. В более спокойной обстановке.

Спадает шум. Читаю. Вникаю. Прихожу к визжавшим и брызгавшим, предъявляю книжку, спрашиваю: «Ну и чем вы тут восторгались?» А они смотрят на меня непонимающе, даже оскорблённо: «Разве мы восторгались? Это ты нас с кем-то путаешь».

Какого лешего вникал, спрашивается?

Нет, не туда я пристроил словарь. Найдут и выкинут. Уж больно вид у него непрезентабельный. Корешок кто-то залепил тряпочкой накануне Кронштадтского мятежа, нижний край подмочен и подсушен, предположительно, в конце Второй мировой, местами имеются потёртости и замшелости.

Поразмыслив, решил: пусть живёт в сумке.

Зашёлкнув замок, поднял глаза и обнаружил в дверном проёме тещу с застывшим лицом. Что ещё стряслось? Секунды две мы молча смотрели друг на друга. Наконец губы её шевельнулись.

— Шашлыки есть нельзя, — глухо сообщила она.

У меня сразу отлегло от сердца.

— Не буду, — заверил я.

Крайне легкомысленный ответ. Выпуклые водянистые глаза Эдит Назаровны стали беспощадны. Ещё немного — и с волевых генеральских уст сорвётся сухое: «Расстрелять». Не сорвалось.

— Капли жира падают на угли, — проговорила она, глядя на меня так, словно я был в этом виноват. — И дым получается канцерогенный.

— Эдит Назаровна! — жалобно взвыл я. — Да мы бы тогда ещё в неолите от рака вымерли!

Ну и зачем ты взвыл, правдолюбец? Не знал, что последует?

— То есть? — вскинулась она.

— Первобытные охотники — они ж поголовно мясом питались. Испечённым на углях!

— Да может тогда рака ещё не было!

— Потом изобрели?

— А что же, — зловеще сказала она. — Может, и изобрели. Откуда мы знаем?

Опомнись бы, кивнуть, согласиться...

— А Святослав Храбрый? — вместо этого запальчиво спросил я. — Он в походах одну конину на костре пёк! Припасов не брал...

— А от чего умер?

— Голову отрезали.

— Вот, — сказала она. — А иначе бы от рака.

Я не нашёлся, что ответить.

— По телевизору передали! — с победным видом выложила теща главный козырь. — Что ж они там, врать будут?

— Эдит Назаровна! Да их поувольняют к лешему, если они хоть раз правду скажут!

— Но ведь надо же чему-то верить!

— Я верю.

— Чему?!

— Верю, что вот сейчас разговариваю с вами о шашлыках...

Она задохнулась.

— Эдит Назаровна, — попробовал я смягчить свою бестактность. — Не расстраивайтесь вы... Я вон и в Бога не верю, но это же не означает, что Его нет.

Негодующе повернулась и ушла к себе.

Да. Не умею я разговаривать с людьми. А ведь придётся.

Вскоре обнаружилось, что в сотике сдох аккумулятор. Поставил на подзарядку, включил — и началось! Первой на меня выпала начальница.

— Я единственное вам хочу сказать одно... — закрипела она.

Что-то я там, оказывается, забыл подписать.

Ладно, подпишу. При случае.

О прихваченном мною словаре упомянуто не было. Да и кому он нужен, кроме меня?

Потом прорвалась моя железная бизнес-леди. Проще говоря, супруга. Не знаю, кто стукнул, но она уже всё знала.

— Ты где сейчас?

— Дома.

— Никуда не уходи. Скоро буду.

Голос — каменный. Это чтобы ненароком радости не выдать. Шутка ли — два года ждать, когда бездельник муж опять окажется безработным! Дождлась. Пенелопа. Ох, чует моё сердце, прибудет — возьмёт в оборот...

Прибыла Ева Артамоновна и впрямь очень скоро. Она у меня дама стремительная. Ростом, слава богу, поменьше, чем Эдит Назаровна, но выправка та же. Брючный костюм, широкоплечий пиджак. Глава фирмы. Строгость взгляда слегка смягчена очками-светофильтрами. Из правой дужки под лацкан убегает тонюсенький серебристый проводок, увидев который, я сразу припомнил розовоглазого юнца.

— Маме сказал? — с порога спросила она.

— Сказал.

— Зачем?!

А действительно, зачем? Будет теперь неделю ходить с поджатыми губами.

— Да она всё равно не поверила. Решила: шутка.

— Шуточки...

Не стучась, вошла к теще. Интересно, нажалуется на меня Эдит Назаровна или не нажалуется? За дверью взвились голоса. Прислушался.

— Какой астероид, мама? Какой астероид? Тебе сколько лет?

— Так я же не за себя, я за вас с Лёней волнуюсь...

Понятно. Не иначе, передали, что Земля с астероидом столкнётся.

— Динозавры-то вот... вымерли...

— О господи! Ещё и динозавры!..

От Эдит Назаровны Ева вышла порозовевшая, похорошевшая. Это у неё наследственное: как с кем поведорит, становится привлекательнее.

— Дитё малое! — бросила она в сердцах. — Пошли на кухню!

В будние дни курить позволялось только там.

Сели. Единым взглядом Ева повелела спрятать пачку «Примы», которую я было поволок из кармана, и толкнула мне через стол свои дамские. Затянулась, выдохнула, снайперски посмотрела на меня сквозь дым.

— Знаешь, я даже рада, что так вышло, — призналась она.

Очки с проводком лежали рядом с пепельницей. Другой конец проводка соединялся с плоской металлической коробочкой, отдалённо похожей на обыкновенный цифровичок.

— Они у тебя что, от батарейки?

— Что? А, это...

— Ну да, очки.

— Это не очки, — сказала она. — Это идентификатор.

— Что-что?

— Распознавалка, — с недовольным видом пояснила Ева. — Приходит клиент, а ты не помнишь, как его зовут.

— И?..

— А все их лица тут, в памяти... — Она цокнула ноготком по коробочке. — Даёшь команду. В левом окошке загорается рамка. Берёшь в неё клиента. А в правом выскакивают фамилия-имя-отчество... и так далее...

Ай, какая вещица!

— Посмотреть можно?

— Да вы что, сговорились все сегодня? — взорвалась она. — Той динозавры, этому... Короче, я принимаю тебя на работу.

— В отдел геликософии?

Ева поперхнулась дымом. Прокашлявшись, уставилась с подозрением.

— Издеваешься?

— Н-нет...

Фыркнула, задавила окурок в пепельнице. Так давят конкурентов.

— Я ещё не настолько крутая... — пробормотала она.

— Так что это — геликософия?

— Последний писк. Планирование развития по спирали.

— Развития чего?

— Н-ну... предприятия, разумеется... отрасли...

Я криво усмехнулся.

— Гони марксизм в дверь — а он в окно?

— При чём тут марксизм?

— Развитие по спирали. Придумано Гегелем, украдено Марксом.

— С тобой невозможно разговаривать! — бросила Ева. — Короче, пойдёшь ты у меня, Лёничка, в отдел работы с партнёрами.

— Рассыльным?

— Начальником! — проскрежетала она. — А там посмотрим.

Нет, она точно ненормальная! Ну какой, скажите на милость, из меня начальник?

Глава третья

Вечером потащила в гости, настрого предупредив, чтобы вёл себя прилично и воздерживался от обычных своих выходок. Под обычными выходками, видимо, подразумевалась моя естественная реакция на происки ликующего идиотизма. Я обещал быть паинькой.

Понятия не имею, зачем это ей понадобилось. Может, хотела ввести меня в тутошний бомонд, а может, у них теперь просто принято прихватывать на вечеринки мужей и жён. Этакая буржуазная добропорядочность. Но скорее всего боялась оставить без присмотра. За этими безработными, сами знаете, глаз да глаз нужен. Люмпены, что с них спросишь?

За столом я сидел чинный, чопорный, глядел исключительно в тарелку. Ну и в рюмку, понятно. От суждений воздерживался, какую бы дурь вокруг ни плели.

Один только раз не успел вовремя прикусить язык, когда кто-то из гостей спросил хозяйку, не держит ли та в доме аудиодисков с застольными песнями. Хозяйка отвечала отрицательно.

— Дожили! — усмехнулся хозяин — холёный, румяный, седоусый, лет этак за шестьдесят. — Мало вам караоке всяких...

— Это что! — кротко заметил я, не поднимая глаз от ножа и вилки. — Говорят, недавно выпустили диски с застольными беседами...

— Какая прелесть! — ахнула моя соседка. — И о чём там? Ева ожгла меня взглядом искоса.

— Сам, правда, не видел, — поспешил добавить я. — Но говорят.

Насколько я понял, за столом и впрямь собрался высший свет: несколько местных олигаршиков с супругами, адвокат, балерина и некто громадный с неподвижным суровым рылом. Наверное, чьё-нибудь секьюрити. Уж больно выламывался он из общей картины.

Зря я, конечно, так пристально и неотрывно смотрел в свою рюмку, совершенствуясь в высоком искусстве мефистики. Вскоре стрекала Евиного взгляда уже не жгли меня, а преуморительно шекотали.

А тут ещё зашла речь о разумности животных. Я так понимаю, что дела наших воротил благополучно завершены: вся денежка отмыта, все конкуренты заказаны, откат распилен — почему бы действительно не поговорить про шимпанзе, овладевших компьютером?

Хотя, возможно, о делах в приличном обществе за трапезой упоминать не принято.

— Дрессировка! — обиженно доказывала моя соседка, то и дело обращая ко мне за поддержкой симпатичную обезьянью мордашку. — Обыкновенная дрессировка! В цирке ещё и не такое увидишь...

Я знай помалкивал. Хотя, полагаю, разум — тоже результат дрессировки. Три года ребёнышей дрессируем, пока не заговорят. Да и потом продолжаем дрессировать, подгонять, обтёсывать. Бедные, бедные маугли, попавшие в человечесью стаю! Ничему-то вас тут хорошему не научат.

— Ну не скажите, Лера, не скажите... — загадочно усмехался румяный седоусый хозяин. — Что вообще отличает разумное существо от неразумного?

— Паспорт, — подумал я громче, нежели следовало.

— Как?.. — Хозяин изумлённо вздёрнул седую бровь.

Податься было некуда. Я откашлялся.

— Первый признак разумного существа — это паспорт.

В дальнем конце стола прыснули. Секунду холёный старик пристально смотрел на меня, потом одобрительно улыбнулся и подмигнул.

— Кроме молдавского, — уточнил он, многозначительно воздев ухоженный розовый палец с сияющим ногтем.

Засмеялись все. Даже Ева. Чёрт возьми! Кажется, на сей раз угодил.

— Так вот. Почему не дрессировка, — неспешно, с удовольствием продолжал хозяин, обращаясь в основном к моей соседке. Остальные внимали с почтением. — Потому что люди здесь уже не участвуют. Оказываются, обезьяны сами... Понимаете, Лера? Сами показывают своим детёнышам, какие символы нажимать. То есть на наших глазах электроника стирает грань между человеком и животным... Зря вы не посмотрели эту передачу, зря...

Под его уверенную плавную воркотню я закусывал сёмгой и думал о том, что чем ниже уровень мышления, тем ревнивей мыслящее существо относится к своему

статусу. Возможно, потому-то моя соседка Лера и отвергает с возмущением саму идею разумного шимпанзе. Ибо чем в таком случае она, Лера, будет от них, шимпанзе, отличаться? Особенно если приматы овладеют секретами косметики и начнут диктовать моду.

А вот хозяин — это совсем другой случай. Для него признать интеллект обезьян — раз плюнуть. Он, судя по всему, столько уже наварил бабок, на такую вознёсся недостижимую высоту, что ему теперь без разницы, с кем иметь дело: с Лерой ли, с шимпанзе или, скажем, с тем же молдаванином (интересно, чем ему насолили молдаване?).

Перед королём все равны.

— А самое забавное, вы не поверите... — никем не перебиваемый, продолжал он. — К диким необученным обезьянам они относятся с презрением. Для них это «грязные животные». А? Неплохо, правда?

— Типа чурки? — хрипловато спросило секьюрити.

— Примерно так, Лёша, примерно так...

— Ну не знаю. — Моя соседка дёрнула плечиком. — Противные они, эти шимпанзе!

В голове потихоньку складывалась байка про котёнка-хакера. Будто сначала он ловил курсор по всему экрану, потом начал гонять его сам, трогая лапкой пластинку ноутбука, потом увлёкся «Сапёром», играя, правда, по каким-то своим кошачьим правилам, а потом вышел в интернет и взломал банковский сайт. Владельцу теперь отвечать. Ну как это «не может быть»? Сам по телевизору видел...

Вовремя покосился на Еву — и решил не оглашать.

— А вы что скажете, Лёня? — обратился ко мне хозяин.

Застиг врасплох, сукин сын! Во-первых, я никак не ожидал вопроса, во-вторых, когда он успел запомнить моё имя?

Что я, короче, думал, то и брякнул:

— Скажу так: уже разумны, но ещё не интеллигентны.

— Простите... Как?

— Сами же говорите, что диких обезьян они презирают... А где же извечное чувство вины интеллигента перед простым народом?

Его величество изволили запнуться и озадаченно воззрились со своих вершин на мелкую букашку, обладающую даром речи.

Ева улыбалась из последних сил. Чувствовалось, ещё слово — и убьёт.

— Так, по-вашему, всё-таки разумны? — уточнил он на всякий случай.

— Да разумны-то разумны... — промямлил я.

— А что такое?

— Если разумны, крестить надо. А то, знаете, разум без веры...

— А между прочим! — сказал адвокат и стукнул себя в азарте кулаком по ляжке.

Балерина ничего не сказала. Она состояла из сухожилий.

— Лёня, можно тебя на минуту? — ангельским голоском осведомилась Ева и встала.

Мы вышли в прихожую.

— Ты что из себя шута корчишь? — прошипела она.

Мне стало неловко. Обещал ведь...

Поклялся, короче, что до конца застолья буду нем как рыба, и тут же нарушил клятву, стоило нам вернуться в зал. Пока мы отсутствовали, разговор успел смениться и стал жгуче для меня интересен.

— Нет, это не по мне... — с барственным неудовольствием говорил хозяин.

— Ну не у всех же такая память на лица, как у вас!

— Память, милочка, развивать надо. Заберите эту вашу цацку...

И на моих глазах он брезгливо, двумя пальчиками протянул через стол очки-светофильтры с проводком и коробочкой. Не Евины. У этих блок памяти был чуть ли не в два раза меньше.

— Узнавалка? — жадно спросил я, присаживаясь.

— Распознавалка, — с улыбкой поправили меня.

— Разрешите взглянуть?

— Пожалуйста...

К Евиному вящему неудовольствию я нацепил очки, и мне показали, где включать. Действительно, зажглась рамка, только не в левом стёклышке, а в правом. Видимо, иная модификация. Где-то с минуту под одобрительный смех окружающих я крутил головой, наводя мерцающий квадратик то на одного гостя, то на другого. Даже нажимать не надо было ни на что. Стоило в течение трёх секунд задержать рамку на чьём-либо лице, как на месте её выскакивало несколько строчек. Быстро выяснилось, что хозяина зовут, представьте, Труадием Петровичем. Труадий! Надо же... Остальных не запомнил.

Причём ни единого сбоя, если не считать того случая, когда адвокат шутки ради скорчил совершенно уголовную рожу и вместо фамилии-имени-отчества вспыхнуло: «Собеседник не идентифицирован».

— Да-а... — с уважением сказал я, снимая очки и отдавая их владелице. — Полезная штучка...

— Вчерашний день, — чуть ли не позёывая, заметил адвокат. — Даже позавчерашний. Сейчас вся эта чепуха в контактных линзах умещается.

— Минутку, — сообразил я. — В контактных линзах... В розовых?

— Почему обязательно в розовых? В каких хотите.

— Да нет, просто сегодня утром...

И я рассказал про встреченное мною в сквере розовоглазое чудо.

— А, так это бот, — сказали мне.

— Бот?..

Труадий Петрович участия в беседе не принимал. Благостно оглядывал гостей и со снисходительной улыбкой кивал. Пусть поговорят.

— Позвольте... — растерянно произнёс я. — Насколько мне известно, бот — это программа, выдающая себя за человека. Но ведь она только в интернете живёт...

— Уже не только.

Бред какой-то! Я поморщился и размял виски кончиками пальцев.

— Сейчас объясню, — смиловался адвокат. — Идёт человек по улице. В глазах у него — контактные линзы, в ушах — динамики, на каждой ноге — шагомер.

— Ну?..

— Идёт и смотрит фильм. Или в компьютерную игрушку режется.

— Там ещё один проводок был, извините, в ширинку заправлен...

— Значит, порнуху смотрит.

— Так что ж он, вслепую, получается, идёт?

— Почему вслепую? У него автопилот. С картой. Вовремя подскажет: свернуть влево, свернуть вправо...

— А допустим, на красный свет?

— Выдаст предупредилку: «Стоп! Красный свет!»

— А распознавалка?

— И распознавалка встроена.

— Нет уж! — капризно объявила обезьяноненавистница Лера. — Если смотреть фильм, то на диване, с комфортом, в кайф. А это, я не знаю...

— А некогда с комфортом! — возразили ей. — Я вот в последнее время только аудиокниги и покупаю. Когда читать? А так: едешь — и слушаешь... между делом...

— Да, но проводки! — сказал я. — Как вообще можно с проводками в глазах...

— А у него что, линзы с проводками были?

— Ну да!

— Неолит, — вздохнул кто-то. — Сейчас уже таких не делают.

— А может, это вообще был не бот, — задумчиво предположил адвокат.

— Как это?!

— Так. Прикидывался. Помните, когда только-только сотовики появились? Ну и кое-кто из лохов под крутизну косил. Подберёт сломанный телефон — и делает вид, что кому-то звонит. Чтоб люди завидовали. Потеха...

— Неужели и такое было?

— Было, было... А теперь вот ботов из себя корчат.

— М-да... — скептически изрёк Труадей Петрович, и беседа прервалась. Гости и домочадцы ожидающе повернулись к хозяину.

— Ты же всех задолбал! — кричала Ева, с яростью креня штурвал своей «мазды».

На поворотах меня то вдавливало в дверцу, то прижимало к супруге.

Спаси, сохрани и помилуй нас, Господи, от обезумевшей женщины за рулём! Хорошо ещё асфальты сухие, а то бы и вовсе беда.

Сам я машину не вожу и вообще боюсь всего четырёхколёсного.

— Я зачем тебя туда взяла?..

Да. Кстати. Зачем?

— Я хотела показать тебе порядочных людей! Ты же одичал за два года в этой своей богадельне! Среди недоумков! Среди неудачников! Среди всяких... бабулек-дедулек! Ты сам стал как старый дед! Ты — пенсионер, понимаешь? Пенсионер без пенсии!..

Что ж, святые слова. Возразить мне было нечего. Но даже бы если было, поди возрази! Ещё взбеленится окончательно да врежется куда-нибудь!

— Ты хоть на дорогу смотри... — взмолился я, но услышан не был.

— Приколы эти насчёт крещения обезьян! Что за кощунство?..

— Тоже, что ли, в «подсвечники» подалась? — опрометчиво спросил я.

Скорость возросла. Вспомнилось, что место справа от водителя называется в просторечии сиденьем смертника.

— При чём тут это? — кричала Ева. — Сейчас такое время, что приличный человек просто обязан быть верующим! Обязан! Если ты атеист, тебя ни одна солидная фирма на работу не примет!..

Ну и глупо. Допустим, солидная фирма дорожит своей честью и не желает принимать на работу жуликов. Но в таком случае жулик должен быть идиотом, чтобы объявить себя атеистом! Так или нет?

— Ты с кем говорил? — кричала Ева. — Ты хоть знаешь вообще, с кем ты говорил? Ты же ему весь вечер слова не давал сказать! А у него память, как у слона, он всё сто лет помнит!..

В следующий поворот она вписалась, визжа покрышками.

— Останови... — не выдержав, попросил я.

— В чём дело?

— Мне плохо...

Мне уже действительно было плохо. Ева поспешно затормозила. То ли за меня испугалась, то ли за чистоту салона. Дождавшись полной остановки колёс, я отстегнул ремень безопасности и выбрался наружу. Постоял, успокаиваясь. В принципе мы находились уже в двух шагах от дома. Пересечь ночной пустырь — окажешься почти у подъезда.

Я захлопнул дверцу и двинулся по извилистой, едва различимой тропинке.

— Ты куда?!

— Домой! — не останавливаясь, бросил я через плечо.

В следующий миг нога моя ушла в пустоту, и я полетел в непроглядную бездонную тьму, впоследствии оказавшуюся довольно глубокой траншеей, по дну которой пролегла недавно отремонтированная труба.

Глава четвёртая

Грянулся дурак оземь и обернулся инвалидом второй группы.

Русская народная сказка.

Нет, насчёт инвалидности я, конечно, малость загнул. За перелом руки, пусть даже и в двух местах, кто мне её даст, инвалидность?

Всё-таки удивительная женщина Ева. А может быть, все они, женщины, в этом смысле удивительны. Целый вечер, вспомните, орала на меня и шипела из-за какой-то, прости господи, ерунды, а стоило мне сверзиться в траншею — будто подменили бабу! Стиснув зубы, ни разу не попрекнув, отвезла в больничный комплекс, подняла на уши всю травматологию (а час ночи, между прочим), чуть ли не профессора из дому вытребовала...

А ещё говорят, каков в малом — таков и в большом! По моим наблюдениям, как раз наоборот.

Зато теперь почти не навешает. Некогда, надо полагать. Дела.

Меня это, если по-честному, устраивает. Во-первых, отсрочка. Не нужно дёргаться, не нужно суетиться. Мне, знаете, настолько дороги мои проблемы, что я их даже и решать не хочу.

Во-вторых, есть возможность отдохнуть от этого вконец осточертевшего мира. Вернее, так мне поначалу казалось. Но в палате пять коек, три из них заняты такими же недоломками, как и я. Одна, слава богу, пустая. Не знаю, правда, надолго ли. И каждый из травмированных очень любит поговорить. Кем-то из них обо мне было сказано буквально так:

— Сидит молчит — отдыхать мешает...

Вчера принялись конаться, кто с какой высоты летел.

— Со второго? Салага! Я с шестого навернулся! С шестого!

— И всего один перелом?

— Так я ж в расслабоне падал!

Выпытав подробности моего увечья, пренебрежительно хмыкнули. Траншея! Ниже уровня земли.

А руку жалко. Хорошая была рука. Теперь она уже, наверное, такой не будет.

Что-то протухло в соседней тумбочке. Проснувшись утром, я с ужасом принялся к собственной только что собранной и закованной в гипс конечности. Ни черта не понял. Пришлось встать и выйти в коридор.

Нет, вроде не от меня.

Успокоившись, вернулся в палату. Там уже просыпались. И первым делом, конечно, врубили репродуктор! Пока не втянули в неизбежный утренний трёп, одноруко умылся, почистил зубы — и на свежий воздух.

Вышел. Огляделся.

— Простите, пожалуйста. С вами можно поговорить?

Прямо передо мной с вежливыми улыбками ожидали моего согласия две милые глупенькие девчушки, и у каждой в руках наготове кипа глянцевого душеспасительных журнальчиков.

Иногда мне хочется всех поубивать. И даже не иногда. Моё молчание было воспринято неправильно.

— Вы согласны с тем, что человек сейчас больше всего страдает от одиночества? — округляя от искренности глаза, спросила та, что повыше. — Даже находясь в толпе! Даже...

— Нет, — тяжело изронил я. — Не согласен.

Последовала секундная оторопь. К такому простому, напрашивающемуся ответу они почему-то готовы не были.

— Какое одиночество, девушки? — процедил я. — Какое, к чертям, одиночество? Вот я вышел, чтобы побыть одному. И тут же подруливаете вы. Никуда не скроетесь! Христос от вас в пустыню на сорок дней уходил — так и там достали!

Как ветром сдуло. Испуганно извинились и пошли отлавливать другого увечного, благо прогуливалось нас возле корпуса более чем достаточно. Уж не знаю, поняли они намёк, не поняли. Насчёт Христа в пустыне и кто Его там доставал. Наверное, нет.

Раздосадованный, я пересёк прогулочную площадку, где возле перил хмуро перекуривали две пижамы и один халат. Достал сигареты, стал рядом, оглядывая исподлобья больничный парк. Жаркий выпал июнь. Кое-где уже листья жухнут. Скучный пейзаж.

Стоило мне так подумать, пейзаж повеселел.

Джип ворвался на территорию комплекса, едва не снеся правую стойку ворот, и на хорошей скорости устремился в нашу сторону. Его болтало. Со скрежетом зацепив по дороге опрометчиво припаркованную у бровки легковушку, он едва не вмазался в парапет и затормозил как раз под нами.

Курильщики, и я в их числе, легли животами на перила, ожидая продолжения.

Распахнулась передняя дверца, и на асфальт выпало окровавленное тело. Полежав, оно поднялось на колени и потащило из недр джипа другое окровавленное тело. После чего оба тела поползли в сторону приёмного покоя. Вернее, ползло только первое, а второе оно за собой волочило.

— С разборки, — понимающе заметил кто-то из старожил и погасил окурок о край урны.

Навстречу ползущим вышла тётенька в белом халате и, укоризненно покачав головой, ушла обратно. За подмогой.

Самое жизнерадостное отделение — это травматология. Если сразу не убится, значит, починят. Именно починят, а не вылечат. Лечат в других отделениях. А здесь врачи, представьте, носят в карманах белых халатов слесарный инструмент. И когда кто-нибудь из них перекладывает мимоходом из правого в левый кусачки или пассатижи, больной понимает, что будет жить.

Отремонтируют.

И юморок здесь тоже своеобразный.

Заведующий отделением совершает утренний обход. Берёт у меня градусник, смотрит. Далее благосклонный кивок.

— Нормально. Остываешь... — И шествует к следующей койке.

Где-нибудь в гастроэнтерологии после таких слов пациент мгновенно бы окочурился, а тут невольно начинаешь ржать.

И всё же никто на моих глазах не воскресал с такой стремительностью, как этот, из джипа. Его, кстати, поместили в нашу палату, а того, которого он ташил (по слухам, главаря), подняли в нейрохирургию, где бедняга на следующий день и скончался. Пуля в голове. Без каких бы то ни было шуток.

На этаже у нас пошли чудеса. Посреди холла поставили письменный стол и посадили за него мента с пистолетом. То ли для безопасности пострадавшего, то ли чтобы пострадавший не удрал. Видимо, с той же целью у новичка отобрали всё, включая трусы. Не помогло. Тут же обернул чресла простынкой и, крихтя, заковылял по коридору в дальнюю палату, где, как выяснилось, лежал третий участник разборки, которого доставили отдельно и чуть позже.

Доковылять, правда, не удалось — мент вернул.

Весьма загадочный юноша. В палате он представился Сашей, в протокол был занесён как Николай Павлович, а пришедшая на свидание девушка называла его просто Эдиком.

Ладно. Саша так Саша.

Потерпев неудачу, Александр разжился у соседей клочком бумаги, нацарапал на нём что-то позаимствованной у меня гелевой ручкой и, сложив вдвое, попросил отнести сообщнику.

Просьба его мне очень не понравилась, но отказать не повернулся язык. Крайне собой недовольный, я выглянул в коридор, прошёл мимо дремлющего за столом мента и, на фиг никому не нужный, достиг дальней палаты. Разворачивать и читать не стал. Меньше знаешь — крепче спишь.

Загипсованный до тазобедренного мосла сообщник молча выхватил у меня бумажку. Слов благодарности от него не услышал. Как, впрочем, и от Саши.

А пару дней спустя направили меня на прогревание. Или на просвечивание. Вечно я путаю все эти процедуры. Возле дверей кабинета сидел и ждал своей очереди Александр (он же Николай, он же Эдуард). Вооружённой охраны поблизости не было. Видимо, считалось, что с прогревания не убежишь. Я сел рядом. Некоторое вре-

мя сидели и молчали. Даже непривычно как-то. Потом сосед мой всё-таки заговорил.

— Как с шоссе к комплексу сворачиваешь, там овражек, — сообщил он и снова замолчал. Надолго.

Я уже решил, что продолжения не будет. Что ж, овражек так овражек. Будем знать.

— Я туда упаковку сбросил, — сказал он. — Когда ехали. Всё равно бы менты забрали.

— Так... — осторожно промолвил я.

— Если никто ещё не нашёл, сходи возьми.

Это называется: коготок увяз — всей птичке пропасть. Сначала записку, потом упаковку... Потом на стрёме постоять.

— Кому передать? — хмуро спросил я.

Он коротко на меня глянул.

— Никому. Себе возьми. Хочешь — продай.

Возможно, так на их языке звучало «спасибо».

— Ну давай тебе и принесу. Если найду, конечно...

Он усмехнулся и не ответил.

А завтра Александра-Николая-Эдуарда то ли увезли, то ли выписали — и больше я с ним не встретился ни разу. Надеюсь, дальнейшая его судьба сложилась удачно.

Как и всякий человек бездействия, я мнителен. Упаковка. Что за упаковка? Сбросил в овражек, лишь бы не досталась ментам. Вёл машину, побитый, порезанный, и всё-таки нашёл возможность сбросить. Улика? Тогда бы он попросил уничтожить её, спрятать. А то — хочешь, себе возьми, хочешь, продай. Разве с уликами так поступают? Хотя... Если имелась в виду упаковка наркоты...

Только этого мне ещё не хватало!

Наверное, следовало вежливо поблагодарить и отказать. Или соврать, будто ходил, да не нашёл. Кто-

то, видать, подобрал. Но, пока я утверждался в мудром решении, стремительный Саша успел навсегда исчезнуть из моей жизни.

Делать нечего: выйдя сразу после завтрака на прогулку, я покинул территорию больничного комплекса и направился по обочине к повороту.

Овражек больше напоминал свалку. Упаковок там валялось в избытке, в том числе от презервативов. Все, естественно, вскрытые. Я хотел уже двинуться в обратный путь, повернулся — и едва не наступил на то, что искал. Это была плоская коробка размером чуть меньше словаря иностранных слов одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года издания. Очень красивая.

Я нагнулся за ней — и рука в лангетке загудела болью. Словно предупреждала: не бери. Взял. Коробка оказалась неожиданно лёгкой. На верхней её стороне сияли крупные косые буквы и цифры: «АУТО-700». И всё.

Легонько встряхнул. Пожалуй, внутри содержались не ампулы и не порошки. Вскрывать её в овраге да ещё и одной рукой было бы неразумно. И стоит ли вообще вскрывать? Как её потом продашь, вскрытую? Ладно. Пусть пока полежит в тумбочке, а там посмотрим.

Подходя к родному корпусу, я ещё издали углядел знакомую «мазду» молочной масти. Сама Ева Артамоновна гневно курила на скамеечке неподалёку. Увидев меня, встала и от избытка чувств метнула сигарету в урну.

— Ты где был?

— Гулял.

— Где ты гулял?

— За территорией.

— Делать тебе больше нечего! Мандарины — в тумбочке.

— Словарь принесла?

— Словарь не нашла. Принесла Шванвича.

Нужен мне этот Шванвич!

— Как не нашла? Он в сумке лежит.

— А я знаю, где она, твоя сумка?

Затем взгляд её остановился на коробке с надписью «АУТО-700». Запнулась. Моргнула.

— Откуда это у тебя?

Сильно врать не имело смысла.

— Да я, собственно, за этим и ходил. Просили достать...

— Кто?!

— Послушай, Ева, — сказал я. — Я же у тебя не спрашиваю, кто твои клиенты, правда?

Супруга была потрясена. С такой растерянностью, с таким уважением она на меня ещё ни разу, клянусь, не глядела.

— Ты... ты хоть знаешь, сколько это стоит?

— А как ты думаешь? — надменно ответил я.

Нокаут.

— Хоть бы в пакет спрятал... — пробормотала она. — Несёт напоказ...

Чёрт возьми! Что же там такое в этой коробке?

Наверное, что-то медицинское. Почему медицинское? Не знаю. Просто ничего больше в голову не приходит. Видимо, обстановка навеяла. Вдобавок не оставляло меня ощущение, что где-то я уже видел этот брэнд — «АУТО-700». И не просто где-то, а именно в больничном комплексе.

Возможно, ложная память. А возможно, и нет.

Проводив Еву, я поднялся к себе и, выселив из пакета мандарины, поместил туда свою находку. От греха подальше. Потом снова покинул корпус и двинулся обычным прогулочным маршрутом.

Пакет прихватил с собой. Не в палате же его теперь оставлять! Если уж Артамоновна оторопела настолько,

что забыла напомнить о моих будущих обязанностях, значит, и впрямь ценность.

Работа с партнёрами. С ними ведь, наверное, говорить придётся.

Ну вот чем я ей, скажите, не угодил в качестве дармоеда? Знал своё место на коврике, сцен ревности не устраивал, безропотно и благодарно жрал что дают, выслушивал претензии...

Ах, какие были претензии!

— Да что ты за мужик? Ты даже футбол по телевизору не смотришь!

Ничего себе обвинение, а?

Или так:

— Ты же презираешь людей! Ты любишь человечество в целом, а нас, отдельных людей, презираешь!..

Грамотная... В Достоевского заглядывала.

— Ева! Да я человечество терпеть не могу!

— В том-то и дело! Человечество в целом любить просто, а вот нас, отдельных людей...

— Ева! Я ненавижу человечество!

— Но ты же не с человечеством, ты с людьми живёшь... Со мной, чёрт возьми!

Нет, не докричишься. Не слышит. Придумала себе меня и со мной придуманным разговаривает. Точнее даже не так: вбила в голову, что все мужики одинаковы, а стало быть, и управляться с ними надо одинаково.

Кто же тогда, спрашивается, любит мужичество в целом, а нас, отдельных мужиков, презирает?

Будь у нас дети — по струнке бы ходили. Но Ева бесплодна. Тёща нас когда-то даже разводить собиралась — полагала, будто дело во мне. Страшно вспомнить, сколько было наездов, пока не пошли и не проверились. Может, потому Артамоновна меня и не бросает. Не положено бездетной. Бездетной положено за мужика цепляться.

И ведь свято уверена, что, воспитай она из меня делового человека, стану такой же, как был, только деловой. Просто не видела себя со стороны, когда сама в бизнес вращалась. Полностью характер изменился, на сто семьдесят градусов. Даже Эдит Назаровна прижухла. Раньше, бывало, на дочку покрикивала, теперь — ни-ни...

Я поднял глаза и обнаружил, что ноги вынесли меня к соседнему корпусу. Так называемая, вторая хирургия. Хотя имелись там и другие отделения. Мазнув рассеянным взглядом по многочисленным табличкам, я двинулся было дальше, как вдруг замер и обернулся.

«АУТО-700». 2-й этаж».

Вот оно! Стало быть, не мерещилось...

И упаковка, главное, при себе.

Поплутав по второму этажу, я набрёл на нужную дверь. После некоторого колебания постучал и, услышав гортанное «Да?..», вошёл.

Кабинет был невелик. Должно быть, арендующая его фирма платила за каждый квадратный сантиметр пола. У окна стоял письменный стол, за которым сидела этакая глыба в белом халате. С виду моджахед моджахедом. Тяжеленные веки, неподвижное лицо ордынского хана. К нагрудному карману халата прицеплен бейджик, где было оттиснуто: «Олжас Умерович», — и невероятно длинная фамилия, оканчивающаяся на «...гельдыев». Ниже значилось ёмко и коротко: «Оператор».

Больше всего из прочитанного мне понравилось отчество.

Ещё в кабинете имелся стеллаж и почему-то стоматологическое кресло. Правда, без бормашины, что уже радовало.

Иных приспособлений для сидения не наблюдалось.

Огромный Олжас Умерович встретил меня радушно. Даже из-за стола поднялся.

— Прошу, — указал он прямым на кресло.

— Спасибо, — поблагодарил я и остался стоять.

— Слушаю вас.

— Вот, — сказал я, бережно вынимая коробку из пакета. — Не могли бы вы мне объяснить...

Олжас Умерович принял её, осмотрел, цокнул языком.

— Прошу, — повторил он.

Второй раз отказываться было невежливо, и я присел. Очень не люблю стоматологические кресла. Стоит мне в них оказаться, начинаю жалеть, что не знаю ни единой государственной тайны. Выдал бы на раз, лишь бы побыстрее отпустили.

— Так что это? — спросил я.

— Это вещь! — изрёк Олжас Умерович и далее, к моему ужасу, с треском взрезал оболочку широким ногтем большого пальца. Как скальпелем.

— Позвольте! — вскинулся я. — Что вы делаете?

— Вскрываю, — невозмутимо отозвался он.

— Вы не поняли! Я только хотел узнать, сколько это может стоить...

Ноготь приостановился. Оператор взглянул на меня с недоумением.

— Нисколько. Всё оплачено при покупке.

— Так я ж не покупал! Это подарок...

Олжас Умерович понимающе склонил широкий лоб.

— Крутой подарок, — произнёс он с уважением.

— Погодите! Что хоть там внутри?

— Э! — со скукой молвил он. — Чипы, дрипы... Что ещё может быть внутри?

И ноготь завершил свою разрушительную работу.

— Вот, — сказал Олжас Умерович, раскрывая коробку и предъявляя её содержимое.

Я ничего не понял. Множество мелких отделений, в каждом лежит что-то крохотное и красиво упакованное.

— А поближе можно?

— Что значит можно? Нужно! — Громадный кочевник в белом халате вышел из-за стола и принялся раскладывать финтифлюшки на лотке, прикреплённом к подлокотнику. Самым крупным предметом оказалась полупрозрачная пластиковая плошка, размерами и формой напоминающая нищенски сложенную горсточку. Последней из коробки была извлечена книжца с бланками и печатями на последней странице.

— Распишитесь, — повелел он. — Здесь... и здесь...

Я как дурак расписался. Полностью теряю волю в стоматологическом кресле.

— Ну вот... — несколько даже мечтательно произнёс Олжас Умерович.

— Позвольте... — встрепенулся я. — Что вы собираетесь...

— Да не волнуйся ты так, дорогой... — с нежностью успокоил он меня. — С жалобами пока никто ещё не обращался.

Далее на мои дыхательные органы легла полупрозрачная пластиковая горсточка, что-то зашипело — и я поплыл.

Чёрт его знает, что за наркоз он мне вкатил. Какой-нибудь веселящий газ, не иначе. Очнулся я словно бы вдребезги пьяный. Море по колено. Тянет на подвиги. И чувство юмора обострено до крайности.

— Скажите, пожалуйста, это жизнь? — осведомился я первым делом. С этакой, знаете, великосветской небрежностью.

— Жизнь, жизнь... — кивнул откуда-то с невыносимой высоты Олжас Умерович, имевший теперь прямо-таки планетарные размеры. — Ты минут десять посиди пока, подожди. Не вскакивай.

Ну да, не вскакивай! Именно это я и собирался сделать. И сделал бы, не вдави он меня в кресло своей широченной ладонью. Не буду пересказывать всего, что я ему наговорил, пока пытался принять стоячее положение. Наиболее оригинально, на мой взгляд, прозвучала угроза взорвать к едрене фене весь этот их корпус, как я взорвал два небоскрёба в Нью-Йорке.

Наконец дурман начал помаленьку рассеиваться. Окружающая действительность вернулась в привычные рамки и больше не гримасничала. В гортани легонько саднило. Во рту — тоже. Да и с глазами было явно не всё в порядке — такое ощущение, будто песком запоросены. Я хотел их протереть, но Олжас Умерович остановил меня властным жестом.

— Не надо!

Я подчинился.

— Что это вы со мной сделали?

Оператор всмотрелся в мои зрачки, убедился, что я уже вполне вменяем, и очертил толстым пальцем лежащий овал в непосредственной близости от моих губ.

— Здесь у вас живлён артикулятор. Здесь динамик. Остальное снимается. О правилах гигиены расскажу чуть позже. До ужина лучше ничего не кушать. А завтра обязательно придите провериться...

— Провериться?..

— В любое удобное для вас время. Я здесь буду постоянно. А сейчас пробное включение.

Он что-то нажал на металлической коробочке, очень похожей на Евину распознавалку, и перед глазами у меня вспыхнула знакомая рамка. Тут-то я наконец всё и понял. Почти всё.

— Бот? — сипло спросил я.

Олжас Умерович довольно усмехнулся.

— Не просто бот! — назидательно сообщил он. — Такой бот, что круче ещё не придумали.

Глава пятая

К счастью, когда я выпал из лифта на родном этаже, никто из персонала в коридоре не маячил. От мента с пистолетом к тому времени тоже осталось одно воспоминание в виде пустого письменного стола, нелепо торчащего посреди холла. Веселящий газ ещё не совсем выветрился, и меня кренило настолько заметно, что в палате с восхищением привстали с коек.

— Во даёт! — сказали не без зависти.

Я запихнул пакет со вскрытой коробкой и бланками в тумбочку, выгреб оттуда цитрусы на лангетку и отнёс в общий котёл, половину рассыпав по дороге.

— От нашего операционного стола — вашему операционному столу!

Подобрал с пола оброненный мандарин и, рухнув на своё ложе, сожрал с кожурой. Утёрся. Слизистая во рту — взвыла. Будто йодом ранку помазали.

— Бот! — выговорил я в больничный потолок и глупо загоготал.

Через полчаса очухался окончательно.

Что бы с тобой ни стряслось, главное — не жалея. Всё равно ничего не изменишь. Это правило я вывел примерно к тридцати годам и с тех пор только и делаю, что от него отступаю.

Поэтому приходится себя утешать.

Хотел распознавалку? Хотел. Ну вот есть у тебя распознавалка, причём крутизны — немеренной. Правда, там не только распознавалка, там наверняка ещё и уйма прочих наворотов, о которых ты, деревня, понятия не имеешь. А теперь будешь иметь. Не исключено, что многие из них окажутся весьма полезны. И покажи кого-либо другого, кому нечто подобное досталось бы на халяву! Да, разумеется, научно-технический прогресс — штука

гибельная, но, с другой стороны, куда от него в наши дни денешься? Конечно, ты бы предпочёл взять деньгами. Но, положи руку на сердце, скажи: смог бы ты такое продать, не будучи при этом жестоко обутом? Или даже не так: смог ли бы ты вообще что-либо продать? С твоими деловыми способностями — никогда!

Наконец, чёрт возьми, это в любой момент можно отключить.

На следующий день я сходил проверился и получил от Олжаса Умеровича крепкий втык за сожранный с кожурой мандарин.

— Маленький, да? — ворчал грозный оператор, осматривая с зеркальцем мою ротовую полость. — Русским языком было сказано: до ужина не кушать! Тц, э-э... Здесь — раздражение, здесь — раздражение... Артикулятор — штука нежная. А он — с кожурой! Вот придётся переделывать...

К счастью, как выяснилось, особого вреда мандарин не причинил. Прижилось, как на собаке.

Первой командой, которую я научился подавать артикулятору, была приветственная улыбка. Да там, собственно, и учиться-то нечему: расслабил мышцы рта, тронул кнопочку — и губы сами собой правильно раздвигаются.

То и дело выходил в умывалку, где висело зеркальце, и развлекался, регулируя степень широты и лучезарности оскала. Кто-то, возможно, спросит: а самому улыбнуться слабó? Слабó. Моя настоящая улыбка смотрится жутковато и отпугивает людей. Потому что идёт от души — кривая и ехидная. Последние годы я по этой причине вообще старался поменьше лыбиться.

На следующий день рискнул проверить новую мимику на окружающих. И не только мимику. Я фиксировал лица, вносил в электронную память имена и при

встрече приветствовал каждую человеческую особь персонально. Вы не поверите, но сестрички начали мне улыбаться в ответ.

Работа с партнёрами, говорите, Ева Артамоновна? Чёрт его знает, этак, глядишь, и справлюсь...

Насколько я понимаю, просторечие «бот» вычленилось из слова «робот», но, на мой взгляд, удачно ассоциируется и с жаргонизмом «ботать», который, в свою очередь, произошёл скорее всего от «коровьего ботала». Колоколец такой на шее у бурёнки...

Но официально эта хрень называется автопилотом.

А есть ещё режим «автопилот». Прошу не путать.

Действует так: ставишь на запоминалку и идёшь гулять. Забретаешь в любые дебри, а потом она тебя с лёгкостью выводит обратно. Той же дорогой. Или, я там не знаю, бездорожьем. В принципе мне эта функция без надобности, поскольку топографическим идиотизмом я никогда особенно не страдал. Но само по себе забавно. С тылу больничного комплекса начинается чистый лабиринт: гаражи, лесопосадки, заброшенные малые предприятия. На второй день моего ботства (так можно сказать?) я вылез через дыру в стене и нарочно постарался заблудиться. Плутал, пока не упёрся в забор, оплетённый поверху колючей проволокой, из-за которого почему-то слышался благовест. Вскоре обнаружили и ворота, снабжённые табличкой: «Территория храма Спасо-Преображенского охраняется собаками. Проход и проезд ЗАПРЕЩЁН».

Обратно шёл на автопилоте.

Имеются, конечно, и свои трудности. Поначалу просто шалеешь, когда на фоне природы или, допустим, больничного корпуса вспыхивает направляющая стрелка. Но, как ни странно, быстро привыкаешь. Машинально сворачиваешь и идёшь куда велено.

Заверяю, что думать это несколько не мешает.

Даже читать не мешает!

Хотя, честно скажу, с экрана читать не люблю. В данном случае, правда, никакого экрана нет и в помине, но вы понимаете, о чём я. Всё-таки книга — это ещё и осязание: бумага, переплёт, обрез. Шорох перелистываемой страницы, опять же... А тут висит текст в пустоте. Или даже не в пустоте, а в полутора метрах от проносящегося мимо автотранспорта, о котором тебя только что автопилот честно предупредил красной блямбочкой: притормози, дескать.

Ещё одно неудобство заключалось в том, что каждый вечер мне теперь приходилось разоружаться: снимать контактные линзы, извлекать из ушей кольцообразные динамики, прочие прибабасы и аккуратно раскладывать всё это по нишам специального футлярчика. Ничего, втянулся. В конце концов, многие вон зубы в стакан с водой кладут — и тоже каждый вечер.

Что я читал, блуждая по больничному комплексу? Исключительно инструкции для чайников. Честно сказать, мало что понял. Форматы какие-то, неформаты... Зато увлекла краткая статья о трудном пути товара на рынок. Живём вот и ничего не знаем, как выразилась бы Эдит Назаровна, а пару лет назад, оказывается, разразилось несколько довольно громких скандалов. Кто-то, как обнаружилось, сдавал на автопилоте экзамены. Кто-то на автопилоте обслуживал клиентов. А самое забавное в том; что неплохо сдавали и неплохо обслуживали.

Сильно подозреваю, что инициатором разоблачений была сама фирма-изготовитель. Представители её тут же вылезли на экраны и принялись растолковывать почтеннейшей публике, что бот ни в коем случае не подменяет человеческую личность, что это не более чем подобие того же персонального компьютера! Тем не

менее отдельные учебные заведения объявили новшество разновидностью шпаргалки и запретили на экзаменах очки и контактные линзы с проводками (вот ещё глупость-то!).

Однако стоило им это сделать, как была разработана первая беспроводная модель.

Большинство государственных учреждений ели землю и божились, что среди их сотрудников нет ни единого бота. Частные предприниматели реагировали по-разному. Одни включили в рекламу дурацкое, на мой взгляд, упоминание о гарантированной ими теплоте человеческого общения. Другие, напротив, понатыкали за прилавки и в офисы псевдоботов (поскольку настоящий автопилот — удовольствие, повторяю, довольно дорогое). Третьи не отреагировали никак. Главное, чтобы сотрудник успешно трудился на благо родной фирмы, а уж бот он там или не бот — дело шестнадцатое.

Зачастили неслыханные доселе термины «ботофобия» и «ботомахия». Церковь сдержанно предостерегала от чрезмерного увлечения ботами, дабы не повредить душе. Мелькнуло сообщение об отце Онуфрии, якобы отслужившим литургию на автопилоте, но это, полагаю, кто-то уже прикалывался.

Было основано общество «Антибот», после чего торговля, надо полагать, пошла особенно успешно. Из иллюстраций мне понравилось фото кирпичной стены с вызывающим граффити «Бот не фрайер, он всё видит».

Такие вот пиаронормальные явления.

Стоило обнаружить в опциях режим «подсказка», репутацию молчуна я утратил. Вы не представляете, какое это наслаждение — выслушивать собеседника, а потом зачитывать то, что зажигается перед глазами.

У травмированного по фамилии Цельной (раньше я думал, это прозвище) бабье щекастое лицо всё в крас-

ных и синих прожилках. Вечно озабоченное, обиженное. В рейтинге падений он в нашей палате держит скромное предпоследнее место: неделю назад, сходя с крыльца подъезда, спрыгнул на асфальт с нижней ступеньки — и надколол пятку.

Отношения у нас с ним не заладились с первого дня.

— Не смотришь сериалы? — удивился он.

— Не только, — ответил я. — Ещё я не краду, не убиваю и не прелюбодействую.

Не понял, но на всякий случай надулся.

Зато теперь живём душа в душу.

— Антон этот Штопаный, — сетует Цельной. — Сволочь! Просто сволочь! Хотел на концерт к нему попасть — мало того что не прорвёшься, цену за билеты, знаешь, какую заломил? Пять тысяч билет! Это как по-твоему?

Веди я беседу сам, непременно бы спросил, за каким лешим он вообще рвался на концерт заведомой сволочи, но беседу ведёт бот. Точнёхонько между моими глазами и тугой жилковатой физиономией Цельного вспыхивает:

«Растут цены».

— Растут цены... — послушно оглашаю я.

— Ох, не говори! — кряхтит он, перекладывая за-гипсованную ступню поудобнее. — А всё они! Всё интеллигенты...

Конечно, я сильно сомневаюсь, чтобы певец, взявший такой псевдоним, как Антоң Штопаный, имел право именоваться интеллигентом, однако моё дело — озвучка. Перед глазами вспыхивает:

«Круто».

Подсказка сильно меня разочаровывает. Совсем что называется, ни в дугу! При чём тут «круто»? По-моему, совершенно не к месту.

— Круто, — тем не менее говорю я.

— Так в том-то и дело! — вскидывается Цельной. Он взбудоражен. Он лилово-багрян. — Достали уже своей крутизной все эти...

Ну и так далее.

Даже не знаю, что интереснее: следить за собеседником или пытаться угадать ответ бота. В течение первых трёх дней не угадал ни разу.

В опциях, между прочим, выставляется пол, приблизительный возраст того, с кем говоришь, стиль речи. Ну и ещё кое-что по желанию. При повторной беседе можно вообще ничего не выставлять. Цельного, например, бот уже знает сам. Но особенно меня поразила выбор собственной позиции. Три варианта: согласие, отказ, безразличие.

Опробовал все три. И, что характерно, даже в случае отказа мы с Цельным так и не поссорились.

Кстати, четвёртого дня я всё же поймал бота на повторе. Потом ещё раз. Потом ещё. Если пол собеседника обозначен мужской, возраст — от тридцати до сорока пяти, а стиль речи — низкий, я уже могу в ряде случаев предсказать, что именно мне сейчас порекомендуют ответить. Стоит, допустим, прозвучать приветствию «Доброе утро!», как неизбежно выпрыгивает «Утро добрым не бывает».

Скрепя сердце, произношу.

А что этот пошляк вытворяет в режиме «флирт»!

В чисто познавательных целях отважился полюбезничать на автопилоте с сестричкой Дашей. Крупная девушка с надменными льдистыми глазами. Первые дни она меня в упор не замечала.

— Здравствуйте, Даша, — произношу я что веле-но (с улыбкой, естественно). — Какая вы сегодня красивая!

— Ой да уж красивая там! — отмахивается она. — Вчера на даче была, комар укусил. Болит.

Мне бы сначала про себя прочесть то, что выскочило, а я сразу вслух:

— Где? Покажите! Я поцелую — сразу всё пройдет! Холодной травой порастёт!

Холодной травой?

Она смотрит на меня чуть дольше, чем следовало бы. Потом многозначительно этак роняет вполголоса:

— Вечером покажу...

Возможно, и впрямь показала бы, но вечером привезли в отделение паданца в тяжёлом состоянии, и Даша была срочно мобилизована...

Зато какую я нашёл функцию! Какую функцию!

Мука моя, беда моя, чума... Всё позади. Вы даже представить не можете, как доставали меня с детства громкие звуки, рассчитанные на массовое восприятие! Никогда не ощущал принципиальной разницы между звонкой пионерской речёвкой и оглушительным эстрадным хитом. И то, и другое, в моём понимании, не более чем инструменты для вышибания мыслей из головы. Мне одинаково ненавистен и тугоухий пенсионер, врубающий на полную громкость репродуктор, и скорлупоглазый отморозок с крохотным, но горластым динамиком в руках.

Можно, конечно, слушать и в наушниках. Но, видите ли, для таких людей надеть наушники означает остаться в одиночестве.

А они этого не могут физически.

Думаете, кто придумал выражение «мёртвая тишина»? Они и придумали. Как они боятся тишины! В тишине заводятся мысли. Я бы вот запросто выжил на необитаемом острове. Потому что мне есть о чём подумать. А они бы там все передохли! Потому что им тоже есть о чём подумать. Но если они попробуют это сделать всерьёз, то после первой попытки покончат с собой.

Для интереса выключите при них телевизор — закричат, что в комнате, как в гробу. А выберутся на дачу — врубают динамики. Надо полагать, для них и на природе, как в гробу.

Преступника сажают в сурдокамеру — и он через сутки признаётся во всём, в чём был и не был виноват, лишь бы не оставаться наедине с самим собой.

Преступник! Родной! Давай поменяемся местами. Я к тебе в сурдокамеру, а ты ко мне в этот сумасшедший гомон и гвалт. Хотя нет, не надо. Не буду я с тобой меняться, потому что выход уже найден.

Правильно говорят: клин клином вышибают.

Помните, я рассказывал о кольцеобразных вставочках в уши? Там и микрофон, и динамик. Так вот, любой звук, воспринимаемый микрофоном, динамик, оказывается, способен погасить, копируя те же самые шумы, но в противофазе. Не до конца, правда, но по сравнению с тем, что было, благодать да и только.

Первым делом я нейтрализовал репродуктор и маленький телевизор Цельного. Надо будет — и самого Цельного нейтрализую.

Однако впечатывать то и дело данные очередного незнакомца, должен признаться, чертовски неудобно. Коробочку я ношу на поясе, скрытно. Хотя её можно в любой миг безнаказанно извлечь, поскольку она отдалённо похожа на сотовый телефон. Принцип набора — тот же. И тем не менее сама процедура утомляет. Да и как-то неловко, знаете... Не все любят, когда с ними говорят, поигрывая сотиком.

Сходил пожаловался Олжасу Умеровичу.

— А ты что, вручную набираешь? — удивился он. — Зачем так делаешь? Поставь на автомат. Имя внеси, а пол, возраст — зачем? И так видно.

— Во-первых, не всегда, — недовольно заметил я. — И потом, если имя вносить, это ж всё равно её придётся доставать...

— А можно и не вносить, — милостиво разрешил Олжас Умерович. — Имена он тоже хорошо ловит. Сам услышит, сам запомнит, а ты потом проверь... если очень надо будет.

После такого совета я просто свет увидел.

А впереди меня подстерегало жутковатое открытие. Уж не знаю, каким образом, но однажды я нечаянно включил полную распечатку. Раньше перед глазами обозначался лишь рекомендуемый мне ответ. В готовом виде. Теперь же побежала рывками — в такт словам собеседника — редактируемая на ходу строчка, и я получил возможность не только слышать произносимое, но и читать.

Боже мой! Боже мой! Клянусь вам, ни один электронный переводчик не сумел бы изваять ничего подобного.

Допустим, собеседник сообщает:

— Вот купил вчера станок бритвенный... в киоске...

И одновременно распечатывается отшифровка:

«Водку пил шерасто (?) ног (нрзбр.) киоски...»

Да что ж на такое можно ответить?!

Отвечает:

«Водку пьём — на спичках экономим».

— Водку пьём — на спичках экономим, — покорно говорю я.

Собеседник вздыхает и соглашается.

Слушайте, но это же кошмар! Он (в смысле — бот) воспринимает не просто обломки слов, он их воспринимает неправильно!

Знаете ли вы, например, что такое «чогш»? Это всего-навсего «что говоришь?» в произношении того же Цельного.

А «помня»? Думаете, деепричастие? Фиг вам — деепричастие! «Помня» — это «понял меня?».

Всё-таки, несмотря на заклинания фирм-изготовителей, я тайно подозревал в боте искусственный интеллект. И вот выясняется, что никакого интеллекта нет и в помине. Есть тупая, ни черта не смыслящая программа, выбрасывающая откровенно случайные ответы. Уловит слово «цена» — выкинет наугад расхожую фразочку насчёт цен. Уловит слово «водка» — выкинет насчёт водки. Ничего не уловит — выкинет что-нибудь нейтральное: «Бывает...», «Надо же...» Или, скажем, так: «Не горюй! Бабу мы тебе найдём. Беременную, но честную».

Я не шучу, он в самом деле однажды такое выдал. Как всегда некстати и невпопад. Услышав мой ответ, соседи по палате чуть не померли от хохота, а за мной утвердилась ещё и репутация юмориста.

Мне стало настолько неловко за род людской, что я поставил машинку на автопилот и в горестных раздумьях побрёл по территории.

Если доставшийся мне бот, думал я, и впрямь, по утверждению Олжаса Умеровича, такой, что круче ещё не придумали, то объясните вы мне ради Христа, каким образом они успешно сдавали экзамены и обслуживали клиентов — те первопроходцы, о которых я прочёл в информационном файле! Одно дело, согласитесь, чесать языки на досуге и совсем другое — отвечать на каверзные вопросы профессоров, добрая половина которых (профессоров, конечно, не вопросов) шепелява и косноязычна не меньше нас с вами. Ладно. Допустим, вытянул школяр свой билет, а в нём задание чёткими ясными буквами. А скажем, продавец в каком-нибудь, я не знаю, гипермаркете? Там-то общение, простите, исключительно в устной форме!

Иногда я просто не понимаю, зачем человеку язык. Нет, не в первом значении, приведённом в словаре Даля («мясистый снаряд во рту, служащий для подкладки зубам пищи»), а именно во втором («а также для словесной речи»).

Кроме шуток, не понимаю.

Собственно, и раньше не понимал, но хотя бы не столь остро.

Почему, чёрт возьми, мои собственные осмысленные слова разобщают меня с социумом, а заведомо нелепые, не относящиеся к делу подсказки бота, напротив, сближают?

Напрашивается, конечно, один ответ, но уж больно какой-то он страшноватенький.

Потому что социум по сути своей — бот.

Не исключено, что и Вселенная — бот, но это уже философия.

Глава шестая

— Лёня, блин!!!

Я поспешно выпал из раздумий и увидел прямо перед собой разъярённое женское лицо. Мигнула и сгнула рамка распознавалки, а взамен воссияли три строчки текста:

СИРОТИНА ЕВА АРТАМОНОВНА

СУПРУГА

БУДЕТ ВЕРБОВАТЬ

— Тебе, между прочим, выписываться завтра! — вне себя напомнила она. — Что ты решил?

Исходя из содержания последней строчки, легко догадаться, что механика моя на разговор с Артамоновой была настроена заранее. Стилль речи — деловой,

позиция — безразличная. Я и сам ещё не знал, стоит ли соглашаться на предложение Евы. Находиться в подчинении у супруги, поймите меня, удовольствие невеликое. Начальник отдела по работе с партнёрами. Замдиректора по личной жизни... А с другой стороны, какие ещё варианты? Можно, конечно, кинуть монетку. А можно предоставить выбор боту. Для этого требуется только сунуть незагипсованную руку под больничную пижаму и, тронув кнопочку, активировать подсказку.

Женщины приметливы. Движение моё было мигом уловлено и, разумеется, превратно истолковано.

— Желудок? — встревоженно спросила Ева.

«Да нет, просто пузо зачесалось», — хотел соврать я, но тут зажглось:

«Давай сменим тему».

— Давай сменим тему, — предложил я.

— Давай, — сказала она и огляделась. Под сенью акации располагалась пустая скамья. — Сядем, покурим, всё перетрём...

«Перетрём», — возникло перед глазами. Слово это, надо полагать, бот узнавал в любой сколь угодно сложной конструкции и немедля повторял.

— Перетрём, — согласился я.

Присели под сенью, достали курево. Я твёрдо решил в беседу Евы с ботом не соваться, то есть неукоснительно придерживаться рекомендованных ответов, как бы они дико ни звучали.

Ева выкурила свою длинную тонкую сигарету почти до фильтра, а я так ничего и не услышал. Интересная ситуация. Вся вживленная и вставленная в меня машинерия — род автоответчика. А если не на что отвечать, тогда как?

Стоило об этом подумать, зажглась строка:

«Возникли проблемы?»

Слава боту! Выходит, он и на паузы реагирует.

— Возникли проблемы? — осведомился я.

— Нет. — Она погасила фильтр о торец бруса и закурила новую. — Но определённые сложности есть.

«А конкретно?»

— А конкретно? — спросил я, почесав под рубашкой пузо и включив попутно полную распечатку. Из нездорового любопытства.

— Конкретно... — Ева разомкнула губы, выпуская змеистый дым. — Кому ни попадя я, видишь ли, отдел по работе с партнёрами не поручу. Я имею в виду: чужому человеку...

«Конкретно, — побежала строчка, — коммуне попа-де (?) я в виде шли отдел по работе спорт (нрзбр) поручу...»

Ну и произношение у моей жёнушки! А я как-то раньше и не замечал...

— А ты, Лёнчик, уже, небось, возомнил, — не без язвительности продолжала Артамоновна, — что я ташу тебя в фирму исключительно из-за твоих выдающихся способностей?

Я зачарованно следил, как, нервно подёргиваясь, удлиняется строка отшифровки:

«Отылёнычик (?) у Жени б ось (?) ВАЗом Нил...»

Как же он отреагирует?

«Из спортивного интереса».

Чёрт побери! Ну вот с какого потолка он это взял? Хотя... Там же в распечатке предыдущей фразы мелькнуло слово «спорт». Потрясающе!

— Из спортивного интереса. — С каменным лицом я сделал последнюю затяжку и выбросил окуроч.

— Где-то даже и из спортивного, — вынуждена была признать она. — Понимаешь, мне надоело смотреть на твоё безделье...

Серьёзный разговор растянулся минут на пятнадцать, и в течение этих пятнадцати минут, непрерывно

читая невообразимую жуткую абракадабру, я, клянусь, не улыбнулся ни разу. И дело не в самообладании, которого у меня, кстати, нет вообще. Просто мне было не до смеха. Если раньше происходящее напоминало анекдот, то теперь оно принимало черты жестокой притчи.

Наконец Ева объявила, что надо ещё всё как следует взвесить, прикинуть, и, с неожиданной нежностью поцеловав меня в щёку, удалилась.

Видимо, была приятно удивлена тем, что я, оказывается, способен иногда говорить по-человечески. Без обычных своих приколов и закидонов.

Подходя ко второй хирургии, неожиданно стал единственным свидетелем ещё более потрясающей сценки. Вернее, свидетелей вокруг хватало, просто никто из них не замечал, что сценка-то именно потрясающая. Я и сам это понял не сразу. Три женщины в больничных халатиках стояли кружком под акацией и беседовали. Однако что-то в их беседе было не так. Я замедлил шаг насколько мог. И наконец сообразил. Все три говорили одновременно. Что никто никого не слушал — чепуха. Но тут даже не ждали, когда собеседница сделает паузу!

— Олжас Умерович, у вас ни разу не возникало ощущения, что вокруг одни боты? — горестно спросил я, присаживаясь на краешек стоматологического кресла.

Он внимательно на меня посмотрел.

— Что-нибудь случилось?

А я вдруг представил, как в его контактных линзах сначала бежит отшифровка моего вопроса: «Ал жаз (?) умер, а ВИЧ...» — после чего вспыхивает ни к чему не обязывающее: «Что-нибудь случилось?»

— Выписывают меня завтра, — сказал я. — Так что видеться теперь будем пореже.

— Да, это грустно, — признал он. — А почему вокруг одни боты?

— Олжас Умерович! Вы в курсе вообще, что автопилот не воспринимает членораздельной речи?

— А она членораздельна? — осторожно осведомился он.

— Ну, если на слух, то... пожалуй, да.

— Это только кажется, — успокоил он. — На слух! Думаешь, с тобой говорят членораздельно? Это ты их слышишь членораздельно! Какая-токая у них речь на самом деле, ты не знаешь. А бот — что бот? Бот — машина. Ему без разницы. Что слышит, то и пишет...

— Но это же ужасно!

— А что не ужасно? — меланхолически отозвалась глыба в белом халате. — Всё ужасно. Что ж теперь, застрелиться и не жить?

— Тоже выход... — уныло согласился я.

Он встревожился. Даже из-за стола восстал.

— Э! — предостерегающе произнёс он. — А вот этого не надо. Ты нам тут статистику не порть. Среди наших клиентов ещё ни одного самоубийцы не было... Коньяк будешь?

— Буду, — сказал я.

Как он ухитрялся при таких размерах передвигаться в крохотном своем кабинетике, ничего при этом не сворачивая и не обрушивая, до сих пор представляется мне загадкой. Олжас Умерович замкнул дверь, поставил на стол две рюмки, после чего взял со стеллажа колбу с прозрачно-коричневым содержимым. В содержимом проскакивали золотистые искорки.

— Разливной, — пояснил он. — С завода.

— С нашего?

— Зачем с нашего? Тираспольский «Квинт». Настоящий. Друзья контрабандой привозят.

И, похоже, не соврал. Коньячок оказался дивный. И рюмка солидная.

— Олжас Умерович, — начал я в тоске. — Вы серьёзно полагаете, что смысл речи больше зависит от того, кто...

— Конечно! — вскричал он, даже не дав досказать. — Ты думаешь, зачем с тобой говорят? Чтобы тебя услышать? С тобой говорят, чтобы себя услышать! Не знал, да?

— Знал, но...

— Хэ! Знал! Тогда чего удивляешься?.. Обидно. Понимаю, обидно. Такой умный, такой глубокий — и на фиг никому не нужен! А бот — нужен. Потому что другим говорить даёт. В любом режиме!

— Но там же в распечатке белиберда прёт сплошная! — взвыл я. — Он же на белиберду отвечает!

— А ты на что отвечаешь?

Я запнулся, задумался. Вспомнил бывшую свою начальницу, вспомнил Цельного с его обидами на интеллигента Штопаного, вспомнил Эдит Назаровну, вспомнил трёх девиц под акацией. Белиберда... А ведь и впрямь белиберда. Да, вот с этой точки зрения я проблеме как-то ещё не рассматривал.

Бессвязные мысли, изложенные с помощью связанной речи, действительно запросто могут обмануть и прикинуться плодами разума. А бот, чисто механически дробя фразу, невольно этот обман разоблачает. Заставляет форму соответствовать содержанию.

Глядя на меня, Олжас Умерович крикнул.

— Стефана Цвейга читал?

— Читал.

— «Звёздные часы человечества»?

— Читал.

— Человек не может быть гениален двадцать четыре часа в сутки, — с укоризной напомнил он. — Ты чего от ближних хочешь? Чтобы они двадцать четыре часа в сутки думали?

— Да пять минут хотя бы! — огрызнулся я.

— Э-э... — сказал Олжас Умерович и налил по второй.

Весело. Всю жизнь пытался спрятаться, забиться куда-нибудь, спасаясь от окружающей бессмыслицы, и забился в итоге в самую её серёдку.

— Вот вырублю его на фиг... — пригрозил я в отчаянии — и выпил.

— Дело, конечно, твоё, — уклончиво отозвался оператор. — А зачем?

— То есть как зачем? — вспыхнул я, со стуком ставя пустую рюмку на откидной лоток возле подлокотника. — Я что, двадцать четыре часа в сутки должен читать этот бред сивой кобылы?

— Отключи.

— А толку? Вот зажёётся ответ. И буду я думать: на какую же это дурь он отвечает?..

— И ответ отключи.

Я моргнул.

— И что будет?..

Огромный Олжас Умерович сидел бочком на краешке своего рабочего стола и задумчиво поигрывал пустой рюмкой, казавшейся в его пальцах совсем крохотной.

— Ты уже сколько в режиме «подсказка»? — спросил он.

— Неделю... две...

Он поколебался, подумал.

— Да можно, наверное, — сообщил он непонятно кому. А потом уже мне персонально: — Пора артикулятор осваивать...

Я даже слегка обиделся.

— Что его осваивать? Освоил уже.

— Как ты его освоил?

— Ну вот... хожу улыбаюсь...

— Дай сюда, — приказал кочевник в белом халате.

Я послушно полез под пижаму, вынул из футляра на поясе металлическую коробочку и подал. Олжас Умерович принял её, перевернул. Не меняя позы, потрогал ногтем клавиатурку, потом поднял тяжёлые, как у Вия, веки и уставился на меня в упор.

— Губы расслабь...

Я расслабил.

— Дыр, бул, шил! — гортанно продекламировал он знаменитые строки скандального футуриста. — Убещур!

Произнесённое было явно рассчитано на полное непонимание. Немедля сработала улыбалка. Причём сработала она как-то странно: губы мои вместо того, чтобы раздвинуться, дёрнулись, шевельнулись.

— Оригинально... — прозвучал у меня в гортани знакомый голос.

Мой голос.

Олжас Умерович снова коснулся ногтем кнопки и посмотрел на меня выжидающе. Я уже не сидел, я стоял возле стоматологического кресла, ошеломлённо держась за горло.

— То есть...

— То есть можно переходить на полный автомат, — со скучающим видом заверил он. — Выкинь всё из головы, пусть он сам за тебя отвечает. Садись, чего стал?

Я сел, пытаюсь собраться с мыслями.

— Но... я же всё равно буду слышать, что мне говорят!

Толстым, как мой средний палец, мизинцем он указал на своё массивное ухо.

— А динамики зачем? Нейтрализуй.

— Нет, но... Собеседника, допустим, нейтрализую. А себя?

— И себя нейтрализуй. Себя как раз проще всего. Тембр — знакомый.

— Но видеть-то — всё равно буду! — заорал я. — Ещё не дай бог, по губам читать начну!

Он пожал необъятными своими плечищами. Где, интересно, на него такой халат шили?

— Задай непрозрачный фон, — невозмутимо посоветовал он.

Предложение прозвучало в достаточной мере дико.

— То есть оглохни и ослепни, — возмущённо подытожил я. — И что мне тогда делать?

— А что хочешь, — с ленцой отвечал Олжас Умерович. — Хочешь — фильм смотри, хочешь — музыку слушай. Хочешь — читай.

Глава седьмая

Из больницы я выписывался уже на автомате. Точнее — на автоответчике. Никаких надписей перед глазами, а с персоналом и собратями по переломам за меня попрощался вживленный в гортань динамик. Фон я оставил прозрачным, да и звуки решил пока не гасить. Поэтому смею лично заверить, что все банальности, все освящённые традицией слова были произнесены и с той, и с другой стороны.

Провожали меня с сожалением. Шутка ли: такой собеседник уходит, такой юморист, такой очаровашка! Лыдистые глаза сестрички Даши оттаяли, опечалились. Не показала она мне то место, куда её укусил дачный комар. Жаль.

Я переоделся в гражданку, бросил многочисленные свои пожитки в пластиковый пакет и, выйдя из корпуса, одиноко двинулся в направлении ворот, сквозь которые всего две недели назад на территорию больницы, а заодно и в мою жизнь ворвался бешеный джип, за рулём которого, побитый и порезанный, сидел Александр-Николай-Эдуард.

Почему я двинулся туда одиноко? Потому что у Евы Артамоновны что-то там стряслось в фирме, и забрать родного мужа из больницы она лично никак не могла, хоть расколись. Странное, согласитесь, отношение к будущему начальнику отдела по работе с партнёрами.

Отойдя на полсотни шагов, я повернулся и помахал на прощание окнам родного этажа. Стоп! Повернулся или меня повернуло? Уж больно само действие было какое-то общепринятое, механическое. Кроме того, при этом возникло ощущение, очень похожее на то, когда после нажатия кнопки Олжасом Умеровичем у меня в рту впервые сработал артикулятор. «Задай непрозрачный фон», — внезапно вспомнилось мне. А двигаться как, если фон непрозрачный? Тоже на автомате? Звучит, между прочим, вполне логично. Мы же не только словами общаемся. Стало быть...

Неужели, кроме улыбалки и динамика, вживили что-нибудь этакое... жестикуляторное...

Я так занервничал, что даже выключил, к чёрту, автопилот и хотел уже завернуть напоследок к Олжасу Умеровичу за объяснением, однако в этот самый миг мне бибикнули.

Оказывается, Ева Артамоновна всё-таки заботилась о будущих сотрудниках. Сама не прибыла, но машину прислала.

Устроившись на сиденье смертника рядом с водителем, я зачем-то полез в нагрудный карман рубашки и, к собственному удивлению, извлёк оттуда сложенную вчетверо листовку, приглашающую принять участие в конкурсе на замещение должности замначальника отдела геликософии в ООО «Мицелий». Ту самую, что недели три назад мне вручил в сквере розовоглазый псевдотот. К призыву прилагалась объяснилочка: абзацев пять меленьким шрифтом, каковые было бы любопытно изучить. Особенно теперь.

— Ну что, Леонид Игнатьич? — лучась улыбкой, спросил шофёр. — Срослось или дома долечивать будете?

— М-м... — Фраза его застигла меня врасплох. Дело в том, что шофёра этого я видел впервые.

Однако мычания моего было более чем достаточно.

— Со мной вот тоже... — живо подхватил он. — Годочков пять назад голеностоп расплюшил. Всямятку! Привезли меня в комплекс, а там...

Выхода не было. Я запустил свободную от гипса руку под рубашку и снова стал на автопилот.

Как и следовало ожидать, опасения мои оказались напрасными. Никакой мне добавочный чип не вживляли, и жестов за своего носителя бот совершать не может. Единственное, на что он в этом смысле, умница, способен, — вовремя обозначить символ того или иного обиходного действия: рукопожатие, кивок, аплодисмент. Поискал в опциях удар по морде — не нашёл. Выстрела из револьвера — тоже. Видимо, коробочка моя сконструирована исключительно для мирных бесед.

Что ж, это по мне.

Фон сейчас непрозрачный, приятного бирюзового оттенка. На нём вычерчена тоненькая красная окружность с точкой в центре. Нечто вроде мишени. Иногда она смещается, и я поворачиваюсь вслед за ней, чтобы, избави бот, не свалила с экрана, которого, строго говоря, нет. Окружность эта и точка в ней соответствуют местоположению Эдит Назаровны, разлюбезной моей тёщи. Мы в данный момент беседуем. О чём? Понятия не имею. О чём-то беседуем. Вначале (пока не переключился на полный автомат) речь шла о пользе кальция для сращивания переломов и укрепления костяка. Теперь — не знаю. Губы мои, шевелимые артикулятором, движутся, иногда расходятся в улыбке, а звук я нейтра-

лизовал. И к остаточным шумам не слишком прислушиваюсь.

Мне не до этого. Я скачиваю из интернета все доступные данные по геликософии. Кое-что уже пробежал по диагонали и, честно сказать, не вник. Чистейшей воды словоблудие. Некоторые тексты не слишком отличаются от сделанных ботом отшифровок. Примерно так: брэнды слагаются в тренды, тренды — в локусы, локусы — в фокусы, фокусы — в покусы... А всё вместе — геликософия.

Нет, пожалуй, работа с партнёрами мне как-то ближе и понятнее.

Внезапно взамен красной точки в центре окружности возникает схематическое изображение головы с ушами, а над ней две кривые стрелочки, указывающие влево и вправо. Стало быть, пришла пора покрутить башкой. Выразив тем самым восхищение. Или соболезнование. Кручу.

Но этого, как выясняется, мало. В левом ухе раздаётся тревожный звон, а на приятном бирюзовом фоне вспыхивает и принимается мигать строка:

ЖЕЛАТЕЛЬНО ЛИЧНОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Вот чёрт! И здесь достать ухитряются!

Убираю непрозрачную бирюзу и оказываюсь в кухне. Эдит Назаровна, которую я узнаю с трудом, поскольку суровое лицо её сильно искажено радушием, ставит передо мной тарелку домашнего борща.

Да, кажется, без личного присутствия тут обойтись никак не удастся. Ложка — инструмент точный.

Врубаю звук.

— Вот живём и ничего не знаем... — сокрушается Эдит Назаровна, подавая мне инструмент и пододвигая хлебницу. — Полина Рванге-то, передали, такая оторва! А с виду тихоня, даже и не подумаешь...

— Оторви да брось, — отзывается моим голосом бот. Видимо, сумел уловить в сказанном одну лишь «оторву».

— То-то и оно! — с болью говорит Эдит Назаровна. Горе её неподдельно, но кратковременно.

Стоит мне погрузить ложку в борщ, тёща садится напротив и начинает смотреть на меня с несвойственным ей доселе умилением.

— Как хорошо, — замечает она, — что ты перестал наконец читать за едой! Самая вредная привычка...

Спасибо, что напомнила.

Изгоняю из контактных линз, к дьяволу, всю гелиокософию и прикидываю, что бы такого почитать катапептического. Никак не отшифруете? («КТП птичек с кого?..») Сейчас помогу. Согласно словарю иностранных слов одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года издания, «катапептический» означает «способствующий пищеварению».

Вновь гашу звук и, не прерывая трапезы, выхожу в интернет, проглядываю списки электронных библиотек. Как там у них, скажем, обстоят дела с Михал Евграфычем Салтыковым-Щедринным? А то давненько я что-то не перечитывал его «Письма к тётеньке».

ЖЕЛАТЕЛЬНО ЛИЧНОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Да тудыть твою!

Убираю текст, чтобы не заслонял. Тёща смотрит на меня с ужасом. Неужели бот всё-таки прокололся? Хотя этого следовало ожидать. Сколько бы верёвочке ни виться. Ну нельзя же в самом деле постоянно выкидывать ответы наобум — и ни разу не попасть в дурацкое положение! Что ж он, интересно, такое ляпнул?

— Ты всё время хватаешься за желудок, — трагическим голосом сообщает Эдит Назаровна. — Тебе надо показаться гастроэнтерологу...

Изобретатели хреновы! Всё продумали, всё предусмотрели, а самое что ни на есть очевидное им, конечно, и в голову не пришло. Как прикажете управлять этой

механикой, не вызывая ничьих подозрений, если в наличии только два варианта: либо манипулировать с коробочкой у всех на виду, либо постоянно держать руку за пазухой.

Я немедленно позвонил Олжасу Умеровичу.

— Таких чайников, как ты, — выслушав претензии клиента, со сдержанной грустью сказал он, — у меня ещё не было. Почему ты не читаешь инструкцию? Почему Олжас Умерович должен всё тебе растолковывать?

— Нет там ничего в инструкциях!

— Ну как это нет? В комплект входит дистанционный пульт...

— Не было!

— Было, было... И есть. Если, конечно, вместе с упаковкой не выкинул.

Упаковку я, к своему счастью, ещё не выкидывал, но ничего похожего на пульт там, клянусь, не присутствовало. Запчасти какие-то — и всё.

— На чётки похож, — подсказал Олжас Умерович.

— Ах во-он это что... — потрясённо протянул я.

— Понял, в чём суть? С таким пультом тебе слова никто не скажет. Набожный человек, чётки перебирает...

— Вообще-то я неверующий, — признался я.

— Ну так и чётки не настоящие, — успокоил меня Олжас Умерович.

Мог бы и раньше подсказать, чурка нерусская! Страшно вспомнить, сколько я мучился с этой коробочкой на поясе: тычешь вслепую, клавиатурка крохотная, промахиваешься сплошь и рядом. С чётками, правда, тоже приходится в основном работать на ощупь, но они так и задумывались, они для этого предназначены.

Очень удобная штука.

Теперь другая незадача: как объяснить родным и близким появление у меня в руках чёток. Набожность?

Кто в это поверит? Разве что одна Эдит Назаровна. А с Евой номер не пройдёт, Ева меня слишком хорошо знает. Хотя... Как она тогда выразилась? «Сейчас такое время, что приличный человек просто обязан быть верующим...» Прекрасно! Я нынче кто? Я без пяти минут начальник отдела по работе с партнёрами, то есть без пяти минут вполне приличный человек. Стало быть, я обязан быть верующим... Да, но сдержанно верующим! Отнюдь не фанатиком и не начётчиком. В наши времена, когда острое православие наконец-то перешло в хроническое, это, знаете ли, тоже не совсем прилично. А чётки... Нет. Явный пересол.

Тьфу, дьявол! Да что я чепухой маюсь! Мне ж их врач прописал — сломанную руку разрабатывать.

Итак, я уже знал, что скажу Еве, когда та вернётся из фирмы, но знания мои, как обычно, оказались ошибочными. Наверняка Эдит Назаровна успела кое-что шепнуть дочери ещё в прихожей, так что в спальню Артамоновна ворвалась фурия фурией. Мне показалось даже, что бот идентифицировал её не сразу, а лишь помедлив мгновение.

— И не вздумай возражать! — с порога поставила она условие. — Чтоб завтра же лёг на обследование! Ты что? Маленький? Хорошо, если язва! А если панкреатит?!

Замолчала, тяжело дыша и раздувая ноздри.

Должен признаться, я очень плохо переношу подобные наезды. Пока просто бранят — дело привычное. Но когда от меня чего-то добиваются, да ещё и ради моего собственного блага... Туши свет!

Я и потушил. Иными словами, задал непрозрачный фон и убрал звук. Примерно так опытный муж хлопает дверь и запирается в соседней комнате — переждать, пока супруга опомнится.

Если, конечно, есть чем хлопнуть и где запереться.

У меня — было.

Очутившись в виртуальном уединении, я не стал ни читать, ни шарить по интернету. Просто ждал. А вернувшись через пять минут, с удовлетворением убедился, что инцидент полностью исчерпан. Насколько можно было понять, порешили мы с Евой так: на следующей неделе я пойду в комплекс снимать лангетку, а заодно и желудок проверю. О чётках речи не шло вообще, чётки уже воспринимались как нечто само собой разумеющееся.

До сих пор ума не приложу, что он ей там без меня наплел.

Моя мама, светлая ей память, не раз говаривала мне: «Лёня! Ну нельзя же всё принимать так близко к сердцу! Любой пустяк для тебя трагедия. Ты без кожи, понимаешь, без кожи! Значит, надо наращивать панцирь...»

Так и не нарастил. Так и дёргался по всякому пустяку вплоть до того самого дня, пока в замусоренном овражке близ больничного комплекса не нагнулся за выброшенной от греха подальше упаковкой.

Да-с, милостивые государи, теперь вы меня так просто не достанете.

Нет своего панциря — напаялим искусственный.

Правда, постоянно его носить категорически не рекомендуется руководством по эксплуатации. Возможна утрата понимания современности (нашли чем пугать!) и даже, страшно помыслить, потеря контакта с близкими.

Сами не знают, что пишут.

Тем не менее человек я законопослушный и в бунтарстве своем от слов к делу перехожу редко. Поэтому, выбравшись на следующее утро из дому за сигаретами, автопилот я временно вырубил.

Если у тебя есть бот, заткни его, дай отдохнуть и боту.

Проспект ошеломил меня толпами, гимнами, флагами. Что-то праздновали. Стоило сделать пару

шагов, как с фронта меня атаковала соплюшка с микрофоном, а с левого фланга взял на прицел жердью с видеокамерой.

— Скажите, пожалуйста, что для вас лично означает День Независимости?

И я почувствовал, как мои губы слагаются в привычную улыбку, ехидную и кривую.

— Это великий день! — твёрдо ответил я. — В этот день мы стали независимы от Украины, от Туркмении, от Грузии... Коротко говоря, от четырнадцати ненужных нам братских республик.

Личико её несколько застыло, а микрофон начал потихоньку отползать.

— И всё-таки кое-что омрачает, — насупившись, продолжал я. — Да. Омрачает. Рано праздновать. Мы остановились на полпути. Мы до сих пор ещё зависим от Татарстана, Башкортостана, Калмыкии. Нам предстоит серьёзная борьба за независимость, девушка! Но мы победим! Уверен!

— Благодарю вас, — злобно процедила она, и оба телевизионщика шустро свалили с экрана.

Вконец профессиональный нюх утратили! Видят же: идёт человек с отключённым автопилотом...

А навстречу мне шли боты. И каждый из них точно знал, что говорить, если спросят. Каждый был свято уверен, что намертво затверженное им сочетание слов — это и есть истина. Сегодня одна истина, завтра другая. Не важно, во что верить, лишь бы всем вместе. Сотня ботов несла по проспекту полосатое полотнище шириной как раз с проезжую часть. Боты, боты... Такие, что круче ещё не придумано: без проводков, без контактных линз, без металлических коробочек на поясе, без единого гвоздя!

Ну и куда мне до них со своими чипами и дистанционными пультами в виде чётков?

Глава восьмая

Раньше, оказавшись утром в ванной комнате на предмет омовения физиономии и чистки зубов, я беспечно оставлял дверь открытой. Теперь же с маниакальной аккуратностью запираюсь на задвижку.

Отдав дань гигиене, извлекаю из футляра контактные линзы, ушные вставочки, прочие причиндалы и водворяю каждый на предназначенное ему место. Убедившись, что ничего не перепутал, включаю. Секунд тридцать бот занимается бюрократией: запрашивает пароль, загружается, требует каких-то подтверждений, чуть ли не верительных грамот. Наконец извещает, что готов к услугам.

А это мы сейчас проверим.

Я поворачиваюсь к зеркалу и оказываюсь лицом к лицу с собственным отражением. Вспыхивает рамка — и распознавалка незамедлительно выдаёт результат:

СИРОТИН ЛЕОНИД ИГНАТЬЕВИЧ

ООО «МИЦЕЛИЙ»

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ГЕЛИКОСОФИИ

Ну не маразм ли?

Я не выдерживаю и начинаю сдавленно ржать.

Потому что, если отнестись к этому всерьёз, свихнёшься.

Как такое вышло? Могу рассказать лишь предысторию, поскольку сама история покрыта мраком приятного бирюзового оттенка. Зачем я вообще попёрся на собеседование в «Мицелий»? Наверное, инстинктивно пытался выбраться из-под пресса Евы Артамоновны, других причин не вижу. Человек я робкий, ленивый, инициативу проявлять не люблю. И надо же! При моём-то отвращении ко всевозможным конкурсам и тестам!

А знаете, кстати, как трактуется англиское слово «тест» в словаре одна тысяча восемьсот... ну и так далее.

В первом, то есть основном значении это (цитирую) «клятва при вступлении на службу в том, что вступающий не принадлежит к католицизму».

Так-то вот!

Для начала позвонил по указанному в листовке телефону. Представился. Меня спросили, какое отношение я имею к геликософии и есть ли у меня, скажем, диплом. Я растерялся, пробормотал, что, дескать, насколько мне известно, диплома пока нет ни у кого — геликософию нигде ещё не преподают (данные были почерпнуты из интернета). Почему-то секретарше этого показалось достаточно — и она сообщила мне дату и время встречи.

Собеседование назначили ровно за день до моего контрольного визита в больничный комплекс. Заявиться в «Мицелий» с загипсованной рукой означало вызвать лишние расспросы. Я уже начал подумывать, не освободиться ли мне от лангетки своими силами (какая разница: днём раньше, днём позже), когда выяснилось, что она относительно свободно пролезает в рукав пиджака и даже не торчит наружу. Стало быть, пойдём в костюме.

И я пошёл, сильно надеясь на то, что упоминания ботовской инфы о студентах, сдававших сессию на автopilоте, если и вымышлены, то хотя бы не целиком. Как я всё это себе представлял? Примерно так: пробубнит мой динамик пару скачанных из интернета отрывков, потом последует какая-либо мелкая каверза, после чего, думается, мне вежливо укажут на дверь.

Ну и чёрт с ними!

У кого же я читал? Кажется, у Голдинга. Да, у Голдинга. Когда надеваешь маску, напроочь исчезает чувство неловкости. Потому что это уже не ты произносишь слова, это не ты совершаешь поступки — это маска. А маска не краснеет.

Примерно так же и с ботом.

Мне не за что краснеть. Это не я. Это он.

Примерно с такими мыслями я переступил порог кабинета, где должно было состояться собеседование, затем поднял глаза — и обмер.

За обширным письменным столом в полном одиночестве сидел и с неподдельным интересом смотрел на меня тот самый старикан, у которого мы с Евой были в гостях накануне моего падения в траншею. Холёный и седоусый. Которому я весь вечер якобы слова не давал сказать.

— Здравствуйте, Лёня, — с ласковой язвительностью приветствовал он меня. — Так вы, значит, не только у крещёных шимпанзе, вы и в геликософии смыслите?

Такой подляны я от судьбы никак не ожидал!

СОБЕСЕДНИК НЕ ИДЕНТИФИЦИРОВАН

Разумеется, не идентифицирован! Когда мы с ним прошлый раз говорили, я ещё был сам по себе. Необоченный. Как же его зовут-то? Терентий? Трувор? Нет, не Трувор! Позаковыристей... Радий? Нет, и не Радий...

— Ба! — сказал он. — И чётки у него! А где же тревник?

Мне оставалось сгореть со стыда — либо публично, либо за бирюзовой пеленой непрозрачного фона. Я выбрал последнее. Оглух, ослеп и выставил наощупь «режим — согласие, стиль — произвольный». На что согласие и почему произвольный — не спрашивайте, не знаю.

В общих чертах всё это очень напоминало моё виртуальное бегство от пытавшейся недавно взять меня в оборот Артамоновны, с одной только разницей: теперь я напоминал отнюдь не мужа, но именно мальчика. Нашкодившего мальчонку, забившегося в чулан и заткнувшего уши, лишь бы не слышать, как его ищут с ремнём по всему дому. Сказано, конечно, не совсем точно, поскольку посещение, надо полагать, уже началось, и всё же что-то в этом сравнении, согласитесь, было.

Ох, чувствую, оттопчется на мне за то застолье Трувор Петрович (или как его?), ох, оттопчется!

В нравственных корчах я вызвал на бирюзовый фон белый контурный циферблат больших размеров и стал следить в тоске за скачками секундной стрелки. Интересно, долго он будет там надо мной изгаляться? Оказалось, долго. Нестерпимо долго.

Множество неприятных мыслей посетило меня за это время. Особенно огорчало сознание, что Артамоновне уже сегодня в подробностях станет известно о попытке деловой измены, вдобавок отягощённой партизанщиной.

Губы мои шевелились, автопилот то и дело подкидывал значок за значком. Я кивал, разводил руками, один раз даже пришлось хлопнуть в ладоши. Вы не поверите, но мука эта длилась почти четырнадцать минут, пока не зажглось спасительное:

ЖЕЛАТЕЛЬНО ЛИЧНОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Ну слава боту! Мне наконец-то указывали на дверь.

Я выпал в реальность очень вовремя. В кабинет уже входило знакомое секьюрити, огромное, с неподвижным рылом. Зачем оно здесь? Надеюсь, не с лестницы меня спустить?

— Вызывали, Труадий Петрович?

Труадий! Ну, конечно же, Труадий, а никакой не Трувор!

— Вы уже однажды виделись, — произнёс, усмехаясь в седые усы, хозяин кабинета, фирмы и ситуации, — но, думаю, нелишне будет представить вас друг другу заново. Лёша Радый, мой заместитель. Лёня Сиротин, начальник отдела геликософии.

Я обмяк. И хорошо, что обмяк. Ибо при напряжённых мышцах улыбалка могла бы и не сработать. Так и в инструкции сказано.

Потом мы пили чай. Втроём. За стеклянным столиком в углу кабинета. Лёша предпочёл чёрный, а мы с Труадием Петровичем — какой-то прозрачный, желтоватый, с лохматыми чайнками. Или даже с цветками. Вообще-то мне тоже больше по нраву чёрный с сахаром и лимоном, но в данном случае выбирал не я. Выбирал бот.

Несмотря на то что беседа шла уже самотёком, я предпочёл поприсутствовать. Ибо это было не просто чаепитие — это был разбор полётов. Ну не знал я ещё тогда, что при включённом автопилоте всё пишется! Достаточно потом врубить воспроизведение — и вот вам, пожалуйста, события глазами бота. Так сказать, информация из первых рук.

Но в ту пору на этот пункт инструкции я пока не обратил внимания.

— Удивили вы меня, Лёня, — размеренно говорил Труадий Петрович. — Я ведь при первой нашей встрече составил о вас совершенно иное мнение. Должен признаться, вы мне тогда показались... как бы это помягче выразится...

— Как бы да, — кротко покаялся бот.

Ага! Покаялся он там! Кротко! Услышал знакомое «как бы» и поддакнул, поскольку работает в режиме «согласие».

— Ну, то есть вы понимаете, о чём я... Так вот. Мне нравится ваше отношение к делу. Мне вообще нравится здоровый цинизм. При условии, что он не становится самоцелью. Как, кстати, случилось на той вечеринке. На вечеринке вы тогда, конечно... м-да...

Старый душевед говорил и слушал себя с удовольствием.

— Вот вы сейчас гадаете, с какого момента нашего собеседования я заподозрил, что... — Он помедлил, как

бы заново взвешивая все «про» и «контра». — ...что всё-таки вопреки первому впечатлению приму вас на работу. Причём не заместителем, а именно начальником отдела геликософии...

На фоне ухоженных, самодовольно шевелящихся усов Труадия Петровича возникла и мелко покивала головёнка со сглаженным профилем (до некоторых пор я пользовался неподвижными значками, и только вчера вечером обнаружил режим анимации, показавшийся мне более наглядным).

Покивал и я.

— А с того самого момента, Лёня, — любезно пояснил Труадий Петрович, — когда вы перестали упорствовать и честно признались, что не смыслите в геликософии ни уха, ни рыла...

Чип мне в тыкву! Он признался?! Ещё и стукач вдобавок... Его счастье, что победителей не судят.

— Окончательно же я утвердился в своём решении после того, как вы, Лёня, согласились продемонстрировать, что именно вы намерены вешать на уши клиентам и публике. Все эти ваши тренды и брэндсы, должен признать, прозвучали в достаточной степени заумно...

— Тренды-брэндсы балалайка, — неожиданно произнёс Лёша Радый и вновь замолчал.

— Примерно так, Лёша; примерно так...

— Давайте сменим тему, — ни с того ни с сего брякнул бот, чем изрядно меня напугал. Хамло да и только! Надо полагать, окончательно запутался.

Труадий Петрович внимательно взглянул мне в глаза. Улыбнулся.

— Ну, расслабьтесь, Лёня, расслабьтесь. Не будьте столь серьёзны. Вы же не на собеседовании уже... — И продолжал: — Думаю, вы прекрасно понимаете, что терминология — это всего лишь оболочка... Но это защитная оболочка, Лёня! Без неё не обойтись. Суть всегда

проста и неприглядна. Терминология делает её сложной и привлекательной. Как только термин становится понятен всем, считайте, что его нет. Считайте, что пришла пора придумывать новый, ещё более невразумительный. Логистика, дактилономия, геликософия...

— Да, геликософия, — сказал бот.

На работу меня приняли с испытательным месячным сроком, однако визитные карточки по распоряжению Труадия Петровича отшлёпали немедленно. К концу нашего недолгого чаепития мне их уже вручили. Кстати, принесла их та самая обезьяноненавистница Лера, что сидела рядом со мной на памятной вечеринке.

Узнав о случившемся, Ева Артамоновна обомлела. Конечно, по справедливости, эту весть ей должен был сообщить бот, однако я, каюсь, не устоял перед соблазном и обрадовал супругу лично. Вернее, не то чтобы обрадовал, скорее привёл в смятение. Фирма Евы, как оказалось, сильно зависела от фирмы Труадия, поэтому назначение моё было настолько хорошей новостью, что рушило сложившееся равновесие — и поди всё теперь просчитай!

Ни разу я не видел Артамоновну такой оробевшей, чуть ли не угодливой. Шутка ли, с «Мицелием» породнилась! На третьей минуте разговора мне стало до того неловко, что я передал слово боту, а там и вовсе оставил их наедине.

На следующий день поехал в комплекс снимать лангетку. Всё срослось нормально, но руку мне посоветовали беречь. В гастроэнтерологию решил не ходить. Во-первых, зачем? Во-вторых, договаривались-то об этом не со мной, а с ботом. И направился я, как легко можно догадаться, к Олжасу Умеровичу.

К моему удивлению, выслушав рассказ об удивительных похождениях своего клиента, оператор нахмурился.

— Это автопилот, понимаешь? — сердито сказал он. — Это как в самолете. Пока всё спокойно, пусть рулит! А когда серьёзные дела начались, когда на посадку идти — пилот штурвал берёт, понимаешь? Пилот! А ты что делаешь?

— Что я делаю?

— Э! — бросил в сердцах Олжас Умерович. — Тебе как было сказано?

Не в настроении он, что ли?

Я пожал плечами.

— Убрать звук и задать непрозрачный фон.

— А думать за тебя кто будет? Бот будет? Олжас Умерович будет? Нет, вы на него только посмотрите! Его на работу берут, а он всё глушит и непрозрачный фон выставляет! Кто так делает? Это ж тебе не с друзьями болтать, не с девушками секс дружить! Руку где держат? На пульсе! А если бы не взяли на работу?

— Взяли же...

— Повезло! Крупно повезло! Машину водишь?

— Нет.

— Тц! Представь: отпустил ты руль на скорости. Представил?

В памяти немедленно всплыло наше возвращение из гостей в Евиной «мазде».

— Представил...

— Молодец! Бросил руль, налетел на столб, а потом иск автомобильной фирме, да? Зачем машина сама столб не объехала?

Я был остро разочарован и, пожалуй, обижен. Зашёл поблагодарить, а он меня отчитывает!

— Позвольте! — сказал я с достоинством. — А как же все эти сведения в инфе, будто люди на автопилоте государственные экзамены сдавали?

— Не на автопилоте! С помощью автопилота! Разницу чувствуешь? Ты что, думаешь, бот за тебя работать будет? Жить за тебя будет? Ишь, губу раскатал... Чтобы он на тебя работал, сначала ты на него поработать должен!

— Это как?

— Грузи его! Контролируй! Установки давай! Типичные ситуации отслеживай! А ты самоустранился... Какой, говоришь, отдел?

— Геликософии.

— Это что такое?

— А бот её знает! — мрачно сострил я.

— Бот ничего не знает! — вспыхнул Олжас Умерович. — Он дура железная! Пока не настроишь, ничего не знает. Короче, я тебя предупредил — и чтобы потом не жаловался...

Лучше бы я к нему не заглядывал. Встревожил он меня. Встревожил и вновь лишил уверенности, которая только-только начала потихоньку завязываться в неустойчивой моей психике.

Да, пожалуй, искусственный интеллект по существу ничего в нашей с вами жизни не изменит. Даже если он будет создан, у кого ему ума набираться, а?

И всё-таки в главном Олжас Умерович не прав. Конечно, бот — дура железная, конечно, он выбрасывает ответы вслепую, поскольку воспринимает услышанное абы как. Конечно! Но, если его шансы разрулить жизненно важную ситуацию равны хотя бы пятидесяти процентам, это уже замечательно! И знаете почему?

Потому что мои собственные шансы в этом смысле равны нулю.

Проверено.

Глава девятая

Тем не менее первые несколько дней моего правления я честно старался контролировать бота. Установки давал. В бирюзу на рабочем месте не уходил ни разу. Бывало, даже отключал динамик и зачитывал ответы сам. С должным выражением. Ничего доброго об этих нескольких днях память моя не сохранила. Предсмертная тоска, вечная боязнь ошибки и полное непонимание того, чем пытаешься заниматься. Тренды-бренды балалайка.

Две мои юные сотрудницы, обе с лютым уличным прононсом (ну, из этих девиц, что обиженно привизгивают в конце каждого слова), судя по всему, уважения к новому начальству не испытывали ни малейшего. Равнодушно поправляли при мне чулки и косметику. Наконец пошли тревожные звоночки в виде вопросительных взглядов огромного Лёши Радого и самого Труадия Петровича. А испытательный срок, напоминаю, был мне назначен, образно говоря, с гулькин месяц.

И я сломался.

Послал к чёртовой матери Олжаса Умеровича вместе со всеми его предостережениями, вырубил звук, врубил фон, отдал бразды автопилоту и с удовольствием перечитал наконец «Письма к тётеньке». С начала до конца.

Бот меня почти не беспокоил: личное присутствие требовалось от силы раз десять—двенадцать за целый день: выйти из-за стола навстречу особо ценной персоне, оставить подпись на документе — и всё в том же роде.

Мог бы и сам этим заняться, скотина ленивая!

Дочитав Салтыкова-Щедрина, я с опасливым любопытством выглянул в окружающую действительность и с неслышным миру истерическим смешком обнару-

жил, что положение моё в команде волшебным образом изменилось. Юные сотрудницы преданно внимали любой произнесённой мною ахинее, причём с таким видом, будто обе готовы отдаться мне по первому зову. А вечером Труадий Петрович зазвал меня в свой кабинет на рюмку «Камю».

— Ну что, Лёня? — вполне добродушно молвил он. — Вижу, переходный период позади, начинаешь осваиваться. А поначалу я, честно тебе скажу, встревожился... Обычно я в людях не ошибаюсь... Неужели, думаю, всё-таки ошибся? Нет, не ошибся... Вот давай за это и выпьем.

Случившееся необходимо было осмыслить. Согласен, в деловом плане я величина отрицательная. А бот, бери выше, нулевая. Но это всё в теории. А на практике-то он самый крутой отдел возглавил! Что ж, там в конкурсе одни отрицательные величины участвовали? Позвольте усомниться...

Хорошо. Допустим, сыграло роль личное знакомство. Допустим, дело не во мне и не в боте, а в рыночном партнёрстве Евы Артамоновны и Труадия Петровича. Этаким жест доброй воли: принял на работу, если позволено будет так выразиться, мужа дружественной фирмы. А дальнейшее? Как прикажете объяснить то, что произошло потом? Первая неделя — полный провал, вторая неделя — полный триумф.

Стало быть, всё-таки бот...

Чем же он их берёт, хотел бы я знать. Ума нет, эрудиция — мёртвая, из интернета...

Нет, я не настолько наивен, чтобы всерьёз верить, будто ум и эрудиция что-то дают в плане жизненного успеха. Ни черта они не дают! С умом и эрудицией можно крутиться на подхвате. И это в лучшем случае. А в

худшем — сопьёшься и сгинешь где-нибудь у мусорного бака.

Знавал я одного обалдуя, не осилившего восьми классов, однако с успехом приумножавшего прибыль. Дубина редчайшая. Коллекционная дубина. Однажды его при мне спросили:

— Слушай, да ты хоть знаешь, откуда Волга течёт?

Юный бизнесмен посмотрел на спросившего, как на идиота, и с достоинством ответил:

— С ГЭСа...

Впрочем, теперь он уже, как слышно, подрос, малость пообтесался, купил аттестат, диплом, запоздало выучил слово «креативный». Или просто приобрёл автопилот. Тоже возможно.

Знаю, возразите: а как же тогда бывший профессор математики взял да и ухитрился стать олигархом?

Как-то вот ухитрился. Но это, простите, ничего не опровергает.

Даже если успех одинаково распределяется и среди профессоров, и среди обалдуев, значит, ни ум, ни эрудиция в деловом отношении и впрямь ничего не решают.

Может, мне просто удачливый бот достался?

Хорошая мысль. Жаль только, недоказуемая.

Нет, господа, тут что-то другое...

Успех. А что вообще такое успех? Откуда берётся? Иногда я завидую мистикам — людям, которые в шесть секунд звонкими бездумными словами могут объяснить что угодно. Хотя и сторонники здравого смысла тоже хороши. Вечно они ставят всё с ног на голову. По их мнению, мотор доизобретают к самолёту, патрон — к винтовке.

Общество — к человеку.

В то время как всё наоборот.

Наиболее членораздельное определение успеха приписывают Дарвину: среди сильнейших побеждает наглейший, среди наглейших — сильнейший. И опять-таки, чистой воды спекуляция. Будь каждый сам по себе — согласен. Но ведь он же не сам по себе!

Непонятно?

Попробую объяснить.

Когда-то в студенческом возрасте я был потрясён историей, приведённой лектором в качестве примера. По-моему, это единственное, что я запомнил из курса психологии.

Девчоночка. Школьница. Класс этак пятый. Классический меланхолик: плаксивая, обидчивая, замкнутая. Так бы и хныкала до выпускного бала, но заявляется вдруг в школу группа психологов с разными хитрыми приборами и начинает исследовать именно этот класс. И что оказывается! У девчоночки-то возбуждение не просто превалирует над торможением, а прямо-таки зашкаливает. Здрасьте вам: классический сангвиник. Психологи чешут репу и добиваются, чтобы эту удивительную симулянтку отправили на лето в сильно отдалённый лагерь отдыха. Где ни одна ещё душа не знает, кто она такая. И возвращается девчоночка оттуда и вправду классическим сангвиником: хохотушка, проказница, егоза и так далее. Как подменили.

Спрашиваете, что меня в этой истории потрясло? Да то, что я впервые осознал простенькую истину: социуму плевать, каким ты уродился и к чему предназначен. Ты кто? Сангвиник? Извини, но в классе на данный момент свободна только ниша козла отпущения. Так что не угодно ли вам, сударыня, пожаловать в меланхолики?

Поймите, ему всё равно, кого куда запихнуть!

А если не верите, посмотрите на самих себя.

Поняли теперь, почему у нас с социумом такие натянутые отношения? Не потому что он несправедлив,

нет. Справедливость, несправедливость — это всё вполне человеческое, это можно понять и простить. Но тупое ботовское безразличие...

Ну вот я и набрёл нечаянно на искомый ответ.

Если социум — бот, то ему должны очень нравиться боты.

Хотя какой это, к чёрту, ответ? Так, метафора... Нет ничего человеческого в социуме. Как нет ничего интеллектуального в боте. Всё это, милостивые государи, не более чем иллюзия.

Объяснение наверняка гораздо проще и скучнее.

Вот, например.

Стоит мне заспорить с кем-либо всерьёз — я всегда проигрываю. Меня легко сбить с панталыку. Для этого достаточно прикинуться непонимающим. В итоге я начинаю подозревать в себе дурака, вместо того чтобы заподозрить его в собеседнике.

В моём случае это, конечно, клиника, но полагаю, что та же самая слабость гнездится в каждом из нас. Человек — существо довольно сложное, без червоточки сомнения он не живёт.

А бот — устройство простое. Какую бы дурь он ни ляпнул, она лапидарна и краеугольна. Без единой трещинки, как цоколь монумента. Каждое его слово — непреложный факт, истина в конечной инстанции.

Даже если он поддакивает в режиме «согласие».

Может быть, это ощущение прочности и подкупает окружающих?

Чёрт его знает...

Две недели спустя случились два равно знаменательных события: истёк наконец мой испытательный срок, а геликософия была официально признана научной дисциплиной. Пришлось съездить в Москву за дип-

ломом и сертификатом. Что-то я там сдавал, чуть не кандидатский минимум — на автопилоте, разумеется. Мои юницы несколько дней, не покладая рук, скачивали из тырнета, как они его называют, файл за файлом и лепили из них лоскутное подобие учёного труда, с распечаткой которого я и заявился в столицу. Обе героини за бескорыстие и самоотверженность были вознаграждены армянским коньяком (без моего ведома) и двумя коробками конфет.

Вернее, не то чтобы без моего ведома — я просто был поставлен перед фактом, когда обнаружил среди напоминалок в разделе «долги» коньяк (одну бутылку) и реквизиты моих сотрудниц.

Был, честно скажу, ошарашен. Даже возмущён.

Я что у него, на побегушках? Ещё за коньяком он меня гонять будет!

Потом вдруг сообразил, что бот на сей раз даже не потребовал личного присутствия и взял решение на себя. Но он же ничего не решает, он — дура железная! Что за мистика?

Запросил подробный отчёт: распечатку и звук. Выяснилось, что причиной явился шутливый совет Труадия («Ну теперь, Лёня, вы должны девочкам бутылку коньяка!»). А нечто подобное уже имело место недели четыре назад, когда я ещё пытался курировать своего бота и аккуратно фиксировал все распоряжения Петровича. Теперь, услышав знакомую фразу, бот счёл ситуацию типичной и автоматически внёс прошлую напоминалку в ежедневник.

Мистика исчезла, а на коньяк пришлось раскошиться.

Две коробки конфет я уже прикупил по собственной инициативе.

В любом случае диплом мне вручили очень красивый. Да и сертификат не хуже. Оба теперь висят на стен-

ке, причём не над рабочим столом, а в аккурат напротив двери. Так, чтобы всяк сюда входящий сразу бы увидел и проникся.

Интересно, будет ли присуждаться звание доктора геликософии?

Хорошо звучит.

Но главное теперь: город — наш. Он отдан нам на поток и разграбление. Все предприятия прямо как сдурели, каждому позарез необходим геликософический прогноз и карта спирального развития. Можно, конечно, обратиться и к московским специалистам. Но ООО «Мицелий» берёт дешевле.

Сам я, понятно, слишком важная персона, чтобы лично мотаться по фирмам со всякими там исследованиями. Мотаются сотрудницы. А я лишь засовываю собранные ими данные в компьютер и оглашаю, что получилось. Одну из сотрудниц, правда, быстро сманили наши основные конкуренты и тоже погнали в Москву за дипломом. Невелика потеря. Тут же на её место взяли двух точно таких же, может быть, даже ещё и лучше. Теперь мотаются втроем.

Однажды я, правда, покинул отдел и прочёл закрытую лекцию по введению в геликософию, а другой раз (с разрешения высшего начальства) безвозмездно навещил дружественную фирму Евы Артамоновны. Теперь они тоже знают, как развиваться по спирали.

Тысячу раз прав был многомудрый Труадий Петрович, говоря о притягательности невразумительной терминологии, под которой невольно начинает мерещиться некая глубина. Конечно же, «карта спирального развития» звучит куда таинственнее, а главное, приличнее, чем, скажем, вульгарное и понятное даже дауну «наваривать бабки» и «пилить откат».

Однако из-за всей этой заварухи Труадий не взял меня с собой на Крит. Лёшу — взял. Но я, знаете, особо

не переживаю. Никогда не понимал летунов-туристов. Ну прибыл ты на Крит — и много ты там увидел? Только то, что тебе, глупому жирному бездельнику (или, допустим, спортивно стройному бездельнику), аборигены выставили напоказ и на продажу. Не видел ты настоящего Крита, и не знаешь ты, чем Крит живёт. Да честно сказать, и не рвёшься узнать. Привезёшь поддельную побрякушку эгейской культуры, поставишь на видное место...

Нет, не понимаю.

Искупаться в Адриатике и всю жизнь потом этим гордиться?

Пусть Адриатика гордится, что ты в ней искупался!

Хотя нет, простите, Крит, по-моему, в Средиземном море. С географией у меня ещё в школе было плохо.

Кроме того, я боюсь самолётов. Они, знаете ли, падают. Вот почему я именно ездил за дипломом, а не летал. В самолёте и за непрозрачный фон не шибко спрячешься — всё равно на воздушных ямах потряхивать будет.

А Труадий Петрович постоянно куда-нибудь летает. Видимо, полагает себя заговорённым. Или бессмертным. Месяца не проходит, чтобы не уваялся в Мексику, в Люксембург, на Багамы. Да и почему бы ему в самом деле не уваяться? «Мицелий» — отлаженный, исправный механизм, давно уже не требующий вмешательства хозяина. Труадий этим даже слегка бравирует, практически не вмешивается ни во что, а если и вмешивается, то с этакой барственной ленцой: знаю-знаю, всё прекрасно идёт и так, однако позвольте напомнить вам о своём существовании.

Словом, примерно те же отношения, что у меня с ботом.

Глава десятая

Обмыли сертификат, пошли трудовые будни — и я ощутил лёгкую панику. Досуга с каждым днём становилось меньше и меньше. Меня то и дело выдёргивали из обжитого бирюзового кокона в эту, простите за выражение, реальность. **ЖЕЛАТЕЛЬНО ЛИЧНОЕ ПРИСУТСТВИЕ! ЖЕЛАТЕЛЬНО ЛИЧНОЕ ПРИСУТСТВИЕ!** Чистая атака хакеров.

А вся жуть заключалась даже не в том, что личное присутствие действительно было желательно, а в том, что, получив проблемой в лоб, я сплошь и рядом просто не знал, как настраивать автопилот. Допустим, предстоит беседа с глазу на глаз с представителем такой-то фирмы. Обсуждаем то-то и то-то. А посоветоваться не с кем, поскольку Труадий Петрович с Лёшей Радым в данный момент, видите ли, загорают на Крите. Грубо говоря: какой задать режим? Согласие? Отказ? Безразличие? Понятия не имею... Принимаюсь судорожно вспоминать, не говорил ли чего Труадий Петрович о данной фирме. Может, и говорил, но не мне, а боту. Начинаю рыться в памяти бота, но там чёрт ногу сломит.

А режим давно выставлять пора.

Каюсь, выставлял наугад. Куда палец ляжет — то и нажимал.

Вскоре, как и следовало ожидать, кратковременный взлёт сменился застоём, а там и вовсе обозначился лёгкий спад. Можно было предположить, что геликософия приелась публике, но, судя по данным наших конкурентов, у них всё обстояло благополучно. Сначала я нервничал, потом, по своему обыкновению, махнул рукой. Какая, в принципе, разница: я ли принимаю решения наобум или тем же самым займётся бот?

Разница в одном: в количестве моего личного времени.

В крайнем случае уволят. Не привыкать.

В итоге я не только тактику, я на него ещё и стратегию спихнул. Сам выставит режим, не надорвётся. А личное присутствие — только в экстренных случаях. Коротко говоря, я вновь совершил то самое, что категорически не рекомендовалось инструкциями и лично Олжасом Умеровичем, но уже на более высоком уровне.

И опять пошли чудеса. Даже на мой непрофессиональный взгляд, дела по всем показателям выровнялись помаленьку, а там и вовсе полезли в гору. Я уже начал ревновать к своему автопилоту. Ладно, пока я умничал да ехидничал, можно было утешиться рассуждением, что в мире торжествует глупость, поэтому, дескать, от меня люди шарахаются, а к боту тянутся.

Но глупость-то моя, скажите на милость, чем хуже его глупости?

Что я тычу пальцем в небо, что он!

Но у него почему-то всё идёт на лад, а у меня рассыпается.

Хоть расколись, не понимаю...

Не исключено, что дело просто в дозе кретинизма. Слабая доза расхолаживает коллектив, сильная — сплачивает.

Можно ли вообще быть тупее бота? Не спешите ответить отрицательно. Мне, например, с ним тягаться трудно, а вот моей бывшей начальнице... Конечно, он отзывается невпопад, но хотя бы членораздельно. А что вытворяла эта королева оговорок!

— Не будем конкретно называть пальцем тех, кто в этом виновен...

Уверяю вас, каждый день выдавала прямо противоположное тому, что хотела сказать.

Но руководила ведь, чёрт возьми! И успешно руководила.

Меня давно уже беспокоит, что в последнее время я не могу думать ни о чём другом. Только о нём, о боте. Стыдно признаться, но мы теперь на равных. Глухо враждуем. Точнее — я с ним враждую. Ему-то самому всё равно. Железо оно и есть железо. Вот спрятался я в своей бирюзовой келье. А толку? Снаружи — он, в мыслях — тоже он. Раньше я был склонен к шизофрениии: на что посмотрю, о том и начинаю рассуждать, фантазировать, бредить. Бывало, что и вслух. Золотые времена. Теперь же я скорее молчаливый параноик с пулей в голове. Думаю об одном.

Да уж! Озаботили — так озаботили.

Несомненно, что-то надо делать, что-то надо ломать, что-то...

Хватит! Обрыдла мне вконец эта бирюза. Пора сменить обои внутреннего мира. Подкладка души обветшала и требует обновления. Кроме шуток, настолько приелся бирюзовый цвет, что уже кажется просто серым. Диким, как говаривали во времена Лескова.

Заодно отвлекусь.

Значит, так. Подойдём к этому делу ответственно. В нынешнюю эпоху выбор фона — задача, прямо скажем, непростая. Наш развращённый век успел опошлить все оттенки. Голубой и розовый сразу же отпадают. Коричневый отдаёт фашизмом, жёлтый — прессой, оранжевый — майданом, синий — правящей кликой, зелёный... Зелёные сейчас не лучше коричневых. Красный... Весь мир насилья мы разрушим? Оно бы, допустим, и неплохо, но это ж с ума сойдёшь — этюд в багровых тонах! И мальчишки кровавые...

Фиолетовый. Почему бы и нет? Тем более что на молодёжном жаргоне «фиолетово» нынче означает «до лампы», «по барабану». С другой стороны, с чего бы мне косить под тинейджера? В мои-то годы! Несолидно как-то.

В итоге остановился на бледно-сиреновом. Хорошо бы ещё узорчик запустить какой-нибудь этакий симпатичненький. Розовые фигурки на бледно-сиреновом фоне... Очень бы неплохо смотрелось.

А потом пригласить соседей. Чтобы тоже полюбовались.

«Ах, какой у вас внутренний мир...»

Вскоре кончилось моё безначалие. Критяне вернулись. Оба убогатворённые, в меру загорелые, с чемоданом сувениров для раздачи сотрудникам и сотрудницам. Мне был поднесён уникальный обломок амфоры с фрагментом схемы кносского лабиринта. Путеводитель. Чёрт знает какой век до Рождества Христова — и наверняка изготовлен нынешними умельцами из тамошних краёв. Автохтонами. Они же индигенты. (См. словарь ин. сл., 1888.)

Интересно, обрывками клубка Ариадны на Крите тоже торгуют?

Затем руководство удалилось в свои кабинеты, и что-то стало мне сразу не по себе. Как вскоре выяснилось, правильно стало. Своевременно.

Уже через полчаса последовал звонок и велено было явиться. Голос звучал настолько грозно, что показался незнакомым. И если бы только мне!

Бот не опознал!

— С кем я говорю?

— Со мной! — рывкнул Труадий Петрович, и понял я, что дела мои совсем никудашные. — Кстати, считай, что ты уволен! Но попрощаться зайди!

Рассказывают, пришёл однажды Репин к Сурикову, а тот пишет «Утро стрелецкой казни». От полотна жутью веет. Плахи расставлены, виселицы в дымке маячат. Пустые. Посмотрел Репин, поморщился: «Вы бы хоть одного стрельца повесили!» Послушался Суриков,

повесил пару стрельцов — и тут же замалевал. Потому что ужас ожидания исчез.

Примерно то же самое случилось и со мною. Стоило прозвучать роковому слову «уволен», страхов моих как не бывало. Мало того, я ощутил чувство, близкое к восторгу. Прискорбный факт, что сам я лишаяюсь места и снова становлюсь безработным, казался мелким и незначительным по сравнению с моей радостью при мысли, что дура железная наконец-то оступилась.

Развязно ухмыляясь, я вышел в коридор, однако перед дверью Труадия всё же малость перетрусил и решил, что мудрее предстать пред грозны очи невидимым и неслышимым (для себя, естественно, для себя). Убрал звук, убрал изображение и двинулся, так сказать, по приборам, постоянно сверяясь с путеводными стрелками.

Будем надеяться, что мебель в кабинете не переставляли.

Наощупь открыл дверь, вошёл. На бледно-сиреновом фоне возникли две тоненькие красные окружности, напоминающие мишени. Затем сработала распознавалка. Лево́й мишенью оказался Лёша Радый — право́й, понятно, сам Труадий Петрович. Во рту у меня шевельнулся артикулятор, а в гортани отдалась неслышная дрожь динамика. Затем перед глазами выскочил значок в виде стульчика.

Мне предлагали сесть.

Что ж, спасибо.

Я нащупал нужную бусину чёток и затребовал изображение стула в натуральную величину. Его, и только его.

Посадка прошла успешно.

Мне уже было настолько всё фиолетово, что ни о каких сожалениях, ни о каком самокопании не могло идти и речи. Я удивлялся лишь одному: откуда во мне

взялось столько злорадства? Когда накопилось? «Допрыгался, козёл? — с бесстыдным ликованием думал я о своём верном боте. — Ишь! В конкурсе он победил! Начальник отдела геликософии, вы только подумайте! Ну везло тебе какое-то время — по теории вероятности. И на этом основании ты возомнил себя выше Леонида Игнатьевича Сиротина? Да, лентяя! Да, пофигиста! Но человека, чёрт побери, человека! Который, по мнению одного бомжа из пьесы Горького, звучит гордо!..»

Гордиться принадлежностью к роду людскому! К этой раковой опухоли на теле планеты! До чего ж он, гад, меня довёл?

Судя по тому, что левая мишень была обозначена пунктирно, Лёша, по своему обыкновению, молчал. Беседу вёл исключительно Труадий Петрович — непрерывная линия, образующая окружность, опасно тлела алым.

Так прошло минут десять. А может, и больше. На этот раз за временем я особо не следил.

ЖЕЛАТЕЛЬНО ЛИЧНОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Это ещё зачем? Мы люди скромные, можем удалиться и на автопилоте.

Я включил изображение и звук.

Труадий Петрович уже не сидел за столом, он стоял. Лёша Радый — тоже. Оба смотрели на меня со странным выражением.

Встал и я.

— Н-ну... — недовольно пошевелив усами, буркнул наконец Труадий. — Будем считать, что ты оправдался...

«Будем» он произнёс как «бум».

— Если бум не поддерживать, он быстро выдохнется, — изрёк бот.

— Тоже верно... — подумав, согласился Труадий.

Глава одиннадцатая

Пару часов спустя в более спокойных условиях я прокрутил весь разговор с начала до конца. В принципе автопилот — идеальный инструмент шантажиста. Скрытая камера, по сути дела.

Интересно, разрешат ли со временем предъявлять подобные записи в суде взамен свидетельских показаний? Видимо, если и разрешат, то нескоро.

Но это, я вам доложу, была сценка! Редкий случай, когда жизнь поднялась до уровня фильма, отснятого талантливым режиссёром.

Нет, я не оговорился.

Попробуйте представить из любопытства, что перед вами не быт, а кино. По молодости лет я довольно часто так развлекался. Попробуйте — и вы ужаснётесь. Принято считать, что, чем произведение ближе к жизни, тем оно талантливей. Бред. Страшно представить, какое количество обыденности надо промыть, чтобы получить одну крупницу искусства! Но обыденность в сыром виде... Боже, как отвратительно мы исполняем собственные роли! Станиславский наверняка бы завопил: «Не верю!»

Любительские съёмки чужих застолий и свадеб — видели? Более бездарной актёрской игры, чем в жизни...

Нет, даже не так. «В жизни не видел более бездарной игры, чем в жизни». Да, теперь гораздо лучше. Почти Ежи Лец.

Конечно, бывают исключения. Редко, но бывают. Например, запись, которую я только что просмотрел. Единственная к ней претензия: всё снято с одной точки.

В кадре царил Труадий. Суровое недвижимое рыло секьюритиобразного Лёши Радого мелькнуло раза два, не больше. Эпизодник. Статист. Зато какой типаж, какой типаж!..

Итак, запись.

Когда я вошёл, глава ООО «Мицелий», мрачный, даже слегка спавший с лица, нервно елозя «мышкой» по коврику, считывал данные с монитора. Не удостоив взглядом, велел мне сесть.

Изображение нелепо мотнулось.

Безобразная операторская работа!

Затем Труадий прекратил мучать оргтехнику, поднял на меня траурные запавшие глаза и стал держать паузу. О, как он её держал! Сиди я перед ним собственной персоной, скончался бы в судорогах уже на третьей секунде. Но перед Труадием сидел бот, безмозглая железяка, гипнотизировать которую безнадёжно в принципе. Вы никогда не пробовали убить кирпич морально? Попробуйте. Вас это многому научит.

Тем временем истекли положенные на паузу шесть секунд.

— Какие-либо проблемы, Труадий Петрович? — осведомился бот.

Труадий чуть отшатнулся и посмотрел на меня с восхищением. Почти влюблённо. С такой волшебной наглостью ему наверняка ещё сталкиваться не доводилось.

— Только не надо прикидываться, Лёня, будто сам не понимаешь, что ты наворотил в наше отсутствие, — зловеще-вкрадчиво молвил он. Было, однако, видно, что геликософское моё спокойствие его смутило. Перед ним явно сидел ни в чём не повинный сотрудник. Либо не сознающий своей вины по крайней тупости. — Ты сломал нам всю стратегию, Лёня. Стратегию, которую мы выстраивали несколько лет... В самом деле не понимаешь? — с сочувствием переспросил Труадий. — Ладно. Тогда давай с начала...

Говорил он долго и хорошо. Правда, я почти ничего не уразумел. Бот — тем более.

Красивое слово «стратегия». Не хуже чем «гелиософия».

Та часть информации, которую мне удалось усвоить, заключалась, насколько я могу судить, в следующем: в итоге деятельности отдела мелкие зависящие от нас фирмы каким-то образом оказались за бортом (за бортом чего?), зато наметился альянс со злейшими конкурентами.

Вот к чему, оказывается, приводит бездумное нажатие на кнопки.

— Что скажешь, Лёша? — неожиданно повернулся Труадий к своему заместителю.

Тот отозвался не сразу.

— Прибыль возросла, — глухо и отрывисто сказал он.

— Разве?.. — Владелец «Мицелия» снова схватил «мышку» и принялся терзать компьютер. — Да... немного... — несколько озадаченно проговорил он наконец. — Но, во-первых, прости, не вижу пока причинной связи. И потом... разве дело только в прибыли?

— Да, — сказал Лёша Радый.

— Ну, не знаю! — Труадий Петрович откинулся на спинку кресла. Был очень недоволен и раздосадован. — Может быть, я старомоден, Лёша, может быть... И всё-таки моральные обязательства перед партнёрами... — Он не договорил и, осунувшись, пристально всмотрелся в монитор.

Истекли шесть секунд.

— Могу я чем-нибудь помочь, Труадий Петрович? — осведомился бот.

Тот диковато взглянул на меня и не ответил. Не до того ему было.

Потом они заспорили с Лёшей Радым. Вернее, спорил Труадий, а Лёша односложно возражал. Разногласие касалось старой стратегии: восстанавливать её, болезную, или же доламывать до конца? А тут ещё выяснилось, что

в результате моих и ботовых проказ наш основной конкурент оказался в зависимом от нас положении. Не в прямой, конечно, зависимости, но тем не менее...

Решили доламывать.

Потом оба зачем-то встали и с интересом посмотрели на меня.

Дальнейшее известно.

— Будем считать, что ты оправдался... — буркнул Труадий Петрович.

Кто оправдывался? В течение всего разговора бот произнёс две, повторяю, две ничего не значащие фразы: «Какие-либо проблемы, Труадий Петрович?» и «Могу я чем-нибудь помочь, Труадий Петрович?»

И всё!

Что я сейчас перечитываю? Как ни странно, «Войну и мир» Льва Николаевича Толстого. Книгу из школьной программы. И перечитываю, представьте, с болезненным интересом.

Роман, конечно, неудачный. Да он и не мог быть иным, ибо граф поставил перед собой задачу, усиленную разве что Господу Богу. Показать, каким образом крохотные поступки отдельных людей складываются в ком исторических событий, слепо катящийся в никуда и давящий тех самых людей, чьими крохотными поступками он был нечаянно создан.

Как катится и как давит, изображено убедительно, а вот как складывается, честно сказать, не очень. Толстой и сам это видел, почему и перемежал описания откровенной объяснилкой. Всё, что не могло быть передано средствами художественной прозы, он излагал впрямую.

Эта-то объяснилка (на редкость местами скучная) и привлекла на сей раз моё внимание. Раньше я её большей частью пропускал.

Перечитывать начал почему-то с третьего тома и вскоре был поражён следующей крамольной фразой:

«Не только гения и каких-нибудь качеств особенных не нужно хорошему полководцу, но, напротив, ему нужно отсутствие самых лучших, высших, человеческих качеств — любви, поэзии, нежности, философского пытливого сомнения».

Стоп, холодея, подумал я. Да ведь это он о боте! Ни единого человеческого качества — и победы, победы, победы... Одни победы.

С замиранием двинулся дальше и через сотню-другую страниц набрёл на простое и ясное истолкование последних событий моей жизни:

«Наполеон делал свои распоряжения, которые или уже были исполнены прежде, чем он делал их, или же не могли быть и не были исполняемы».

Вот она, механика его успеха. Я не о Бонапарте, разумеется, я о боте.

Все его решения, выбрасываемые вслепую, оказываются на поверку либо неизбежны, либо невозможны. Он просто сыплет ими, никак не отбирая. Отбор за него производит жизнь.

Минутку, минутку! А чем же тогда объяснить мои неудачи, когда я пытался вмешаться в его действия, так сказать, с позиций разума?

Ответ обнаружился на первых страницах четвёртого тома.

Жутковатый ответ:

«Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения. Ежели он пытается понять его, он поражается бесплодностью».

Ну спасибо, Ваше Сиятельство Лев Николаевич! Благодарим покорно за науку, как говаривали высеченные на конюшне мужички...

Кажется, я сообразил наконец, в чём секрет его обаяния. Он не задаёт вопросов! Только в случае паузы — для поддержания разговора. Всякие там требования пароля при загрузке, само собой, не в счёт. Это же идеальный мужчина, мечта всех женщин. И не только женщин. Подумайте сами: кто никогда ни о чём не спрашивает? Только тот, кому всё известно заранее.

Представьте такую личность, и вы невольно ощутите священный трепет. Вот кто должен стоять во главе государства!

А то, что он всё делает невпопад... Ну так великие люди всегда всё делали невпопад. Потому они и великие.

Но что меня ждало в тот день дома! Что меня ждало дома!

— Как ты мог?! — кричала Артамоновна. — Как ты мог?!

На глазах её закипали слёзы.

Эдит Назаровна испуганно прижухла в своей комнатёнке.

Напрашивался привычный выход — слинять в бледную сирень и переждать там гнев супруги. Однако меня разобрало любопытство: а что я мог-то? Или бот опять какое-нибудь чудо отчеканил?

Я нашупал первую бусину чётки и отключил автопилот. Чтобы не влез ненароком в семейную склоку.

— Так, значит, он купил тебя? — Бледная от ярости Ева выхватила из пачки тонкую сигарету, защёлкала пальцами. Я вручил ей зажигалку. Пока ещё ничего не было понятно, но, кажется, меня обвиняли в чём-то очень и очень серьёзном. — Ты с самого начала знал!.. — Она прикурила и неистово замахала ладонью, отгоняя дым. — Знал — и принял в этом участие! Как ты мог?!

Ага... Ну вот уже кое-что проясняется. Меня купи-
ли. Кто меня мог купить? Кто этот оригинал?

Ну, натурально, Труадий Петрович!

Так. Купил. И что?

— Ты же всегда завидовал мне! — заходилась Ева. —
Завидовал и ждал момента! Дождался? Дожда-ался...

Что происходит, чёрт возьми?

И я прямо спросил, что происходит.

Все оскорбления, просыпавшиеся на мою бедную го-
лову, я повторять, конечно, не собираюсь. Скажу только,
что были они обидны и несправедливы. Кроме одного:
нашими совместными с ботом усилиями мы, оказывает-
ся, не только сломали выработанную Труадием Петро-
вичем стратегию, но и как-то там подставили Еву.

— Дура я, дура! — горько кривя рот, причитала она. —
Сама же, сама тебя туда толкала...

— Ты?! — не поверил я. — Когда?

До сего момента я изо всех сил подражал боту: ста-
рался соблюдать спокойствие, не чувствовать за собой
никакой вины и ничему не удивляться. Но это же не-
возможно!

— В тот день, когда тебя уволили! — Промажнув-
шись, она сломала сигарету о донышко пепельницы,
запалила новую. — Ты ещё понятия не имел, что такое
геликософия. А я тебе всё объяснила! Сказала, что Тру-
адий подыскивает начальника отдела. Посоветовала
принять участие в конкурсе. Свела тебя с ним. Прита-
щила к нему в гости... У, дура!

Ну вот. Кажется, у меня отбирают единственную в
моей жизни заслугу. В кои веки раз проявил инициати-
ву — и, здравствуйте вам, утверждают, будто и тогда дей-
ствовал из-под палки! И главное, твёрдо убеждена, что
так всё оно и было...

А поди проверь! Будь я ботом ещё до надения в
траншею... Хотя и это бы не помогло. Записи, не име-

ющие отношения к типичным ситуациям, хранятся в памяти трое суток, потом стираются. Как в камерах слежения.

Поражаюсь людям, уверенным в истинности своих воспоминаний. Сам я не верю воспоминаниям ни на грош. Как вы уже, наверное, обратили внимание, читать я не люблю — люблю перечитывать. Из чисто эгоистических соображений. Читаешь-то книгу, а перечитываешь-то себя. Ещё одна похожая страсть — обожаю пересматривать фильмы, которые нравились в юности. Смотришь — и глаза хочется протереть: всё же было не так! И эта сцена, и эта... А этой вообще не было!

Теперь представьте, что вам прокрутили эпизод из вашего собственного прошлого. Ручаюсь, реакция будет та же самая.

Не так всё было!

— Ева, — беспомощно сказал я. — Ева... Я просто не знал...

— Не знал, как называется моя фирма?

— Нет, я... Я понятия вообще не имел об этом решении...

И, бот свидетель, вправду не имел. Я даже не имел понятия, о каком решении речь.

Она уничтожила меня взглядом.

— Не ври! Я только что всё выяснила! Решение принимал один ты! Остальные были на Крите!

Ну почему, почему, стоит только высунуть нос из виртуальной своей скорлупы, как тут же хочется сгореть со стыда? К чёрту! Все к чёрту!!! Сам наворотил дел — пусть сам и разбирается.

Здравствуй, бледная сирень, голубой палисад...

Ну вот. Здесь нас с тобой никто не тронет, не обругает, не подведёт под издёвку чёрной правды... которая страшнее клеветы... Так, кажется, у поэта?

Лучшим выходом из гнусного этого положения мне казался такой: бот, по своему обыкновению, сейчас поведёт себя крайне бесстыже, и Ева просто выставит меня за дверь. Раз и навсегда. А что ещё делать с Иудой? Надо же! Слить фирму жены за тридцать сребреников жалованья... Или что я там с её фирмой сделал?

ЖЕЛАТЕЛЬНО ЛИЧНОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Мог бы и не напоминать. Я уже и сам чувствовал, что меня куда-то неистово тащат за руку. Должно быть, в направлении порога. Куда ещё? Сложность, однако, заключалась в том, что вернуться в зримую реальность можно было лишь с помощью чётков, а чётки находились в той самой руке, за которую волокли.

Вскоре меня развернули рывком, возможно, для нанесения хорошего пинка в крестец, однако вместо этого повалили на что-то упругое, обширное, оказавшееся впоследствии нашим супружеским ложем, и впились в мои губы жарким влажным поцелуем. Артикулятор дёрнулся, но безуспешно.

Зато правая рука наконец-то получила свободу — и я смог вернуть себе зрение и слух.

Меня уже раздевали.

— Что ж ты сразу не сказал?.. — страстным прерывистым шёпотом вопрошала Артамоновна, сдирая с меня рубашку и принимаясь уже за брючный ремень, на котором, кстати, крепился футляр с коробочкой. — Родной ты мой...

Самое обидное, что во время всей этой суматохи я, видать, нечаянно придавил не ту бусину, полностью отключив запись. Поэтому не спрашивайте, что он ей такое сказал. Не знаю. А хотелось бы.

Внезапно Ева запнулась, широко раскрыла глаза.

— Ты ведь всё исправишь, да?.. — спросила она с надеждой и страхом. — Ты меня так не бросишь... Ты поможешь мне, правда?..

Глава двенадцатая

Без позору рожи не износишь.

Однако в ту пору, когда Владимир Иванович Даль подслушал и записал эту народную мудрость, автопилота ещё не придумали.

Мои постоянные уходы в непрозрачку не то чтобы участились, нет, они сменили причину. Если раньше меня туда гнала скука окружающего мира, бессмыслица его, глупость, ханжество, то теперь я именно убергал от позора собственную рожу.

Чем-то я напоминал себе героя анекдота советских времён, кидавшегося валенком в седьмом отсеке атомной подводной лодки, где якобы располагался пульт управления баллистическими ракетами. Где-то рушились фирмы, ломались судьбы, а виноват в этом был я, кидавшийся валенком.

С другой стороны, фирмы — чужие, судьбы — чужие. Неизвестные, незримые. Кто знает, сколько незримых живых существ мы давим насмерть каждым своим шагом? На всех, знаете, жалости не хватит. Да и не хочу я жалеть этот мир. Он же нас не жалеет!

Другое дело Ева. Еву надо было выручать.

Как я ей иначе в глаза смотреть буду?

Новая стратегия строилась на руинах старой. Шилась на живую нитку. Каждый день приносил неожиданности, и не все они, как я догадываюсь, были приятны. Руководство отложило туристический набег на Барселону. Перед глазами то и дело вспыхивало опостылевшее «Желательно личное присутствие».

Вставал и шёл, ломая голову, как настроить бота на разговор с Труадием насчёт Артамоновны. Закавыка в том, что автопилот по умолчанию работает исключительно вторым номером. Сам он инициативу ни за что

не проявит, для этого необходимо вмешательство человека. А я не программист, я ламер... Или лузер? Не помню. Словом, кто-то из них двоих...

Впору было звонить Олжасу Умеровичу.

Я и позвонил. Выслушал череду длинных гудков. Странно. Время вроде не обеденное...

Тогда, может быть, просто выставить для Евиной фирмы благоприятный режим? Ни с кем не согласовывая. Раз и навсегда. И дело с концом! Но я теперь пребывал под колпаком у Петровича, а он воробей стреляный — тут же заметил бы изменение политики в отношении одного из партнёров.

К счастью, всё утряслось само собой.

— Н-ну... — язвительно молвил Труадий. — Молодой ты наш империалистический хищник! Всё понимаю. Одних разогнал, других пригрёб... Но жену-то зачем приложил? Пробки перегорели? Что за ход?

Хороший вопрос.

— Хода нет — ходи с бубей, — ответил динамик.

Труадий взглянул на меня едва ли не с испугом. Если я во имя дела даже предприятие законной супруги не пощадил, то чего же от меня в таком случае ждать остальным?

— Послушай, Лёня, — несколько нервно заговорил он. — Если ты за что-то подобным образом мстишь Еве, то должен тебе сказать... Я не для того основывал «Мицелий», чтобы ты с его помощью сводил какие-то свои счёты с женой...

— Ещё и с женой, — подтвердил динамик.

После таких слов мы с Петровичем оторопели оба, но, вероятно, по разным причинам: мне ответ показался слишком неожиданным даже для автопилота, а уж какой смысл вложил в услышанное Труадий — не берусь судить. На всякий случай я вызвал распечатку пре-

дыдущей фразы. Ну понятно! Концовку её бот распознал как «ещё ты с женой».

— Лёня... — У Труадия даже голос слегка упал. — Ты безжалостен, Лёня... Так нельзя.

Я поспешно отключил автопилот. Вернее, не то чтобы совсем отключил... Пусть пишет, но молча.

— Вы полагаете, Труадий Петрович... — проямлил я, — что для Евы следует сделать исключение?

— И ты об этом спрашиваешь меня?!

Мне стало совсем неловко.

— Я уже и сам думал, Труадий Петрович... Да! Конечно! Сделаем...

— Ну слава богу... — с насмешливым облегчением промолвил Труадий. — Хоть что-то человеческое прорезалось... Слушай, Лёнь! А не слетать ли тебе с нами через месячишко в Испанию? А то ведь так и сгореть недолго на работе.

Возможно, я ошибаюсь, но такое впечатление, что после моего краткого владычества и последующей стратегической ломки Труадий слегка изменился. Обычная его рассеянная улыбочка, с которой он давал указания сотрудникам, смотрелась теперь несколько застывшей. Приклеенной. В молодости Петрович, как мне кажется, был тот ещё волчара, а барственную личину примерил, лишь убедившись, что его «Мицелий» не по зубам уже ни уголовным рэкетирам, ни государственным.

И всё-таки, думается, в глубине души он по-прежнему полагал себя зубастым и беспощадным. Вот, дескать, похаживаю я среди вас весь такой благостный, подчёркнуто старомодный, церемонный, а изменись конъюнктура — секунды не буду колебаться, ни перед чем не остановлюсь.

А конъюнктура-то, оказывается, давно изменилась!

Какой-то, простите, сопляк, которому дали немножко порулить (даже и не порулить — так, за шишечку штурвала подержаться), резко меняет курс и в итоге оказывается прав. Насколько я могу судить, сделанные ботом ходы были довольно циничны, однако вполне очевидны и, главное, неподсудны. А Труадий их проморгал. Не заметил.

То ли маска приросла, то ли впрямь состарился.

Осмелюсь также предположить, что грызло его теперь ещё одно тайное сомнение: а ну как геликософия — это всё-таки нечто большее, нежели набор звонких нечленораздельных терминов? И я понимаю Труадия. Мне и самому временами так кажется. Хотя, если подумать, нет такого набора терминов (сколь угодно звонких и сколь угодно нечленораздельных), который не смог бы при определённых условиях воплотиться в жизнь. Возьмём американскую мечту. Или, допустим, наш коммунизм...

О так называемых мировых религиях я и вовсе молчу.

А с геликософией, по-моему, совсем просто. Грубо говоря, мой отдел предсказывает будущее. За хорошую плату. А поскольку нашим глубоко научным пророчествам клиенты либо верят, либо делают вид, что верят, заставляя тем самым поверить других, то, предсказывая будущее, мы его, получается, создаём.

Разве не так?

Другое дело, что даже я, начальник отдела, главный оракул, без пяти минут доктор геликософии, понятия не имею, с какого потолка, с какой колокольни эти прогнозы берутся. Из компьютера, говорите? Но к компьютеру-то я сажусь только на автопилоте! Оно мне надо — самому разбираться во всей этой заведомой дури? А уж как автопилот обрабатывает внешнюю информацию... Знаем, видели.

Так что грядущее, господа, одному боту известно.
Кстати, о ботах.

Труадей — не бот. Сто процентов. А вот насчёт Лёши Радого я, честно признаюсь, долгое время сильно сомневался. Судите сами: невозмутим, монументален, говорит редко, кратко, зачастую невпопад. По всем статьям подозреваемый номер один. Потом присмотрелся к нему, прислушался и понял, что нет. Лёша задаёт вопросы, причём не риторические, а по сути.

Стало быть, подозрение снимается. Можете идти, гражданин Радый, вы свободны. Бот заведомо знает всё. Или ничего не знает, что, собственно, одно и то же, ибо исключает какие-либо сомнения.

Был момент, когда я подозревал буквально всех. Всмотривался в глаза, хотя мой собственный опыт неопровержимо свидетельствовал о том, что, во-первых, хитрые контактные линзы совершенно неприметны, а во-вторых, пытаться углядеть в них хотя бы отблеск вспыхивающих значков и надписей — заведомо зряшное дело. Не раз проверено самолично перед зеркалом.

Что же касается речи и поведения... Рано или поздно ботоподобный сослуживец (а все они, как правило, ботоподобны) проявлял колебания, любопытство, элементарную трусость наконец!

Ни то, ни другое, ни третье боту не свойственно.

Кроме того, ни у кого из подозреваемых не наблюдалось в руках чётков или какого-либо другого предмета, которым бы он постоянно поигрывал.

ПОДЬ СЮДЫ

Дело в том, что политкорректное до идиотизма «Желательно личное присутствие» к тому времени изрядно намозолило мне глаза, и я сменил напоминалку. Теперь она выглядела и выразительнее, и короче:

ПОДЬ СЮДЫ

Согнал с бледно-сиреневых обоев внутреннего мира очередной текст и вернулся в объективную реальность, данную нам в ощущениях.

Прямо перед моим столом обозначилась загорелая сероглазая брюнетка в маленьком чёрном платье. Она смотрела на меня с нескрываемым любопытством. Клиенты так не смотрят. На всякий случай я взял её узкое смуглое лицо в рамку распознавалки, поскольку было не исключено, что бот в моё отсутствие уже беседовал с этой особой и не однажды.

НЕЗНАМО КТО

Значит, не беседовал.

— Чему обязан? — осведомился динамик.

— Исключительно вашим редким деловым качествам, Леонид, — прозвучало в ответ. Интонации показались мне удивительно знакомыми. Каждое слово выговаривалось с издевательской тщательностью и неторопливостью.

Пока я вспоминал, кому ещё свойственна подобная манера речи, неизвестная коротко взглянула через плечо на юную сотрудницу (остальные две были в разбеге). Та встрепенулась, испуганно округлила ротик.

— Ой! Меня ж ещё просили зайти... — Схватила сумку, устремилась к дверям, обернулась. — До свидания, Герда Труадиевна! Это вы на Крите так загорели?

Труадиевна?

Я встал.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — сказали мы с ботом, помешав друг другу. Кажется, стоило взять беседу на себя. Что я и сделал.

— Не стоит беспокойства, — небрежно отозвалась Герда Труадиевна. — Если мне понадобится сесть, я сяду. — Огляделась. — Так значит, здесь вы, Леонид, и горите на работе? Сегодня самосожжение ваше откладывается. Ценных сотрудников надо спасать. Я вас забираю.

Интригующее начало.

— Куда, если не секрет?

— На ужин.

— Да, но...

— Папа в курсе.

Не могу сказать, чтобы её бесцеремонность показала мне очаровательной.

— А в чём смысл мероприятия? — холодно осведомился я.

Однако не на ту нарвался.

— Хочу познакомиться поближе с новым приобретением, — сказала она, дерзко глядя в глаза. — Папа, увы, не вечен, а судя по тому, что он о вас говорит, знакомство нам предстоит долгое.

До того, как я стал ботаносцем, за мной стойко держалась репутация циника. Но подобная прямота высказываний даже меня покорила. Хотя с дочерьми владельцев заводов-газет-пароходов мне как-то раньше встречаться не приходилось. Вдруг они все такие!

Пока выбирались из здания, я велел боту развлечь мою спутницу, а сам вышел в интернет и навёл справки. Наверное, это следовало сделать сразу же, как только меня приняли в «Мицелий». Семью босса рекомендуется знать в лицо.

Тут же обнаружилась масса интереснейших сведений матримониального характера. В законном браке Труадей Петрович состоял трижды. С первой супругой развёлся, вторая умерла, с третьей у него брачный контракт. Герда — единственная дочь от второй жены. Тридцать четыре года. Наследница. Вся в папу: два раза успела побывать замужем. Имеется сын Валерий (двенадцать лет), страдает чем-то врождённым и пребывает в некоем пансионате за дальним рубежом.

Ещё в наследники лезут два отпрыска от первого брака. Упорно, но безуспешно.

Облицованный дубом подвальчик располагался в двух шагах от конторы, так что мы с Гердой Труадиевой добирались до места пешком. Я шёл на автопилоте и сосредоточенно выбирал режим предстоящего разговора. Всё надлежало обставить культурно, даже куртуазно, однако без каких бы то ни было интимных поползновений. Подбивать клинья под будущую хозяйку, во-первых, неэтично, во-вторых, пошло. Сразу вспоминается драматургия Островского: приказчик, ухлёстывающий за дочерью купца, и всё такое.

Впрочем, беседа сложилась вполне дружеская и неожиданно приятная. Язычок у Герды, следует признать, не менее ядовит, чем у папаши. Пару раз я даже вырубал автоответчик и лично вступал с ней в словесное фехтование. По-моему, ей понравилось.

И всё же без бота не обошлось. Герда объявила, что я лечу с ними в Барселону. А мне проще проболтаться несколько часов в самолёте, обмирая на каждом воздушном ухабе, чем сказать кому-либо твёрдое вежливое «нет». Тем более даме.

Впрочем, как вскоре выяснилось, мог бы и не отказываться. Испанию мы с Труадием Петровичем долго ещё не посетим. А Лёша Радый — уже никогда.

Глава тринадцатая

Куда-то мы ехали втроём. Точнее, вчетвером, если считать шофёра. Бот поддерживал беседу, я же с лёгкой душой домусоливал первую редакцию «Войны и мира». В момент категорического императива (ПОДЬ СЮДЫ) я как раз обомлел над невероятной даже для Его Сия-

тельства фразой: «Статистика преступлений показывает, что человек, думающий, что он убивает свою жену потому, что она изменила ему, исполняет только общий закон, по которому он должен пополнить число убийц в статистическом отчете».

ПОДЪ СЮДЫ

Не знаю, что побудило автопилот вернуть меня на заднее сиденье серебристого «мерса», но главное я увидеть успел. Впоследствии, во избежание шума, случившееся оформили как дорожно-транспортное происшествие. Но уверяю вас, это была самая настоящая подстава с тараном. Только-только зажётся зелёный, и мы почти миновали пустынный пригородный перекрёсток, когда давно уже болтавшаяся перед нами одинокая иномарка внезапно притормозила. Притормозили и мы. Практически остановились, став мишенью для тёмной легковушки (потом мне сказали, что это была «десятка» цвета маренго), самоубийственно стартовавшей аккурат с жёлтого на красный.

Потом было установлено, что в нашу переднюю дверцу она вошла уже на скорости под сто километров в час, но в тот миг мне показалось, что катится к нам легковушка медленно и равномерно. Выходит, не врали очевидцы всевозможных катастроф, утверждавшие, будто в моменты опасности происходящее почти останавливается. Говорят, что причиной тому страх. Но страха я не почувствовал вообще. Успел лишь раздражённо подумать: «Ну вот...»

Запомнил самое начала удара и вздувающийся волдырь подушки безопасности за лобовым стеклом идущей на таран машины. Ни грохота, ни скрежета не услышал — очутился вдруг на больничной каталке. Этакая тарантиновщина. Попытался вдохнуть — и был изумлён болью в треснувших рёбрах.

Здравствуй, родной комплекс! Здравствуй, родной корпус! Здравствуй, родной этаж! Палата, правда, не родная, но всё равно — здравствуй! Народ на койках сменился полностью, однако врачи и медсёстры меня ещё не забыли. Светлоглазая Даша даже взвизгнула слегка, увидев, кого ей привезли. Вот он, новый шанс показать то место, куда её когда-то укусил комар!

Впороли обезболивающее, дышать стало полегче, и я спросил наконец, что с остальными. Ничего особенно хорошего мне сообщить не смогли. Лёша Радый и шофёр Толик в тяжёлом состоянии. В крайне тяжёлом. Собственно, оно и понятно — удар пришёлся в основном на них. С Труадием чуть полегче, но он, оказывается, сердечник, так что тоже картина сложная.

Вот тогда-то и ворохнулся во мне страх.

Поймите, меня впервые в жизни пытались убить. Пусть не персонально, пусть за компанию... Или всё-таки совпадение? Ну не камикадзе же он, не шахид — тот, кто сидел за рулём «десятки»!

Впрочем, как мне потом сказал следователь, с водителем этим история тёмная. История цвета маренго. Абсолютно точно, что уцелел. Спасла подушка безопасности, чьё медленное возбуждение я видел собственными глазами. Перекрёсток, как я уже упоминал, пустынный. Те, что сидели в иномарке, вытащили виновника ДТП из разбитой «десятки» и увезли в больницу. Нас не увезли, а его увезли. В какую больницу? Неизвестно. Далее след лихача теряется. Как и след иномарки. А сама «десятка», оборудованная по инициативе бывшего владельца подушкой безопасности, между прочим, к моменту столкновения второй день числилась в розыске.

Какое ж, к чёрту, совпадение?

К счастью, по пятам за нами совершенно случайно следовала машина МЧС. Хорошо, что не катафалк. У

похоронных команд несколько иные профессиональные навыки. А спасатели оперативно вскрыли дверцы, вынули наши бесчувственные тела, сделали инъекции, вызвали «Скорую» и заодно отсняли на видеокамеру неприятный сюжет, который уже вечером неоднократно прокрутили по местному телевидению.

Да, собственно, в приключении этом загадочно всё. Как вам, например, понравится такое: металлическую фляжку с коньяком во внутреннем кармане пиджака сплюснуло (видно, она-то рёбра и поломала), а хрупкая коробочка на поясе целёхонька. Работает. И линзы на месте, и ушные вставочки. Впрочем, надо будет всё равно, коли случай представился, сходить к Олжасу Умеровичу — пусть проверит как следует. А пока я всю свою механику выключил. Тряхнуло-то её, что ни говори, крепко.

Палату мне отвели почище и попросторнее, чем в прошлый раз. Соседей всего двое, и оба — тоже участники какого-то там ДТП. Мне это показалось странным.

— Здесь что, по специализации раскладывают? В прошлый раз, когда я в траншею провалился, одни только паданцы в палате лежали...

— А как же! — заметил с достоинством сосед, чьи глаза были обведены чудовишными траурными синяками. — Тебя ж не из траншеи, тебя сейчас из «мерса» вынули...

Резонно.

А за окнами уже вечереет. Я сижу на краю койки, выправив позвоночник, потому что лежать больно. К Олжасу Умеровичу, наверное, идти поздновато, а в реанимацию меня, конечно же, не пустят. Прогуляюсь хотя бы по коридору. До лифта и обратно.

Встаю. Выправка у меня гвардейская. Как у Эдит Назаровны. Всё верно: сломанные рёбра — залог пра-

вильной осанки. Впрочем, когда делали рентген, сказали, что переломов не видать. Должно быть, трещины.

Будем считать, отделался лёгким испугом. Ушибы — не в счёт.

Осторожно выбираюсь из палаты, достигаю холла, после чего невольно издаю опрометчивый смешок, тут же срывающийся в утробный болезненный стон.

Посреди помещения стоит всё тот же письменный стол, а за ним, вы не поверите, сидит мент с пистолетом. При виде меня служивый встаёт и перекрывает мне дорогу.

— Пожалуйста, вернитесь в палату.

— Это вы здесь из-за меня?!

Выясняется, что да. Пока не отброшена версия криминальной разборки, мою персону будут беречь как зеницу ока.

Нет, но предполагал ли я когда-нибудь достичь высокого статуса Александра-Николая-Эдуарда?

Плохо. Оказывается, напрочь отвык говорить с людьми сам. Хотя, если честно, я и раньше не шибко это умел. Часов до семи прикидывал, как избежать набега неистойвой Артамоновны. Сейчас бы он был совсем некстати.

Наконец придумал и рискнул на пару минут оживить автопилот. В режиме сотика. Позвонил, сказал, что Труадий Петрович попал в больницу и мне придётся побыть с ним здесь до утра. Дипломат. Талейран.

Разумеется, посыпались вопросы, но я прикинулся, будто связь плохая, и отключился.

Кому ж это мы, интересно, перешли дорогу? Да всем! По сути дела, затеяли новый передел собственности. Многим ли это, скажите, понравится? Странно только, что покушение какое-то непрофессиональное.

Обычно стреляют, взрывают. Хотя, с другой стороны, профессионализм-то как раз налицо, поскольку ничего не докажешь. Какое такое покушение? Угнал наркоман машину, не справился с управлением... Опять же таранила нас слегка переделанная «десятка». Вот если бы джип с лебёдкой...

Я бы на месте следователя перепихнул это дело гаишникам.

Чисто ГИБДДдически.

Кстати, следователь, посетивший меня утром, так в итоге и поступил, потому что вскоре охрану сняли.

Обретя свободу (она же осознанная необходимость), я впереступочку одолел два лестничных пролёта до нейрохирургии, но, как и следовало ожидать, меня там ни к кому не пустили. Труадий после укола спал, а Лёша с Толиком и вовсе были в реанимации.

Тогда — к Олжасу.

Чтобы лишний раз не беспокоить рёбра колыханием по ступеням, спустился лифтом в приёмный покой, располагавшийся на одном уровне с асфальтом, и оттуда двинулся ко второй хирургии.

Сразу же бросилось в глаза отсутствие среди многочисленных табличек той, что была мне нужна. Кряхтя, взошёл на второй этаж. На двери знакомого кабинета также ничего не висело, а сама дверь оказалась заперта. На косяке вровень с замком сохранился приклеенный обрывок бумажки.

Что за притча?

— Простите, пожалуйста... — попытался я остановить шедшую вперевалку по коридору матрону в белом халате. — Не подскажите...

Она поставила на пол пластиковое ведро и оперлась на швабру.

— Понимаете... — сказал я. — Тут был кабинет. Видимо, куда-то они переехали...

— Какой кабинет?

— Вот этот. «Ауто-семьсот». Может быть, вы знаете куда...

— А я тут недавно, — ответила она на все вопросы сразу и, подхватив ведро, поковыляла дальше.

Я ошалело посмотрел ей вслед.

Искать администрацию корпуса, выяснять, куда пропала фирма, у меня бы не хватило здоровья. Пошёл назад, одолеваемый странным ощущением. В природе чего-то не хватало. Аллея. Акации. Корпус. Вроде всё на месте. Потом осенило: перед глазами не возникают направляющие стрелки.

Иди куда хочешь.

Выхода нет. Я не могу без автопилота. Все жаждут роскоши человеческого общения, а расплачиваться за неё мне одному. Вести разговор с начала до конца, не имея возможности в любой миг выпасть из него и заняться чем-то более интересным... Мне уже зябко такое представить.

Подсел, как на иглу. Суток не прошло — и уже ломка.

Поднялся к себе на этаж, заперся в умывалке. Раскрыл слегка помятый футляр и принялся за экипировку. Аккумулятор я догадался подзарядить ещё вчера. Снарядившись, подключился, врубил полное тестирование. Длилось оно минут пять, потом выскочило ОК. Очень вовремя — в дверь уже заколотили. И не потому что кому-то приспичило средь бела дня почистить зубы — нет, это искали меня.

Я позарез был нужен Артамоновне, Герде Труади-евне, двум сослуживцам, одной сослуживице и трём незнакомым молодым людям с угрюмыми каторжными лбами (не от них ли меня доблестно оберегал вчерашний мент с пистолетом?), причём у каждой делега-

ции ко мне имелся разговор, исключаящий присутствие посторонних.

Оба моих соседа по палате быстренько всё поняли и смылись погулять. Пока Артамоновна вежливо препиралась с Труадиевной относительно права первой беседы, три незнакомца решили подождать своей очереди в коридоре. Как и сослуживцы с сослуживицей.

Думаете, господа, вы меня застали врасплох?

Отнюдь нет.

Динамик — в порядке, линзы — в порядке, аккумулятор — заправлен, коробочка — на поясе.

Вооружён и очень опасен.

Броня крепка...

Ах, если бы ещё можно было отключиться и от боли в рёбрах!

Выписали меня в тот же день. Врачи не возражали. Да хоть бы и возражали! Герда Труадиевна передала мне пожелание папы, чтобы в его отсутствие делами рулил именно я. Молодой империалистический хищник.

Главная трудность управления заключалась в необходимости расслаблять лицевые мышцы, что удавалось далеко не всегда: стоило неловко повернуться, как в боку стреляло, и мордень у меня непроизвольно подёргивалась. Помыслить жутко, сколько ценных замечаний моего бота было таким образом прервано на полуслове и не дошло до подчинённых.

На следующую ночь, так и не придя в сознание, в реанимации скончался Лёша Радый. Жаль. Мне он очень нравился. Нелюдимый, неразговорчивый, вечно себе на уме. Достаточно сказать, что во время погребальной церемонии я ни разу не отгородился от происходящего непрозрачным фоном. Похороны были грандиозны. Последний раз нечто подобное происходило у нас лет этак десять назад. В принципе, я и сам мог бы догадаться, кто

он такой, этот Лёша. Троллейбусное движение пришлось приостановить. За катафалком в два ряда шли траурные иномарки одна другой круче. И они гудели. В производимых над могилой речах постоянно сквозила угроза: найдём, отомстим. Присутствовавшая в изобилии милиция прикидывалась, будто ей невдомёк, о чём говорят.

Между прочим, первая надгробная речь была произнесена ботом. Слушайте, эта железяка заслуживает уважения. Конечно, режим «похороны» я задал ему собственноручно, но где он раскопал такой текст? Собственно, сами-то слова были в достаточной мере безлики и приложимы к любому усопшему труженику или, скажем, члену какой-нибудь политической группировки, однако в данной ситуации они обрели неожиданный смысл. «Ты был бесконечно предан нашему делу...» «Ты безвременно покинул нас, но наше дело живо...» Понятно, что составители всего-навсего хотели избежать упоминания о каком-либо конкретном роде занятий, но «наше дело...». Представляю себе, как бы эта речь прозвучала по-итальянски!

Браткам понравилось.

И, смею вас заверить, наше дело действительно живо. Уже на следующий день Лёше Радому нашли замену. Тоже рослый молодой человек, знающий цену каждому своему слову, и тоже с кликухообразной фамилией. Славик Скоба, прошу любить и жаловать.

Правда, по сравнению с Лёшей смотрится он куда мельче и болтливее.

Глава четырнадцатая

Плох Петрович. Совсем плох. Мало того что с ним после столкновения приключилось что-то ишемическое — ещё и insult хватил. Иногда вечерами бываю у

него дома. Перекосило беднягу, угол рта обвис. Смотрит на меня боязливо, искательно. А говорить с ним на автопилоте — совесть не позволяет. Выдавлю пару сочувственных фраз — и молчу.

Раньше, насколько я слышал, нынешняя жена Труадия и Герда враждовали. Теперь сдружились.

Герда малость осунулась, линия рта стала жёстче, скулы торчат, как у топ-модели. Матовый средиземноморский загар заметно побледнел. Лихими речениями относительно того, что папа-де не вечен, наследница больше не щеголяет. Испугалась.

— Вот так, Лёня, — обессиленно сказала она однажды, когда мы вышли из комнаты Петровича и тихо прикрыли за собой дверь. — А расхлёбывать всю эту кашу нам двоим... Выпить хочешь?

Мы перешли к ней, где Герда Труадиевна опустилась в кресло и указала мне глазами на бар.

— Бьянка? — спросил я, зная уже её вкусы.

— Что-нибудь покрепче.

Достал что покрепче.

— Даже если выходим его, — сдавленно произнесла она, — прежним он уже не станет. А на нём ведь всё держалось. Всё.

Я молча подал ей фужер.

Сделала глоток, закусила губу.

— Пускай он даже в последнее время отошёл от дел. Он — личность. А без него... Это как стержень вынуть. Тем более сейчас... И братики ещё эти опять права качают!

Видимо, речь шла о сыновьях Труадия от первого брака. Не потому ли так резко помирились падчерица и мачеха?

— Хозяйка! — Герда горестно усмехнулась и допила залпом. В фужере зашуршали, захрустели кубики льда. — Владелица! Слушай, ведь я растерялась... Что делать? Ничего не понимаю. Ты сам-то понимаешь?

— Нет, — честно ответил я (автопилот был выключен). — Ещё налить?

— Иди сюда, — надломленным голосом позвала она. «Подь сюды», — немедленно вспомнилось мне.

Подошёл.

— Поцелуй меня.

Поцеловал.

Ну и так далее. До дома я в тот день, сами догадываетесь, не добрался — сказал, что заночую у Труадия Петровича. Но, с другой стороны, клиньев под хозяйскую дочку я не подбивал. Она сама.

Такое впечатление, что я теперь тот спасательный круг, за который все цепляются. Собственно, цепляются-то не за меня — цепляются за бота. В безумной нынешней свистопляске он один не впадает в истерику и безмозглым, державным своим спокойствием вселяет в людей надежду. Выплывем. Прорвёмся. Увидим ещё небо в алмазах.

В истерику за него впадаю я, Лёня Сиротин. Но это невидимые миру слёзы. Подслушай кто-нибудь со стороны мои мысли, точно бы решил, что меня пора сдавать в психушку.

Там, снаружи, идёт вовсю передел собственности, ломаются стратегии, учиняются подставы с таранами, а я, отгородясь от угрюмого этого бреда бледно-сиреновой парапетазмой (так, согласно словарю, называется занавес в театре), сижу и рассуждаю чёрт знает о чём.

Русский бес.

Не знаю, с чем это связано, однако русский бес почему-то всегда мелкий. Первым об этом проговорился, ясное дело, Пушкин. От лица Мефистофеля: «Я мелким бесом увивался...» Но пушкинский Мефистофель ещё не совсем обрусел, он — немец. Романтический дьявол. У него плащ, шпага, берет с петушиным пером. Не ле-

безит, не порет чушь, в опере поёт басом. Хотя нет, виноват, это уже не пушкинский, это гётевский Мефистофель. И булгаковский Воланд — немец. Он сам в этом признаётся.

Не наше это всё, иноземное.

А настоящий русский бес, как мне кажется, возник лишь под пером Гоголя и долгое время прикидывался ничтожным чиновником, покамест не был нечаянно разоблачён Михаилом Чеховым. Когда тот впервые сыграл Хлестакова, публике померещился на подмостках чёрт: ворвался, обморочил, заболтал всех до одури — и сгинул. Причина проста. Михаил Чехов работал над ролью строго по Гоголю, без обычной актёрской отсебятины. Хлестаков и сам не знает, что скажет в следующий миг. Услышал — ответил — забыл.

Чувствуете, куда я клоню?

Раньше я думал: бес.

Теперь думаю: бот.

Бес — бот.

Бот — бес.

Недотыкомка.

А знаете, что в русской литературе есть ещё два персонажа, чья речь — точное подобие речи Хлестакова? Дробят языком, сыплют словами, не задумываясь о смысле. А в результате околдовывают людей и, что хотя с ними, то творят. Два пустозвона, два болтуна.

Не догадались ещё, кто такие?

Первый, разумеется, Петруша Верховенский из романа Достоевского (а роман-то, кстати, называется «Бесы»). Второй — Коровьев-Фагот из «Мастера и Маргариты». И тоже, между прочим, бес. И тоже мелкий — сравнительно с мессиром.

Правда, в отличие от Хлестакова эти двое не совсем искренни. Оба слегка прикидываются. И даже не слегка. Верховенский — тот открыто заявляет: «Но так как

этот дар бездарности у меня уже есть натуральный, так почему мне им не воспользоваться искусственно? Я и пользуюсь».

И чем же он вам после такого признания не бот?

И чем я сам теперь отличаюсь от этих трёх inferнальных персонажей? Наличием коробочки на поясе? Или количеством и частотой произносимых слов? Ну так это регулируется.

Я одержим ботом, как иные одержимы бесом.

О эта притягательная сила бездарности и бесстыдства! Как она стремительно возносит нас на вершину жизни, как неудержимо толкает вверх по карьерной лестнице!

Странно. Не верю ни в сон, ни в чох, ни в вороний грай, а сам, между тем, рассуждаю о сатанинской сущности бота.

И всё-таки как это ему удаётся?

В пору моего студенчества большой популярностью пользовалась такая игра: одного из компании выставляли за дверь, сказав, что, пока он там будет стоять и не подслушивать, мы ознакомимся с некой историей, которую ему по возвращении в комнату придётся восстановить, задавая по очереди каждому из нас простые вопросы. Возможные ответы: «да», «нет», «не имеет значения».

Разумеется, никакой истории не было в природе, а сама игра представляла собой тайное издевательство над тем, кого выставили за дверь. Если вопрос оканчивался на гласную, следовало отвечать «да», если на согласную — «нет», на мягкий знак — «не знаю» или «не имеет значения».

Иными словами, задающий вопросы, по сути, придумывал историю сам и забредал чёрт знает куда, ведомый своим злокачественным воображением.

Удивительнейшая порой складывалась похабель.

Смеяться уставали.

Правда, каждый раз требовалась новая жертва.
Дважды не обманешь.

Собственно, я это к чему?

Да к тому, что бот выкидывает ответы примерно по тому же принципу, а окружающие в меру своей испорченности творят истории, творят кумира и ещё бот знает что творят. Хотя даже бот не знает.

За него, как видим, думает социум.

Впрочем, помню случай, когда нам, студентикам, повеселиться так и не удалось. Выставленный за дверь отличник, вернувшись, спросил:

— Это трагедия?

— Да.

— Это трагедия Шекспира?

— Да.

— Это «Ромео и Джульетта»?

Мы ошалело переглянулись. Да. А что ещё отвечать? Отличник пожал плечами и негодуя осведомился, в чём прикол.

Но отличники — они ж сами отчасти боты. А некоторые теперь даже и не отчасти.

Через пару дней секретарша-референт Лера вынула меня из бледной сирени и сказала, что ко мне товарищ из милиции. Ага, подумал я, кажется, нашёлся наш камикадзе из «десятки» цвета маренго. Бедняга. До суда точно не доживёт.

— Пусть войдёт.

Вошёл некто незнакомый. Тот, что посетил меня в палате, был маленький, плотный. А этот — длинный, жилистый, с тяжёлой челюстью.

— Здравствуйте, — приветствовал вошедшего бот. — Садитесь. Слушаю вас.

Верзила сел. Представился и был внесён в распознавалку.

— Леонид Игнатьевич, — сказал он. — Скажите, не знаком ли вам такой Олжас Умерович Курбангельдыев?

На долю секунды я оцепенел, потом сунул руку в правый боковой карман пиджака, где лежали чётки, и на всякий случай отключился.

— Олжас Умерович?..

— Курбангельдыев.

— Это...

— Оператор фирмы «Ауто-семьсот». Филиал у них находился в больничном комплексе. Вторая хирургия...

— Да, я заходил туда пару раз, но... Откуда вы...

Товарищ из милиции открыл папку и достал мою визитную карточку.

Всё правильно. В тот день меня расковывали из гипса. А избавившись от лангетки, я пришёл похвастаться победой в конкурсе и оставил Олжасу Умеровичу свежоотпечатанную визитку. Помню-помню...

— Вы заходили, — удовлетворённо произнёс товарищ. — Зачем?

— Просто из любопытства. Расспросить. Увидел табличку — зашёл... Предпочитаю, знаете, быть в курсе технических новинок. А то лежишь с переломом, заняться нечем...

— То есть его клиентом вы не были... — с некоторым разочарованием подвёл он итог.

Последовала выжидательная пауза. Я молчал.

Всё-таки кое-чему у бота научился.

— Что ж, ваше счастье...

— Простите, — не понял я. — А собственно, в чём... Что произошло?

А произошло, оказывается, вот что: в недрах прозрачной, как слеза христианского младенца, фирмы завелась группа проходимцев, вживлявших доверчивым

клиентам на свой страх и риск бэушные поеденные виртусами автопилоты. Или автопилоты с драными программами. Видимо, такое тоже возможно. А целенькую аппаратуру гнали налево.

— Налево — это куда? — перебил я.

— В данном случае, своим собственным клиентам. Иногда весьма высокопоставленным...

— Кому, например? Или это служебная тайна?

— Да нет... — Товарищ из милиции усмехнулся. — Какая ж тайна, если уже все газеты трубят! Тот же Очипок, скажем...

— Это... наш бывший мэр? Который сейчас под следствием?

— Он самый... Только под следствием-то он, понятно, не из-за этого...

— Я знаю.

— Ну вот... Представьте, вживили и ему незаконным образом, как раз перед выборами, причём такое новьё, что круче не бывает...

— И?!

— Обстоятельства выясняются...

— А Олжас?

— Умерович? Сбежал. Как почуял, чем пахнет, так и сбежал. Да и чёрт бы с ним, между нами. А вот то, что он жёсткий диск вынул с адресами и фамилиями потерпевших... Собственно, всё, что осталось, это ваша визитная карточка. Попробуйте припомнить, Леонид Игнатьевич! Может, пока вы с ним общались, кто-нибудь ещё в кабинет заходил...

Проводив представителя органов, я велел Лере никого ко мне больше не пускать и подсел к компьютеру. Влез в интернет, проглядел местные новости, в частности, скандал с левыми ботами. Да. Всё обстояло именно так, как было сказано.

Запустил руку в боковой карман пиджака, потрогал чётки, но включать не стал. Побоялся.

Печально, но, кажется, мне всучили именно бракованный автопилот.

Да-да-да, все странности сложились восдино, образовав непротиворечивую, хотя и безотрадную картинку. Подозрительная обстановка в кабинете Олжаса Умеровича, отсутствие ассистента, операция, проведённая в условиях, близких к нелегальным, небрежность консультаций... Это не говоря уже о многочисленных ботовых глюках, которые я по наивности воспринимал как нечто должное.

У, суки! Меня уже душила злость: на жулика Олжаса, на бывшего мэра Очипка, на Александра-Николая-Эдуарда, на себя самого. Даже на следователя, раскрывшего мне глаза. Мог бы, между прочим, и не раскрывать.

Душила, но как-то, знаете, не додушивала. Копышилось в мозгу некое соображение, мешавшее до конца излиться моему справедливому гневу.

Ну-ка, давай по порядку.

Допустим, следствие не ошиблось. Стало быть, пока я был оглушён веселящим газом, мерзавец в белом халате подменил мне металлическую коробочку, а мою отложил, скажем, для очередного ворюги мэра.

И что в итоге?

А в итоге мэр под следствием. Чего никак не скажешь обо мне.

Оч-чень интересно.

Не предположить же в самом деле, что влиятельнейшему в ту пору Очипку тоже впарили нечто драное! Это нужно жизнью не дорожить, чтобы такое проделать.

В течение нескольких минут я перебрал и отбросил как заведомо фантастические ещё несколько версий. К примеру: Олжас по запарке забыл, где у него какие ле-

жат комплектующие, и, перепутав, всё-таки поставил мне лицензионный продукт.

Бред.

Жулики в таких случаях не ошибаются.

Значит, всё-таки бот у меня с брачком.

И что?

Самое время вспомнить, сколько народу в стране работает на компьютерах левой сборки и пользуется драными программами. Успешно, обратите внимание, работает! Наверное, то же самое и с ботами.

Полвывода есть.

Но не больше. Таким образом можно объяснить лишь то, что произошло со мной. А как прикажете истолковать историю с бывшим мэром?

Соблазнительно предположить, что бракованный бот куда лучше приспособлен к бракованному социуму, нежели исправный. Хорошо, согласен, далеко не всякий бракованный бот! Но меня и не интересуют всякие. Меня интересует только мой собственный.

Тогда чего я, спрашивается, дёргаюсь?

Однако остаётся другой (и давний) вопрос: а что же остальные не обзавелись автопилотами? Я имею в виду те, у кого имелась такая возможность. Труадий, Лёша, Царство ему Небесное, тот же Александр-Николай-Эдуард! Почему он так запросто взял и одарил меня всей этой фурнитурой, вместо того чтобы вживить её себе? Знал, что программное обеспечение — драное?

Почему из ботовладельцев мне известен один Очипок, и тот под следствием?

Предвидели, чем дело кончится?

Оно ещё не кончилось.

И неизвестно, чем кончится.

Было бы остроумно предположить, что бот рассчитан лишь на честную жизнь, а стало быть... Увы, нет.

Ни на что он не рассчитан. Он рассчитан на выбрасывание готовых ответов втёмную. На поддержание беседы в то время, как его владелец смотрит какой-нибудь там, извините, блокбастер. Эта дура железная самые простые слова путает! Где ж ей отличить законное деяние от правонарушения? Тем более в наши-то времена!

Возвращаться к версии о том, что бракованный бот может быть в чём-то круче лицензионного, я тоже не собираюсь. Хотя поначалу она показалась мне любопытной. Сгоряча. Ну, допустим, не фурычат кое-какие функции. И что? Если это преимущество, то, значит, чем примитивней автопилот, тем легче живётся его хозяину. Извините, не верю. Теряется смысл разработки более сложных и дорогих моделей.

Мода прошла? Тогда бы за компанию с ней накрылась медным тазиком и фирма «АУТО-700». А она, насколько можно судить, накрываться не собирается. Тазика ещё такого не выросло.

Нет, разгадка, думается мне, в ментальном, если можно так выразиться, шовинизме. Нормальным людям проще допустить мысль о разумности шимпанзе, чем о том, что бот может преуспеть в делах лучше их самих. Вот и пользуют автопилоты только для развлечения, наравне с музыкальными центрами и домашними кинотеатрами. А стоит коснуться чего-либо более серьёзного, берут технику под жёсткий контроль, как завещал Олжас Умерович, как учит инструкция по эксплуатации.

Это надо быть подобным мне обормотом, чтобы дать боту полную свободу выбора и пустить всё на самотёк. Однако обормоты — народ неимуший. Откуда у них автопилот? Разве что выпадет вдруг невероятный неповторимый шанс — и кто-нибудь сбросит упаковку в овражек.

Чтобы ментам не досталась.

Глава пятнадцатая

Когда автопилот обозначил на бледно-сиреновой тверди тонкую алую окружность и объявил, кто пришёл, мне поначалу подумалось, что распознавалка глючит. Кого угодно ожидал я увидеть в своём кабинете — только не собственную тещу.

— Эдит Назаровна?!

Да, это была она. Гвардейская статья, седой генеральский ёжик, но такое впечатление, что генерала внезапно разжаловали в рядовые. Выпуклые водянистые глаза обезумели, исполнились слезливого ужаса. Розовый праздничный костюм, на лацкане — одинокая орденская планка. В руках сумочка.

— Лёня... — простонала теща. — Но, может быть, всё-таки стерпится-слюбится?..

Неплохо для начала.

— Да вы присядьте, Эдит Назаровна, — растерянно сказал я, приподнимаясь.

Она присела, достала из сумочки платок. Пошли всхлипы и утирания.

Проклятие! Неужто разведала о наших отношениях с Гердой? Я мигом представил, что меня ждёт дома, и содрогнулся. Ева, надо полагать, ещё ни о чём не знает. Иначе бы пришла разбираться сама. Или... В воспалённом воображении скользнуло поочерёдно несколько совершенно жутких картин — в их числе и Артамоновна, покончившая с собой.

Ну нет, только не это. Если «стерпится-слюбится», значит, жива. Кроме того, сначала бы она убила меня. Потом всех остальных. А себя уже в последнюю очередь.

— Душа в душу жили... — подскуливала Эдит Назаровна.

Я вызвал Леру и попросил принести корвалол. Лучше бы, конечно, было обойтись без свидетелей, но Лера,

насколько известно, человек верный — под пыткой не расколется. Труадий абы кого к себе не приблизит.

Минут пять, не меньше, мы вдвоём хлопотали вокруг разлюбезной моей тёщи, но старания наши, казалось, лишь ухудшают дело. Нечленораздельные всхлипы переросли в рыдания, подёргивания — в судороги. Наконец я не выдержал и вернулся за стол — вызвать «Скорую».

— М-мама!!!

Тёщу смело со стула.

В дверях стояла Артамоновна. Ноздри — раздуты, глаза — беспощадны.

— Ты почему здесь? Я же тебя просила!..

— Так я же... — пристанывала Эдит Назаровна. — Ради вас с Лёней...

— Выйди отсюда, — процедила Ева.

— Лера, — поспешно сказал я. — Будьте добры, проводите. Только не в приёмную. Лучше в комнату отдыха...

Включать автопилот не имело смысла. Если схлопочу сейчас по морде, всё равно почувствую.

Тёщу вывели.

Артамоновна дождалась, когда дверь закроется, и повернулась ко мне.

— Давно она тут?

— Да нет... — замялся я. — Минут пять...

— Сильно шумела?

— Совсем не шумела... А м-м... собственно, э-э...

— Всё в порядке, — заверила Ева. — Бумаги оформлены, твоё участие не потребовалось. Вот...

И она положила документы на стол.

Это было свидетельство о расторжении брака.

Я не поверил и перечёл снова.

— Что-нибудь не так? — Ева встревожилась.

— погоди... — пробормотал я, неловко присаживаясь в своё кресло и по-прежнему не сводя глаз с бумаг. — То есть... Как это? Так вот просто...

— Мы же обо всём договорились, — со сдержанным недоумением напомнила она. — Разводимся. Ты женишься на Герде. Становишься совладельцем «Мицелия». А моя фирма сливается с твоей на правах филиала... Что с тобой? Лёня! Тебе плохо?

— Сейчас... — просипел я. — Сейчас...

Сунул руку в боковой карман и нашупал нужную бусину чётков.

Скучно, да и противно описывать мои душевные конвульсии по этому поводу. Пропустим их.

А я-то, наивный, полагал, что готов к любой неожиданности. Вот тебе и готов! Взяли и развели. Во всех смыслах.

Нет, я вполне понимаю внутреннюю логику происходящего: при нынешнем шатком положении дел многим кажется, будто один Леонид Игнатьевич Сиротин способен удержать «Мицелий» на плаву. Стало быть, надобно Леонида Игнатьевича привязать покрепче, а то ведь перекупят, переманят.

Но какова Ева! А каков я? Прожить вместе почти четырнадцать лет и лишь теперь сообразить, что муж для неё — не более чем повод к действию! Уволили — принять на работу. Сломал руку — отвезти в больницу. Подставил фирму — затащить в койку. Сошёлся с Гердой — выгодно развестись.

В счёт идут только события. А в промежутках между ними Лёня как бы и не существует.

Спрашивается, кто из нас двоих бот: я или она?

В итоге я до такой степени взбеленился, что даже пренебрёг собственным бракосочетанием, умышленно воплотив в жизнь старую поговорку «Без меня меня женили». Я чувствовал, как на палец мне навинчивают обручальное кольцо, вслепую целовался с новобрачной, а сам тем временем с особо извращённым удовольстви-

ем смотрел старый, ещё чёрно-белый «Развод по-итальянски».

Конечно, я мог бы в знак протеста отколоть что-либо и в первую брачную ночь, скажем, придать Герде внешность какой-нибудь порнозвезды (есть такая функция), но это бы уже было чересчур. Тем более что из нас троих она в этой истории, пожалуй, виновата меньше всех.

Хорошо хоть обошлись без пышных церемоний. Венчание и свадебное турне решили отложить до лучших времён.

Забавно, однако с тех пор как жулик в белом халате научил меня задавать непрозрачный фон, я стал меньше курить. Нет, конечно, обозначить пепельницу кружком или даже сделать её видимой труда бы не составило, а уж фильтром мимо губ тем более не промахнёшься, но мне, как выяснилось, необходимо созерцать выдыхаемый мною дым. А без этого курево не в кайф.

Зато к дурным привычкам прибавилась ещё одна. Её можно было бы назвать нарциссизмом, касайся она лично меня. Но она касается бота. Как я уже упоминал, аудио- и видеозаписи хранятся в памяти трое суток, потом стираются. Так вот, их, оказывается, можно сбрасывать на диск, на флэшку, на какой-либо иной носитель информации. Чем я в последнее время и занимаюсь.

А в свободное время просматриваю. Не целиком, конечно. Целиком — это жизни не хватит. Приёмы примерно те же, что при прогоне видеофильма: можно перескочить вперёд, назад, увеличить или уменьшить скорость, наконец просто остановить особо прекрасное мгновенье для более пристального изучения его.

Клянусь, ни одно кино не захватывало меня до такой степени.

Поначалу интересы мои были, так сказать, познавательно-эстетические. Лица своего я, само собой, не

видел, зато прекрасно видел лицо очередного собеседника, видел, как оно меняется после каждой ботовой фразы. Динамик, по обыкновению, порол откровенную чушь, голос звучал на редкость мерзко. Причина, как мне кажется, проста: программа чисто механически перекладывала надиктованные кем-то изречения на мой тембр.

Наконец я не устоял и велел повесить в своём кабинете зеркало — как раз напротив стола. Появилась возможность не только слышать, но и наблюдать себя, одержимого ботом.

Лучше бы я этого не делал. Угнетающее зрелище. Неподвижная надменная физия, шевелятся одни губы. Ненавидимый мною тип руководителя. Ничтожество, а уж мнит-то о себе, мнит! Властитель судеб. Через губу ведь, гад, не переплюнет.

«Так вот, значит, кто вам нужен», — ядовито думал я. Вот этот зомби, да? На фиг вам сдался Лёня Сиротин? Что вообще такое Лёня Сиротин — с его юморком, с его ехидцей? С его голосом, с его логикой, с его кровью в жилах, наконец! А этот... Слушайте, он даже не мертвец! Мертвецом можно назвать лишь того, кто раньше был живым. А бот не жил ни секунды. Механизмы не живут. Он даже не мыслит!

Что ж, примите свой идеал, господа. Примите и распишитесь.

Народонаселение наше делится на три части: фантазёры, прагматики и я. Во всяком случае, такое у меня впечатление.

Представителей этих трёх разрядов легко отличить, сунув испытуемому в зубы микрофон и представившись сотрудником местного радио.

— Что бы вы сделали в первую очередь, став нашим губернатором?

Фантазёр честно начнёт перечислять, что бы он сделал в первую очередь. Прагматик, если позволят обстоятельства, просто пошлёт спросившего к едрене фене, поскольку точно знает, что губернатором его не назначат ни при каком раскладе, и нечего зря трепать языки.

Мне близка позиция прагматиков. Беда, однако, в том, что справедливо послав журналиста в нужном направлении, они тут же выбрасывают дурацкий вопрос из головы и возвращаются к насущным делам.

В то время как тут есть над чем подумать.

Ибо только дурацкие вопросы порождают интересные ответы.

Предположим, некий фантазёр (мы с прагматиками по причинам отсутствия благородных порывов берём самоотвод) и впрямь решит стать губернатором с целью навести наконец порядок. Или, что ещё кошмарнее, восстановить справедливость. Предположим даже, ему удастся достичь вожделенного кресла, скажем, при наличии дьявольского везения, годков этак через пять (срок, конечно, смешной, особенно если начинать с нуля, но всё равно предположим).

А теперь представьте: пять лет наш фантазёр варился в местной политике. Пять лет! И что от него нынешнего останется, когда он примет губернаторский пост? Что останется от тех возвышенных желаний, о которых его просил рассказать журналист, сунув ему в зубы микрофон?

Между нынешним фантазёром и будущим губернатором зияет примерно та же пропасть, что между мной и ботом.

И всё-таки ему (фантазёру-губернатору) будет несравненно легче, нежели мне, потому что, изменившись, он не сможет увидеть себя прежними наивными глазами.

Но я-то вижу! Вижу каждый день. Я, Леонид Игнатьевич Сиротин, не утративший ни единого своего убежде-

ния, вынужден постоянно созерцать убожество, именуемое моим именем, фамилией и отчеством. Это пытка.

А уж с каким благоговением именуемое... Славик Скоба — и тот слегка подбирается в ожидании ответа железячки, вцепившейся намертво в мой брючный ремень. Приросла коробочка, стала частью тела. Как мозоль. Как опухоль.

О прочих собеседниках не стоит и упоминать. Я уже ненавижу их лица больше, чем своё собственное. Вернее, не то чтобы собственное... Ну, словом, понятно, о чём я. Гляжу на них и думаю: это же вы, суки, во всём виноваты! Потому что горстка электроники (хотя бы и самой хитромудрой) ни в чём виновата быть не может. Она только отвечала вам наугад, не более того. А вы суетились вокруг неё, вы нарабатывали ей типичные ситуации, на которые она теперь откликается. Это вы своими руками и языками сотворили химеру, ком событий, слепо катящийся в никуда и давящий вас же самих.

Он — это вы.

А вовсе не я.

Всё. Конец дурной привычке. Не знаю, долго ли продлится моё воздержание, но самоботоловованием я больше не занимаюсь. Нет, сила воли тут совершенно ни при чём. Я просто испугался.

Как уже вам известно, внимание моё при просмотре записей было приковано поначалу исключительно к выражению лиц, к интонациям, к мелким знакам почтения, пренебрежения, безразличия. Форма, и только форма. А потом меня угораздило вникнуть в содержание одной из деловых бесед бота со Славиком Скобой.

Вот тогда-то и стало жутко.

Пересказа не ждите. Во-первых, не уверен, что правильно понял все намёки, во-вторых, архив уже уничтожен, поскольку подобная беседа наверняка не была

единственной. Как крупный специалист в области геликоскопии могу лишь предположить, что предстоящий мне виток развития по спирали чреват тремя возможностями:

- а) закажут,
- б) посадят,
- в) обойдётся.

Предпочтительнее, конечно, третья возможность, но именно она-то, как кажется, наименее вероятна.

А самоустраниться нельзя. Разве что физически. Но такой вариант меня ни в коей мере не устраивает. И потом с чего бы мне бесплатно выполнять чужую работу? Киллерам за неё, между прочим, большие деньги платят.

Взять управление на себя? Как там, помнится, говорил беглый ныне Олжас Умерович: «Пока всё спокойно — пусть рулит. А когда на посадку идти — пилот штурвал берёт...»?

Извините, в моей ситуации это опять-таки самоубийство.

В случае чего на посадку меня и так отведут.

Ни Лёши, ни Петровича — стало быть, отвечать мне одному.

И если бот не выручит — никто не выручит.

Может быть, единственное, что мне нравится в собственном характере, это умение вовремя зажмуриться. Ну закажут! Ну посадят! Что ж теперь, не жить, раз закажут? Да пошли вы все к чёрту с вашими разборками, откатами, креативами, стратегиями! Все вон! За бледную сирень, и чтобы ни одна падла оттуда не высывалась!

Будут надевать браслеты — почувствую. А застрелят — так и не почувствую даже.

ПОДЪ СЮДЫ

Я же сказал, только в экстренных случаях!

ЭКСТРЕННЫЙ СЛУЧАЙ

Меня деликатно берут за оба запястья, сводят их вместе и защёлкивают на них браслеты. Очень неприятное ощущение.

Так быстро?

Единственное, что я успеваю сделать, это нажать на бусину стереть записи последних трёх дней, а дальше чётки у меня отбирают. В итоге полная беспомощность. Ни зрения, ни слуха — одно осязание. Узнать хотя бы, что там снаружи: похищение или арест? В следующий миг мне отключают автопилот — и я вновь оказываюсь в своём кабинете, где помимо испуганной Леры присутствуют четверо незнакомцев, один из которых облачён в милицейскую форму. Видимо, всё-таки арест.

Выводят, сажают в машину, везут.

Почему-то я очень спокоен. Почти равнодушен.

Хотя пора бы уже и забеспокоиться.

Глава шестнадцатая

Внешнее моё безразличие свидетельствовало отнюдь не о твёрдости духа, как потом утверждали многие, а скорее об угнетённом его состоянии. Ничего хорошего впереди не маячило, отсюда и оцепенение. Было ясно, что своими силами мне из лап правосудия не вырваться. Коробочку вместе с прочими причиндалами изъяли. Возможно, в качестве улики. Оставили только то, что вживлено. Динамик молчит, артикулятор недвижим.

Что я без бота? Ноль без палочки.

Готовиться надлежало к худшему: общая камера, не исключена пресс-хата, наверняка грубое давление на допросах. Поэтому я сразу решил для себя колоться на раз, ни в чём не перечить и подписывать всё не глядя.

К моему удивлению, поместили меня в одиночку. Насколько я слышал, столь высокая честь оказывается лишь парламентариям да бывшим милицейским чинам, но никак не бизнесменам. Ещё больше удивил следователь. Где они его такого раздобыли? Осторожный, как психотерапевт. Каждое моё признание в неведении повергало его в уныние. Нажми он чуть-чуть — и я бы, не колеблясь, взял на себя подготовку террористического акта. Но он не нажимал. Был очень со мною бережен и лишь грустнел на глазах.

— Стало быть, вы и к этому не причастны, — огорчённо констатировал он.

Запираться не имело смысла, и я чистосердечно отвечал: «Да».

Но я действительно ни к чему не причастен! Причастен бот. Не знаю в точности, что он там наворотил за пару последних месяцев, но с какой радости мне за него отвечать морально? Достаточно уже того, что придётся ответить физически.

— Скажите, Леонид Игнатьевич, зачем вы при задержании стёрли свежие записи?

Пожимаю плечами.

— Стёр...

— Не совсем, — с сожалением замечает следователь. — Бесследно стереть что-либо довольно трудно. Как правило, остаются резервные файлы. И скоро мы их восстановим... Может быть, сами расскажете, что там было?

— Не знаю.

— Не знаете?!

— Не знаю.

Со стороны всё, наверное, выглядит в достаточной степени забавно и нелепо, но взглянуть на себя со стороны также нет ни сил, ни желания. Сiju и машинально отвечаю, оупевший, не имеющий возможности спихнуть допрос на бота.

Хочу словарь, крутится в голове. Отняли автопилот — отдайте хотя бы честно украденный мною словарь. Обрыдла мне ваша действительность. Отпустите в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год. Тогда, кстати, было в ходу изумительное словцо. Фамильяры. Прислуга, посылаемая для заарестования лиц именем инквизиции.

Не отсюда ли такое понятие, как фамильярность?

Это я с перепугу иронизирую. А сам интуитивно ожидаю, что готовится нечто непредставимое. Может быть, уже завтра следователь внезапно сменит личину, рывкнет — и такое начнётся...

И действительно начинается, правда совсем не то, чего я ждал. Ко мне пропускают адвоката. Старый знакомый. Впервые мы с ним, если помните, встретились ещё в гостях у Труадия. Наш человек. Предвкушающе потирает руки. Говорит, что следствие подставилось по самое не могу. Так и говорит.

Кажется, ему стоит верить. Насколько известно, Петровича он вытаскивал не раз и не два.

Между прочим, принёс газеты. Я просмотрел заголовки. Сидишь вот и ничего не знаешь, а в городе чуть ли не революция — требуют моего немедленного освобождения. «Вечёрка» бабахнула шапку во всю ширь первой полосы: «Рука Москвы?» Обычно я прессу не жалую, но здесь не устоял — прочёл. Узнал о себе много нового. Представьте, я — последняя надежда провинции перед лицом агрессивного столичного бизнеса, беззащитно скупающего на корню всё, до чего способен дотянуться. Не зря же два месяца назад имела место откровенная попытка убийства, бесстыдно квалифицированная следственными органами как заурядное ДТП.

Странно, однако о моём недавнем разводе — нигде ни слова. Как и о женитьбе. Впрочем, понятно: всё было

проделано настолько тихо, что даже в прессу не просочилось.

Зато местный корреспондент московской «толстушки» откуда-то пронюхал, что я ботовладелец. Заметка глупая. Да и заголовок буквально содран с забора: «Слава боту!»

«Провинциальные новости» немедленно отозвались ехидной статьёй «Озабоченные», где, во-первых, опровергли слух о моём ботстве, во-вторых, особо подчеркнули, что, стоит появиться хорошему человеку, как тут же ползут сплетни, будто он бот, а в-третьих, с удовлетворением известили публику об иске, поданном фирмой «АУТО-700» против неполиткорректной столичной газеты. Скорее всего придётся той раскошелиться на сумму со многими нулями — за моральный ущерб и попытку подрыва деловой репутации. Не они первые.

Напоследок я спросил адвоката, как мне себя вести.

Он сказал, что лучше всего никак.

Стало быть, всё это время я вёл себя правильно.

Стоило ему уйти, возникло странное ощущение. Померещилось вдруг, что автопилот не отключён. Нет, я не о динамике с артикулятором — оба молчат. И вообще не об изъятой машинерии.

Хотел прислушаться к себе повнимательней, но тут принесли переданный по просьбе узника словарь. Бесценную мою скудельницу вымерших речений. Оглядел заклеенный тряпочкой корешок, вдохнул лёгкий аромат тления, открыл.

Фигуралы — осуждённые к сожжению на костре.

Шофферы — разбойники во время первой революции.

Скудельница — общая могила во время сильного мора или по какому-либо несчастному случаю.

И ощущение возникло вновь. Я оглядел стены своей одиночки. Что, собственно, изменилось, кроме не-

прозрачного фона? Был бледно-сиреневый, стал грязновато-бежевый. Отгородился от мира, сию читаю. Иногда, правда, требуется личное присутствие. ПОДЬ СЮДЫ. Только уже не в письменной, а в устной форме. Иду, отвечаю, не думая, что попало, возвращаюсь в изолятор, продолжаю читать.

А вокруг всё идёт своим чередом. Как прежде, без моего участия. Кипят страсти, кто-то проплачивает манифестации в мою защиту, кто-то оказывает давление на следствие, роет землю Славик Скоба, потирает ладошки адвокат, еле слышно стрекочут клавиатуры ноутбуков — это журналисты стремительно дискредитируют тех, кто посмел лишить меня свободы.

Я сию на койке, выпрямив позвоночник и слепо уставив глаза в непрозрачный фон. Раскрытый словарь лежит у меня на коленях, а по спине бегут мурашки.

Вы слышите?

Это работает мой бот.

Он исправен. Его невозможно отключить. Разве что уничтожив все его составляющие, но это уже будет геноцид.

Не удалось вам меня разоружить, милостивые государи. Усилиями социума сотворён кумир. Леонид Игнатьевич Сиротин. Подвижник. Мученик. И горе тому, кто посягнёт на оный истукан! Иными словами, пропасть мне в любом случае не дадут. За несколько месяцев пребывания в «Мицелии» я, как выясняется, стал тем самым стержнем, выдерни который — и всё распадётся. Трудно даже представить, какое количество людей связало своё благополучие с очередным переделом собственности, затеянным нашей фирмой. Моей фирмой.

Это ещё надо осознать.

Следователь с каждой новой беседой становится всё задумчивее. Я уже обнаглел до того, что в любой момент, сославшись на усталость, могу прервать допрос, выста-

вить непрозрачный фон в виде четырёх стен грязновато-бежевого оттенка и перебирать в своё удовольствие редчайшие словесные окаменелости.

Ихногномоника — искусство находить следы.

Арестограф — собиратель судебных приговоров.

Катапонтизм — смертная казнь чрез утопление.

Наконец одним прекрасным утром мне приносят помятый в аварии футляр (откуда взяли?), содержащий недостающие части автопилота.

— Вот, Леонид Игнатъевич, — вздыхает мой ихногномон. — Извините за беспокойство, всё выяснилось, вы свободны.

Он улыбается. Впервые. Видно, что безумно рад сбавить это гиблое дело, уж не знаю, в чём оно состояло. Не удержавшись, добавляет интимно:

— Зря вы стирали записи, Леонид Игнатъевич. Прочтёшь ты их сразу, освободили бы в тот же день...

Интересно, кого ж они там такого углядели, что следствие сразу пришлось свернуть?

Сдержанно благодарю, однако доставать из футляра амуницию свою не спешу. Да и стоит ли её теперь вообще доставать?

Пусть отдохнёт.

На улице начало октября. Бабье лето. Возле проходной толпа человек в пятьдесят. Ждут меня. Самым оперативным оказывается представитель недружественной прессы.

— Как вы сами объясняете ваш внезапный арест и не менее внезапное освобождение?

Мои губы кривятся в усмешке.

— Изучайте протоколы ментовских мудрецов.

Одобрительный смех в толпе. Дружественная пресса стремительно записывает афоризм. Видимо, завтра же бабахнут во всю ширь газетной страницы.

Оказавшийся рядом Славик Скоба оттирает плечом бесстыжего журналюгу и сопровождает меня до машины. Там ко мне с визгом кидаются с двух сторон Герда и Ева. Трудно даже сказать, кто из них целует меня с большей страстью.

Я оборачиваюсь и расстроганно оглядываю толпу. Вот он, мой бот. Вот они, двуногие мои чипы, кнопочки, дистанционные пульты, на которые мне даже и нажимать не надо — сами всё сделают.

В группе сотрудников «Мицелия» замечаю искажённую восторгом тугую мордень в лилово-багряных прожилках. Здравствуйте, да это ж Цельной! Мой бывший сосед по палате. Он что, тоже у меня работает? Возможно, пришёл наниматься, был схвачен распознавалкой — и принят. А где в это время находился я? Не иначе, в бледной сирени.

Проклятие, а как же его зовут? Впрочем, не суть важно. Главное, чтобы он не забыл, как зовут меня.

Дома, поприветствовав лежачего тестя, прохожу в одну из ваннных комнат, где кладу на стеклянную полку футляра с прицепными железячками.

Ну и зачем они мне теперь?

Поворачиваюсь к зеркалу, всматриваюсь. Здравствуй, Лёня Сиротин! Давненько не виделись. Хорошее у тебя лицо. Мне вообще нравятся живые лица. Это, знаешь ли, большая редкость по нашим временам. Усталые глаза, кривоватая усмешка. Насколько же ты, Лёня, приятнее своего близнеца, надменного ублюдка, что несколько месяцев восседал за твоим рабочим столом! Или за своим? Да, наверное, за своим...

Что нахмурился? А, понимаю! Смутило слово «ублюдок»... Правильно смутило. Это ведь чёрная неблагодарность с твоей стороны. Люди за карьеру душу продают, совесть вымаривают, а ты, дружок, уберёгся.

Умудрился, как говаривал Михал Евграфыч, капитал приобрести и невинность соблюсти. А все грехи взял на себя автопилот.

Не собирался ты делать карьеру. Сама сделалась.

Мой взгляд невольно останавливается на футляре.

Спасибо, бот! Спасибо, братишка! Хорошо поработал, но теперь, боюсь, надобность в тебе отпала. Видишь ли, обществу нужен персонально я. Без посредников. Причём не важно, плох ли я, хорош, красноречив, косноязычен, законопослушен, криминален... Ты не поверишь, но без меня уже не обойтись. В этом вся суть.

Подобно Труадию Петровичу в золотые его времена я могу разглагольствовать о чём угодно, не задумываясь о последствиях. Всё прекрасно идёт само собой. Я достиг таких высот, что мне уже без разницы, с кем иметь дело: с Лерой ли, с шимпанзе ли... В любой момент я могу прервать утомительную болтовню и потребовать одиночества.

Социум, ты — бот! Упал — отжался! Тебе придётся привыкнуть к живому Лёне Сиротину, потому что куда ты, сука, денешься из колеи?

Кто же это меня раньше упрекал, что, дескать, со мной нельзя говорить по-человечески? Вы? Нет? Стало быть, вы? Тоже нет... Значит, почудилось.

Я решительно отправляю футляр в тумбу и снова поворачиваюсь к зеркалу. Открываю рот, выворачиваю губы. Ощупываю изнутри, нахожу крохотный бугорок, ухватываю ногтями...

Ну-ка...

Тяну. Больно. Ещё тяну. Ещё сильнее.

Кажется, надорвал слизистую.

Ну да чёрт с ним, с артикулятором. Потом удалим. В любом из филиалов «АУТО-700».

— Лёня...

Дверь распахивается, на пороге Герда, радостная, возбуждённая. В следующий миг глаза её испуганно округляются.

— У тебя кровь на губах!

Криво, с наслаждением усмехаюсь. Хватит мне правильных политкорректных улыбок. Хватит безликости. Пора менять имидж.

— Это кровь брата моего, — мрачно изрекаю я.

Чуть не добавляю: «Близнеца».

Герда с лёту ловит иронию и понимает, что всё в порядке.

— Авеля? — язвительно уточняет она.

— Каина, — изрекаю я ещё мрачнее.

Она — хохочет.

*Бакалда
май — июль 2008*

МГНОВЕНИЕ ОКА

(Неокиберпанк)

Данная история могла произойти лишь на заре компьютерной эры. Точнее сказать, не могла не произойти.

Старший оперуполномоченный Мыльный отличался крайней любознательностью, однако тщательно скрывал от сослуживцев это своё весьма полезное для работы качество. Причина была проста: в босоногом детстве будущего опера дразнили Варварой — в честь незабвенной гражданки, якобы лишившейся на базаре носа, а ребяческие впечатления, как известно, наиболее глубоки и болезненны.

Неистребимый интерес ко всему новому Мыльный скрывал довольно хитро: скорее выпячивал, чем скрывал, мудро придавая своему любопытству черты скепсиса.

— Во даёт! — цинически всохотнул он, когда новая, только что установленная программа «Пинкертон» вывела на экран первый десяток подозреваемых. Против каждой фамилии была обозначена в процентах вероятность совершения данным гражданином данного проступка. — Так и поделим, — глумливо сообщил опер неизвестно кому. — Этому — двадцать четыре процента срока, этому — одиннадцать...

А главная прелесть заключалась в том, что преступления-то никакого не было вообще — старший оперуполномоченный его сам придумал. Никто никого не убивал и не грабил вчера в Центральном парке в ноль

часов пятнадцать минут местного времени. Тем не менее в списке подозреваемых значились вполне реальные люди. Кое-кого Мыльный, помнится, даже допрашивал когда-то — по другому, естественно, делу.

Круглая тугая физиономия стала вдруг хитрой-хитрой. Тыча в клавиши тупыми толстыми пальцами, любознательный опер набрал собственную фамилию — и скоментировал ввод.

Секунды через четыре компьютер сообщил, что вероятность участия гражданина Мыльного А.М. во вчерашнем (им же самым вымышленном) злодеянии равняется примерно одному проценту.

Угодивший в подозреваемые хмыкнул и, с треском почесав коротко стриженный затылок, проверил за компанию нелюбимого им полковника Непадло. К великому разочарованию старшего оперуполномоченного, против означенной фамилии выскочили жалкие 0,2 процента.

Хотя — понятно. Убийство и грабёж ещё ведь не каждому по губе. Это тебе не генералу задницу лизать...

Тут Мыльного осенило. С сатанинским выражением лица он вновь склонился над клавиатурой. Фамилию начальника, место, время и дату оставил неизменными, а вот деяние сменил. Теперь формулировка была такова: получение взятки от криминальных структур в особо крупных размерах... Нет! В особо крупных — много чести! Сотрём. Просто: получение взятки от криминальных структур...

Ответ последовал почти незамедлительно. Цифра на экране возникла столь внушительная, что Мыльный даже присвистнул. Затем насторожился и вышел из программы, не сохраняя данных. А ещё через пару секунд дверь открылась — и в кабинет ступил полковник Непадло собственной персоной.

Высокий, сухощавый, седовласый — ему бы в кино играть кого-нибудь сильно положительного. Полковника МВД, например. Вот только портили портрет Герма-

ну Григорьевичу судорожно подвижный поршень кадыка да беспокойно блуждающий взгляд.

В целом же — вопиющее несоответствие характера и унаследованной от запорожских предков фамилии.

— Осваиваешь? — отрывисто осведомился вошедший.

Был он не на шутку чем-то озабочен.

— Да освоил уже... — хмуро отозвался Мыльный.

— И-и... как? Надёжная штука?

Оперуполномоченный скорчил пренебрежительную гримасу и неопределённо повел округлым плечом. Так, дескать, баловство.

Полковник Непадло помялся, подвигал кадыком, поблуждал глазами. Кашлянул.

— Дзугаева проверить надо, — сказал он наконец.

— Его не проверять, его брать надо, — проворчал Мыльный, набирая в нужных окошечках: «Дзугаев Ваха Данилеултанович». — Что шьём?

Не получив ответа, обернулся. Полковник Непадло пребывал в легком замешательстве.

— Да депутат один на генерала нажал, — не совсем понятно и как бы оправдываясь проговорил он. — Люди-то — пропадают. Один за другим... Дескать, вот и компьютерами нас оснастили, а всё равно пропадают...

— Так, — понимающе поддакнул Мыльный, выжидательно глядя на полковника.

— Н-ну... Слышал, наверно, какая про него поговорка ходит? Про Дзугаева...

— Слышал. Моргнёт левым глазом — и нет человека.

— Вот проверить надо.

Ошеломлённое выражение исчезло с округлой физиономии Мыльного столь быстро, словно бы вообще не возникало.

— Сделаем, — невозмутимо молвил он, снова поворачиваясь к монитору. — Какого-то конкретного человека или?..

— Или, — жёлчно отозвался полковник.

— Понял... Значит, место преступления — не установлено. Время — не установлено. Потерпевший — не установлен... — Голос Мыльного звучал — комар носа не подточит! — серьёзно, буднично, деловито, но, сказать по чести, давно так не веселился старший оперуполномоченный. — Орудие преступления: левый глаз... Действие... Хм... Действие...

— Мигнул, моргнул... — сердито подсказал Непадло.

— Нет... Мигнул, моргнул — она не поймёт. Тут это надо... существительное... Миг?.. Морг?..

— Какой морг? — вспылил полковник. — Морг ему! Пиши — моргание.

— Моргание... — с наслаждением повторил Мыльный. — Причинённый ущерб — исчезновение потерпевшего. Есть, Герман Григорьевич! Готово. Вероятность — ноль целых ноль десятых процента... Могу распечатать.

— Распечатай! — бросил тот. — Отнесу генералу, а он уж пусть разбирается с этим... с депутатом... — Полковник посопел, похмурился. — Погоди-ка! У тебя ж там, в компьютере, весь наш район, так?

— А как же! База данных, — подтвердил Мыльный, не без удовольствия выговаривая недавно заученные слова.

— Много времени займёт всех проверить?

— Вообще всех? Или только с судимостями?

— То есть как? — Полковник оторопел. — У тебя там что? И несудимые тоже?.. А что у тебя на них?

— Адреса, анкетные данные...

— Откуда?

— Пашу попросил — а он в паспортном столе скопировал. Там ведь сейчас тоже всю документацию дублируют, в электронку переводят...

— М-м... — Полковник поколебался. — Нет, ну их к чёрту! Давай одних судимых.

— Без проблем! — Мыльный убрал фамилию Дзугаева и, наведя курсор на кнопку «Все дела», щёлкнул левой клавишей мыши. Вознамерился было откинуться на спинку стула, как вдруг по экрану побежали первые строчки. Фамилии и адреса подозреваемых.

— Не понял...

Строчки приостановились — и побежали снова. Замерли. Дернулись. Замерли. Итого: двадцать две фамилии.

— Глючит! — придя в себя, с досадой бросил Мыльный. — Это бывает. Сейчас перегружусь.

Он вышел из программы и перегрузил компьютер. Непадло ждал, хищно подавшись к монитору ястребиным профилем.

Нарочито замедленно, каждый раз проверяя написанное, Мыльный ввел в окошки тот же текст и вновь щёлкнул по той же кнопке. И опять побежали строчки. Всё те же двадцать два подозреваемых. Моргнут левым глазом — и нет человека...

— Распечатай! — хрипло потребовал Непадло.

— Чего тут распечатывать? — буркнул Мыльный. — Фигня в чистом виде! Программиста вызывать надо...

— А ты не торопись это дело разглашать, — холодно молвил полковник. — Программиста! Подождет программист. Распечатай.

Работающий на полставки программист Паша (щеголеватый молодой человек в тонированных стеклах) возился с компьютером недолго.

— Так в чём проблема? — с недоумением обратился он к полковнику Непадло.

Тот беспомощно взглянул на Мыльного.

— Глючит... — неохотно пояснил опер.

— А точнее?

Теперь уже замялся Мыльный.

— Выводы странные делает, — пришел на помощь Непадло.

Программист возрился на него чуть ли не с восхищением.

— Господа! — сказал он, борясь с улыбкой. — Я надеюсь, вы не рассчитываете, что программа будет за вас жуликов ловить? Она выдаёт вам версию на основе тех данных, которые вы сами в неё ввели. А проверить и уточнить — это уж ваша задача...

— Надо будет — уточним! — отрубил полковник. — Ты лучше вот что скажи: с самой программой — всё в порядке?

— Абсолютно!

Полковник Непадло для верности самолично прикрыл дверь за программистом Пашей и остолбенел в раздумье на несколько секунд, озадаченно оглаживая волевой подбородок.

— А генерал что говорит? — поинтересовался Мыльный.

Непадло очнулся.

— Да тоже говорит: фигня... — расстроено промолвил он. — Как же фигня, если программа исправна?.. Знаешь что? А проверь-ка их конкретно по каждому похищению!

После проверки список сократился до четырёх кандидатов: Живикин, Хрхрян, Ржата и Сиротинец. Согласно выскочившим цифрам, Хрхрян почти наверняка был виновен в исчезновении сразу пяти человек. Впрочем, троих из этой пятёрки мог умыкнуть и Живикин. Ржата и Сиротинец скромно претендовали вдвоём на одного пропавшего.

Если бы не способ похищения — список как список, хоть на вокзале вывешивай...

— Крестники есть? — мрачно спросил Непадло.

— Про Сиротинца слышал...

— Что именно?

— Член Союза писателей, — нехотя процедил Мыльный.

— Как это он? — не въехал полковник.

— Отсидел в малолетке. Потом обо всём книжку написал. Автобиографическую...

— Чернуха, небось?

— Чернуха... Но зону знает.

Тут оба смолкли, потому что на мониторе возник портрет Сиротинца. Анфас. Левый глаз подозреваемого располагался чуть ниже правого. И, воля ваша, а таилось в этом странном взгляде нечто нечеловеческое. В полном молчании Мыльный вывел на экран фотографию Живикина, затем — Ржаты. У этих двоих глаза были, правда, на одном уровне, но опять-таки взгляд...

Сам оперуполномоченный не верил ни в сон, ни в чох, ни в вороний грай, однако и ему стало как-то не по себе. Что уж там говорить о полковнике Непадло, у которого, согласно сведениям любознательного опера, дома рассованы были по антресолям бумажечки с заговорами против квартирной кражи!

Но самое жуткое поджидало их впереди. Когда на мониторе появилась фотография Хрхряна, оцепенели оба, а полковник Непадло даже издал за спиной Мыльного какой-то непонятный звук: то ли ахнул, то ли резко выдохнул. Смуглое лицо кавказской национальности пересекала наискосок чёрная пиратская повязка, проходившая в аккурат по левому глазу. Неизвестно, какие ассоциации при этом возникли у полковника, но оперу немедленно припомнилась древняя байка о футболисте с чёрной повязкой на правой ноге. Якобы, такой силы был у него удар, что запрещалось ему бить по воротам с правой, дабы не уложить голкипера насмерть...

Оперуполномоченный ожил первым. Зарычал, заматерился шёпотом, схватился за мышь. Защёлкала кла-

виша, заметался курсор. Портреты с экрана исчезли, уступив место мелькающим текстам.

— Ну, конечно! — яростно взревел опер, тыча в монитор коротким толстым пальцем. — У них же у всех левого глаза нет! Стекланный он у них!

— Стекланный... — в растерянности повторил полковник. — И что?

Оба уставились друг на друга. Действительно: и что? Нет левого глаза — значит нет и орудия преступления. Тогда почему программа внесла этих четверых в список подозреваемых?

— А может, и не стекланный... — замороженно произнес вдруг Непадро. — Может быть, даже и не глаз...

— А что?

— А чёрт его знает! — Полковник зябко передернул плечами. — Кристалл какой-нибудь... или приборчик...

— Да не бывает таких приборчиков!

— Сейчас всё бывает... — сдавленно сообщил Непадро. — Просто не знаем мы ни хрена... Слушай, посмотри: там за ними ничего больше не числится?

Тут же и посмотрели. Сиротинец месяц назад купил квартиру в центре города, но, как выяснилось, доходы у него теперь были совершенно легальные — гонорары и ещё какая-то литературная премия. Зловещий Хрхрян тоже на вполне законных основаниях владел будочкой, где изготавливал ключи и ремонтировал обувь. Ржата, получив справку об освобождении, устроился охранником в какую-то фирму. Зато Живикина можно было брать хоть сейчас. Пил без просыху, нигде не работал, полторы недели назад нанёс сожительнице побои в области лица и прочих областях. Милицию вызвали соседи. Сама потерпевшая подать заявление не захотела.

— Ну что?.. — с сомнением молвил Непадро. — С кого начнём? С него?..

Вскоре пошли мелкие и не слишком приметные чудеса, на которые столь горазды наши славные органы.

Уже на следующий день побитая гражданка, леший знает с чего, внезапно переменяла первоначальное решение и подала на Живикина в суд. Одновременно сожителем её (вот ведь непраха-то!) был в нетрезвом, естественно, виде накрыт линейной милицией за тем противоправным деянием, что всегда совершается не иначе как с особым цинизмом.

А ещё через пару часов в кабинет полковника Непахло заглянул Мыльный.

— Разрешите, Герман Григорьевич?

Полковник вышел из-за стола ему навстречу.

— Ну? — спросил он, понизив голос.

— Нормальная стекляшка, — с нескрываемой скукой отвечал ему опер. — Всё-таки, наверное, программа глючит...

— Точно? Стекляшка?

— Да точно, точно. Сам на экспертизу относил.

Произнесено это было небрежно, а то и пренебрежительно. В отличие от циника Мыльного осторожный до суеверия полковник даже не пожелал взглянуть на задержанного: вдруг действительно моргнёт чем-нибудь — и нет тебя...

— А остальные? — насупившись, продолжал Непахло.

— Сиротинца лучше не трогать — на скандал нарвёмся. О нём вон уже в польском журнале пишут... За Хрхряном и Ржатой установлено наблюдение. По вашему приказу...

Приказ установить наблюдение был отдан в устном виде, и всё же поршень полковничьего кадыка при упоминании об этом нервно дернулся.

— Только ты, слышь... — жалобно проговорил Непадло, блуждая взглядом. — Аккуратнее там... Чем чёрт не шутит!

— Службу я привлекать не стал... — уклончиво продолжал Мыльный. — Дал задание двум операм. Вашим именем...

Кадык дернулся вновь.

— Но ты, я надеюсь, не сказал им, в чём дело-то?..

Ответить Мыльному помешал телефонный звонок.

— Полковник Непадло слушает... Да, у меня... Кто-о?.. — Владелец кабинета брезгливо поджал губы и с упрёком взглянул на опера. — Тебя...

— Слушаю, — буркнул тот, приняв трубку. — А, Славик... Ну? — Судя по звукам, доносившимся из наушника, кто-то о чём-то докладывал взахлёб. Неухоженные брови Мыльного изумлённо взмыли. — Кто моргнул?.. Ты?..

Заслышав слово «моргнул», полковник вёлся глазами в оперуполномоченного. Тот, окаменев лицом, дослушал доклад, поглядел непонимающе на трубку и лишь затем положил её на рычажки.

— Хрхрян исчез, — с недоумением сообщил он.

— Каким образом?!

— Фигня какая-то... — скребя в затылке, признался опер. — У Славика правый глаз зачесался... Моргнул, протирать начал... А когда протёр — смотрит: будка пустая... Всё на месте, инструмент на месте... А человека нет...

— А-а... — не в силах выговорить ни слова, полковник потыкал себя пальцем в правую скулу.

— Да нормальные у него глаза, у Славика! Медкомиссию-то он проходил...

— Что делать будем? — выдохнул Непадло.

— С Пашей потолковать надо, — с твёрдостью произнёс опер. — Всё-таки специалист...

Полковник закричал, но податься было некуда. Если опер Мыльный упёрся — с места его не сдвинешь.

Вызвали Пашу.

Соткровенным недоверием выслушав рассказ старшего оперуполномоченного, программист с дробным треском порхнул пальцами по клавишам — и, убедившись, что никто его не разыгрывает, забился в припадке сдавленного хохота. Непадро и Мыльный, насупившись, ждали, когда отсмеётся.

— Ну логику-то... — всхлипывал Паша, срывая щегольские свои очки со смуглыми стёклами. — Логика вам в юридическом преподавали?.. Из ложного условия... следует... что угодно...

— Как это — что угодно? — взвился Непадро. — Тут не что угодно — тут люди пропадают!..

— О-ох... — Паша наконец отдышался, ущипнул себя за переносицу, надел очки. — Принцип пьяницы! — объявил он всё ещё подрагивающим от смеха голосом. — Классический принцип пьяницы!

Полковник и оперуполномоченный переглянулись. Подобно большинству ментов оба пили вполне профессионально.

— Подробнее! — проскрежетал Непадро.

— Существует такая логическая каверза, — пояснил Паша. — Представьте пьяницу. Когда он пьёт — пьют все.

— Как — все? — не понял опер. — Вся планета?

— Да. Вся планета.

— Фигня, — сказал опер.

— Тем не менее, — тонко улыбнувшись, заметил Паша, — под это определение подходит любой трезвенник. Я, например. Когда я пью — пьют все. Просто я никогда не пью.

Милиционеры переглянулись вновь — на этот раз ошалело.

— Вот вы ввели запрос о человеке, который, моргнув левым глазом, сотворит заведомо невозможное. И программа выдала вам список лиц, не имеющих левого глаза. Моргнул бы — да нечем!

Полковник медленно повернулся к оперуполномоченному.

— Снимай наблюдение... — через силу выдавил он.

— Наблюдение снять недолго... — угрюмо отвечал тот. — А вот насчет Живикина... Поздно, Герман Григорьевич! Дело-то уже заведено. Хулиганство, нанесение побоев...

— Постой-ка! — встrepенулся полковник. — А как же этот... пропавший... Хр... Хрхрян... Как его?

Так и не выговоренный полковником Хрхрян сидел в летней кафешке на расстоянии квартала от своего киоска и нервно сдувал пену со второй кружки пива.

— Достали, да?.. — гортанно жаловался он соплеменнику. — Ключ точу — следит. Набойку ставлю — следит... Ты подойди скажи, сколько тебе надо... Не подходит! Следит! Значит, опять что-то лепят...

Соплеменник качал головой и сочувственно цокал языком.

— Гляжу — глаза стал протирать... — отхлебнув, с горечью продолжал одноглазый Хрхрян. — Я из будки бегом! Сижу теперь, думаю: на хвост упали — киоск продавай, из города уезжай... А как по-другому? Менты... Моргнут — ищи потом Хрхряна!..

2002 г.

ЧИЧЕРОНЕ

Я же не виноват в том, что ваше существование бессмысленно! Я виноват лишь в бессмысленности своего существования.

Великий Нгуен

В наши дни городской двор крайне редко представляет собой замкнутое пространство — он принадлежит сразу нескольким домам и неуловим в своих очертаниях. Обычно это сквозной лабиринт сообщающихся промежутков, слишком тесных, чтобы стать жертвами точечных застроек, зато вполне способных вместить клумбы, деревья, игровые площадки, гидранты, мусорные контейнеры, безгаражный автотранспорт.

Наверняка существуют какие-то карты, какие-то планы с точным обозначением границ, однако бумаги бумагами, а жизнь жизнью. В моём понимании двор — это территория обитания одного отдельно взятого городского дурачка.

Не знаю, в чём тут причина, но два дурачка в одном дворе ни за что не уживутся. Мне, во всяком случае, такого наблюдать не доводилось.

Явление загадочное. Почему бы в любой из многоэтажек не завестись сразу двум несчастным (по другим сведениям, счастливым) существам, искажённо воспринимающим нашу, с позволения сказать, действительность? Тем более что, согласно статистике, число их увеличивается с каждым днём.

Возможно, вторая штатная единица просто не предусмотрена, иными словами, экологическая ниша рассчитана строго на одного. Возможно. И куда жив тот, кто её заполнил, остальные кандидаты на должность обречены прикидываться более или менее нормальными людьми. Так сказать, теряться на его фоне.

Момент возникновения вакансии уловить практически невозможно. Во-первых, дурачки в большинстве своём долгожители (подчас кажется, что они вообще не имеют возраста), во-вторых, если исчезают, то незаметно. Проходит несколько месяцев, прежде чем сообразишь, что дёрганый улыбчивый Коля куда-то делся, а вместо него объявился одутловатый, вечно обиженный Валёк из третьего подъезда. Другое дело, что не всяк считающийся психически здоровым станет тратить жизнь на подобные наблюдения.

Отношение к дурачкам, как правило, благожелательное: приятно видеть того, кто заведомо глупее тебя. Если и поколотят порой бедолагу, то либо по незнанию его статуса, либо в связи с собственными не слишком высокими умственными способностями. Соблазнительно предположить, что поколотивший сам со временем займёт нишу поколоченного, но это уже так, тоска по справедливости.

В каком-то смысле мне повезло. Есть же люди, дважды видевшие комету! Так и я. Лет семь назад незримый колпак с погремушками, оставшийся от канувшего в неизвестность Коли, увенчал, как уже было сказано, бритую приплюснутую башку губастого Валька. Жили мы тогда ещё на той квартире. Потом у меня пошли косяком собственные неприятности — развод, раздел, размен и в итоге переезд на окраину, где мне вновь выпала возможность наблюдать похожую историю.

Местного дурачка звали Аркашей. Внешне чем-то он напоминал приснопамятного Колю, но только внешне. Совершенно иная личность. Ловелас. Прожжённый ловелас. Не пропускал ни одной юбки, причём осмотрительно выбирал женщин среднего возраста. Тинейджерич опасался и, наверное, правильно делал — слишком уж велик риск нарваться на отороженного бойфренда. А может, и впрямь нарвался пару раз — с тех пор и зарёкся.

— Верочка! Верочка! — журчал он, проворно ковыляя за грандиозной эйч-блондинкой лет этак сорока. — Ты когда за меня замуж выйдешь?

— Иди в попу, Аркаша, — лениво бросала та через обширное плечо. — У меня вон муж есть.

— Муж — старый. А я — молодой.

Между прочим, так оно и было. Молодой. Довольно ухоженный. Надо полагать, кто-то из его родителей ещё оставался в живых.

— Я скоро в Америку поеду, — не отставая, хвастался Аркаша. — Мне яхту надо купить. А потом опять приеду. У меня прокурор знакомый. Он нам всё устроит...

И только-только начал я привыкать к его подслеповатым глазкам и умильной улыбочке, как он вдруг взял и пропал. Не думаю, что скончался, — скорее всего некому стало о нём заботиться и сплывили Аркашу куда-нибудь под врачебный надзор.

Естественно, меня разобрало нехорошее любопытство: кто его заменит теперь? У кого из обитателей окрестных домов соскочит рычажок в мозгу? Ибо, повторяю, двор — как собор. Без юродивого он просто немислим.

Гожусь ли я сам на столь ответственную роль? Вряд ли. Хотя, возможно, со стороны могло показаться, что у меня все к тому данные: сидит человек день-деньской на скамеечке у подъезда, смотрит стеклянным взглядом на проходящих, от разговоров уклоняется, на что живёт —

неизвестно, а главное — всё время о чём-то думает. Если присесть рядом, встаёт и уходит.

Тем не менее себя я из списка исключил. Отобрал трёх кандидатов — и промахнулся со всеми тремя.

Он поравнялся с моей скамейкой и, не удостоив взглядом, сосредоточился на нашей девятиэтажке, словно бы прицениваясь. Такое впечатление, что собирался купить её целиком, однако не был ещё уверен в целесообразности такого приобретения. Выглядело это довольно забавно, поскольку наряд потенциального покупателя скорее свидетельствовал о честной бедности, нежели о сверхприбылях: ношенный серенький костюм, ворот рубашки расстёгнут до третьей пуговицы — по причине отсутствия второй. Плюс стоптанные пыльные туфли некогда чёрной масти. Я уже встречал этого субъекта во дворе, и не однажды, знал, что проживает он в соседнем подъезде, пару раз мы с ним даже раскланялись.

— Дом, — неожиданно произнёс он. — Жилой дом.

Замолчал, прислушался к собственным словам. Потом заговорил снова:

— Жилой, потому что в нём живут. — Подумал и уточнил: — Люди.

«Опаньки!» — только и смог подумать я.

Давнее моё предположение подтвердилось на глазах: пробки и впрямь перегорают по очереди. Дурачок умер — да здравствует дурачок!

Судя по всему, внезапный преемник Аркаши был одинок. То ли вдовец, то ли старый холостяк. Скорее первое, чем второе. Маниакальной аккуратности, свойственной убеждённым противникам брака, в нём как-то не чувствовалось. Да уж, кого-кого, а его я точно в расчёт не принимал. Почему-то мне всегда казалось, что резонёры с ума не сходят. Собственно, что есть резонёр? Ходячий набор простеньких правил бытия, кото-

рым почему-то никто вокруг не желает следовать. Ну и при чём тут, спрашивается, ум? С чего сходить-то?

Однажды я краем уха подслушал его беседу с соседкой. Узнал, что дети должны уважать старших, а если не уважают, виноваты родители — воспитывать надо.

Всё, что до сей поры произносил этот человек, не являлось продуктом мышления, но добросовестно затверживалось наизусть в течение всей жизни.

И вот поди ж ты!

— Минутку! — взмолился он. — Дайте посчитать. В каждой примерно по четыре человека. Четыре на четыре и на девять... — Окинул оком подъезды. — И ещё на пять... — Пошевелил губами, умножая в уме. — Где-то около тысячи.

С болезненным интересом я следил за развитием его мысли.

— Все вместе? — с тревогой переспросил он себя. — Нет. Жилплощадь изолированная. Квартира. Это м-м... такая ёмкость высотой чуть больше человеческого роста... запираемая изнутри...

Резко выдохнул, словно перед чаркой водки, хотел, видно, продолжить, но не успел, застигнутый врасплох очередным собственным вопросом:

— Зачем собираться всем вместе, чтобы жить порознь?

«А действительно, — подумал я. — Зачем?»

— Ну... так принято, — выдавил он наконец.

Я не разбираюсь в психиатрии, однако в данном случае тихое помешательство было, что называется, налицо. Либо у горемыки обвальный склероз, и он отчаянно перечисляет вслух самые простые вещи, пытаясь удержать их в памяти, либо шизофрения, она же раздвоение личности: сам спрашивает — сам отвечает.

Впрочем, возможно, одно заболевание другому не помеха.

— Не в наказание, — продолжал он с тоской. — Просто живут.

Запнулся, утёр пот со лба. Отщепившаяся часть души откровенно издевалась над бывшим своим владельцем.

— Зачем так много людей? — прямо спросила она.

— Родину защищать, — не удержавшись, тихонько промолвил я.

Как выяснилось, очень вовремя.

— Родину защищать, — повторил он с облегчением двоечника, уловившего подсказку. Измученное лицо его просветлело, но тут же омрачилось вновь. — Родина. Это где родился. Я? В Советском Союзе. Только его уже нет.

Меня он по-прежнему в упор не видел. Глядя с сочувствием на жалобно сморщенное чело новоявленного нашего дурачка, я достал сигареты, закурил, кашлянул. Бесполезно. Жердиной огреть по хребту — не заметит.

— Теперь Россия, — с достоинством выговорил он. — Российская Федерация. Потом... Как это потом? Потом — не знаю...

Осёкся, заморгал.

— От врагов. Сейчас — от грузин. Э-э... Грузия. Бывшая республика... То есть как бы это... Бывшая часть Советского Союза... Нынешнюю Родину — от бывшей?

Умственное напряжение вот-вот грозило достичь красной черты. Пора было принимать меры.

— Послушайте, может, вам помочь? — спросил я.

— Вы мешаете, — хрипло ответил он.

Вот так. Что называется, осадил.

— Хорошо-хорошо, — пробормотал я. — Не буду.

Он повернулся ко мне, однако глаза его оставались не то чтобы незрячи — нет, видеть-то они меня видели, но так на собеседника не смотрят. Так смотрят на неодошевлённый предмет.

— Курит, — огласил он. — Вдыхает дым с никотином. Потом выдыхает. Зачем?

— Слышь, урод! — не выдержав, окрысился я. — А не пошёл бы ты...

Не стал говорить куда и нервно отправил окурочек в горлышко бутылки из-под пива, используемой мною взамен урны.

— Да, — скорбно отозвался он. — Смысл курения обсуждать отказывается. Настаивает, чтобы ушёл... Нет, не нападает... Спасибо... Спасибо... До свидания!

Последние слова были сопровождаемы заискивающей улыбкой. Но я к тому времени уже и сам взял себя в руки. Принимать дурачка всерьёз означает, напоминать, претендовать на его место.

— Ну вот, — обессиленно вымолвил он, присаживаясь рядом со мной. — Отработал. Сигаретки не найдётся?

Я, честно сказать, слегка ошалел — настолько эта фраза не вязалась со всем предыдущим. Машинально переставил пивную бутылку так, чтобы она стала в аккурат между нами, и достал пачку.

Пару минут дымили молча. Он, кажется, переводил дух, а я всё пытался уразуметь, что, чёрт возьми, происходит. Прикинувшись, будто разглядываю кондиционер на втором этаже, как бы невзначай покосился на соседа. С виду совершенно нормальный человек. Хотя бывает, что дурь и приступами накатывает. Потом отпускает.

— С кем вы сейчас говорили? — спросил я.

Он испугался. Опасливо взглянул на меня исподлобья, затем торопливо сунул едва до половины докуренную сигарету в бутылочное горлышко (сигарета сказала: «Тш-ш...») и встал.

— Извините, — сипло бросил он. — Мне пора.

И устремился к своему подъезду.

Слух о том, что Рудольф Ефимыч (так, оказывается, звали моего собеседника) взял вдруг и тронулся рассудком, на завтра был уже известен всему двору. Я, как несложно догадаться, ни с кем из соседей впечатлениями не делился. Остаётся предположить, что свидетелей его странного поведения было и так достаточно.

Скамейку с утра оккупировали взволнованные бабушки, лишив меня привычного насеста, и пришлось мне обратиться восвояси. В тесные мои свояси, что на четвёртом этаже, с их рваными обоями и ржавыми разводами на потолке в прихожей. Из услышанного мною возле подъезда следовало, что Рудольф Ефимыч и вправду вдов, одинок, неустроен, а стало быть, в нынешнем своём качестве долго не протянет. Городской дурачок — растение оранжерейное и нуждается в постоянной заботе. «В холе и лелее», как выразилась сегодня одна из бабушек. А иначе путь один — в бомжи.

Приключись подобное в девяностые годы, я бы даже не удивился. Людям вроде Ефимыча легче всего прослыть тронутыми именно во времена перемен, в эпоху общенародного помешательства, ибо крыша у таких с детства прихвачена болтами. Намертво. Ну вот представьте: у всех уехали, а твоя — на месте. И какой же ты тогда нормальный?

Да, но сейчас-то не девяностые. Жизнь устаканилась, народ опомнился, прописные истины вновь обрели право на существование. Опять же, чем меньше вникаешь в окружающую действительность, тем меньше у тебя шансов свихнуться. Живи — не хочю. Глупость, если на то пошло, чуть ли не самая надёжная наша защита от безумия.

А тут начал человек задавать себе простые вопросы, да ещё и честно на них отвечать. Самоубийца.

Интересно, что он имел в виду, сказав: «Отработал»? В каком смысле «отработал»? Дурачком отработал? Может, и впрямь предусмотрена в городском хозяйстве такая штатная единица? Сколько, интересно, платят?

На лестничной клетке раздались голоса. Не представляю, как зимовали прежние хозяева моей однокомнатки, но железная входная дверь не имела деревянного покрытия, поэтому в запертом положении она пропускала звуки с тем же успехом, что и в распахнутом. Вот и сейчас слышимость была изумительная. Один голос, несомненно, принадлежал Витале с пятого этажа, два других я опознать не смог. Гости, надо полагать. Вышли перекурить к мусоропроводу. Видимо, в квартире уже дышать нечем.

Поддать они к тому времени успели крепко, и речь их изяществом не отличалась. То, что в данный момент взхлёб излагал Виталя, после беспощадной цензурной правки прозвучало бы примерно так:

— Я, доступная женщина, вчера, на мужской детородный орган, иду, подвергнутый оральному сексу, а навстречу, соверша-ать половой акт...

Ну и всё прочее в том же духе.

Беседовали они минут пять. Потом вмешался некто четвёртый, и мне вновь почудился голос Ефимыча. Впрочем, до конца я уверен в этом не был. Глухие отрывистые фразы новоприбывшего в смысле внятности оставляли желать лучшего. Даже учитывая замечательные качества моей двери и оторопелое молчание троицы.

Матерно грянул Виталя. Кажется, четвёртому лишнему, кем бы он ни был, грозило увечье. Я двинулся к дверному глазку, но, пока шёл, громогласного буяна словно выключили. Тишина поразила подъезд.

Поколебавшись, отодвинул громко, по-тюремному лязгнувший засов и выглянул наружу. Пусто. Гулко.

Такое впечатление, что на промежуточной площадке затаили дыхание. Затем кто-то поспешно взбежал на пятый этаж и вызвал лифт. Дождался. Уехал.

А пауза всё длилась. Определённо что-то необычное происходило у нас на лестнице. Не люблю вмешиваться в чужие пьяные дразги, но тут, кажется, случай был особый — и я, сильно сомневаясь в правильности своих действий, двинулся вверх по ступенькам. Возле мусоропровода меня ждали три восковые фигуры. Две из них, принадлежащие незнакомцам, сидели на подоконнике, тупо уставясь в некую точку пространства. К той же точке стремился и сизорылый пучеглазый Виталья — с явным намерением удушить её, падлу, в зародыше. Стремился, но был перехвачен некой неведомой силой, остановившей его на полпути.

С моим появлением восковых фигур стало четверо.

Была такая ныне забытая детская игра. Называлась «море волнуется». Море волнуется — раз... Море волнуется — два... Море волнуется — три...

Отомри!

Я отмер. Приблизился к Витале, тронул не без опаски его угрожающе растопыренные пальцы. Тёплые. Во всяком случае, сравнительно с моими.

— Э! — испуганно окликнул я. — Мужики! Что это с вами?

Мне послышался еле уловимый звук, напоминающий хруст тончайшей ледяной корочки. Скорее всего померещилось. Трое шевельнулись, заморгали. Завидев меня, одурели вконец.

— А где... — Виталья облизнул губищи, огляделся.

— Кто? — спросил я.

— Ну... этот...

Очумело переглянулись. Давно я не чувствовал себя так неловко.

Из дурацкого положения нас вывел Виталя.

— Слышь, — всё ещё продолжая моргать, нашёлся он. — Сосед. Это... Выпить хочешь?

Я согласился и, пожалуй, напрасно. Моё подозрение, что в разговор трёх друзей на промежуточной площадке четвёртым вклинился именно Ефимыч, подтвердилось, но большего мне из них выпытать так и не удалось. При одном только упоминании о случившемся собутыльники мрачнели. Такое чувство, будто они ни слова не запомнили. Вынесли одни впечатления.

— Вульвой ударенный...

— Нет, ну а что он говорил хотя бы?

— А мужская принадлежность его знает! — нервно отвечал Виталя. — Звенящий тестикулами — он и есть звенящий тестикулами!

Собственно, сегодняшний монолог Ефимыча я бы мог восстановить и сам — по образцу вчерашнего. Гораздо больше меня интересовало странное состояние, в котором я застал трёх орлов у мусоропровода, однако расспрашивать их об этом казалось мне крайне бестактным, а то и просто бессмысленным занятием. Будь они даже трезвы, тут же постарались-бы или всё забыть, или придать событию какое-никакое правдоподобие.

Ну, стояли, ну, разговаривали. Подошёл. Обидел. Растерялись. А когда опомнились, ушёл уже. На лифте уехал.

Вернувшись к себе, я первым делом жажнул крепкого кофе и попробовал поразмыслить.

Кажется, ошибся. Что-то не слишком похож наш Рудольф Ефимыч на обычного городского дурачка. Дурачок непременно должен быть безобиден и беззащитен. Вот первое, что от него требуется. А умственная ущербность — так, придаток, даже не слишком обяза-

тельный. Дурачок, да будет вам известно, существует вовсе не для того, чтобы нести околесицу. Его обязанность — пробуждать добрые чувства в окружающих и повышать их самооценку. Но в отличие от нищих он это делает бескорыстно.

А Ефимыч, получается, опасен. Сам видел.

Гипноз? А что ещё может привести сразу трёх человек в столь странное оцепенение? Пожалуй, только гипноз. Чёрная магия и разные там инопланетные парализаторы отпадают, поскольку я не домохозяйка и не восьмиклассница, чтобы верить всему без разбора.

Тогда вчерашняя наша встреча обретает совсем иной смысл. Возможно, то, что я принял за лёгкое помешательство, было всего-навсего неким развивающим упражнением. Сам себе вопрос — сам себе ответ. Кстати, становится понятной фраза: «Вы мешаете». Как и облегчённый выдох: «Отработал».

Правда, имеются два возражения. И весьма серьёзных.

Первое: почему, когда я вчера на него рявкнул, он не обезвредил меня, как эту троицу? Счёл угрозу ничтожной? Или обезвредил на пару минут, а я ничего не заметил? С Виталей понятно: очнулся и видит перед собой вместо одного собеседника совсем другого. Попробуй тут не заметь!

И второе: извините, ни за что не поверю, чтобы человек такого склада на старости лет подался в гипнотизёры. Хотя, если по-честному, много ли я о нём знаю? Пару раз поздоровались, один раз нечаянно подслушал его болтовню с соседкой, остальное — из уст бабушек на скамеечке.

Удивительное я всё же существо. Деньги кончаются, семья распалась, работы не предвидится, а я вместо того, чтобы сообразить, как быть дальше, размышляю о каком-то загадочном придурке.

К дальнейшим событиям я, как выяснилось, оказался подготовлен куда лучше, чем остальные обитатели двора. Те жильцы, кому эта история была небезразлична, мигом поверили в обречённость Ефимыча и пророчили скорое появление стервятников: ладно родня нагрянет, а ну как чёрные риэлтеры?

Хотя откуда у него родня? Был племянник-бандит, уговорил дядю уволиться с порохового завода, здоровье побережь. Чего, дескать, горб ломать? А вскоре племянника застрелили во время разборки. Теперь вот ни пенсии хорошей, ни кормильца.

Неделю спустя Рудольф Ефимыч вышел из подъезда в дорогой замшевой куртке — и по двору пробежал зловещий шепоток. Начинается. Вот уже и куртку ему купили. Теперь дело за малым. Уговорят подписать завешание на квартиру, потом тюк по башке — и в овражек!

Однако я-то знал, что не всё так просто. Даже если забыть чертовщину, недавно приключившуюся на промежуточной площадке между четвёртым и пятым этажами, не тянул Ефимыч на роль блаженного. Взять, к примеру, ту же куртку. Ну не было у него в лице сияния, свойственного дурачкам, когда они выходят из дому в дорогой обновке. Озабоченность — была, задумчивость — была. Даже отрешённость. А радости — никакой.

Что же касается «тюк по башке — и в овражек», это, согласитесь, пережиток прошлого. Отголосок тех же девяностых. Сейчас ненужную личность убирают куда более цивилизованными способами, что и подтвердилось пару дней спустя, когда к соседнему парадному подкатила «Скорая». Лекари душ человеческих довольно долго трезвонили в квартиру Рудольфа Ефимыча, пока некая сердобольная сволочь не подсказала, что хозяин гуляет во дворе. Вернулись во двор. Действитель-

но, душевнобольной в роскошной замшевой куртке стоял перед медицинским автотранспортом и натужно пытался растолковать самому себе, что это такое и зачем.

А вокруг уже собиралось дворовое воронье, прилично пригорюнившееся, любознательное, зоркое. Внезапно я понял, чем сейчас кончится дело, и тоже снялся со скамейки. Подошёл поближе.

— Здравствуйте, — сказала коренастая врачиха. — Вы Уклюжий Рудольф Ефимович?

Будущий узник здравоохранения смотрел на неё, словно бы не понимая вопроса.

— Врач, — отрывисто произнёс он наконец. — Лечит от болезней. Болезнь — это когда плохо со здоровьем. Здоровье? Ну, это... когда ничем не болеешь...

Докториха скорбно поджала губы, затем кивнула санитарам.

На мой взгляд, для одних людей время движется слитным потоком, для других дробится на бесчисленные мгновения. Этих вторых мы обычно называем фотогеничными. Два амбала в белых халатах, несомненно, относились к первому разряду, ибо нелепее тех поз, в которых они застыли, пытаюсь взять больного под руки, трудно себе представить. Мало того, что оба замерли, раскорячившись подобно чечёточникам, так ещё и со скупающими физиономиями.

Нет, всё-таки Виталя со своими гостями выглядел куда выразительнее.

Поначалу никто ничего не понял. За исключением меня, ну и, понятно, Ефимыча. Он виновато ссутулился и, пробормотав «извините», поспешил удалиться. Перед ним расступились.

Врачиха (она уже открыла переднюю дверцу) покосилась на скульптурную группу в белых халатах — и садиться в машину раздумала.

— Что там у вас? — раздражённо осведомилась она.

Осеклась. Взгляд её метнулся по двору в поисках исчезнувшего пациента, потом вновь сосредоточился на обездвиженных сотrudниках. Дальнейшие действия коренастой тётеньки свидетельствовали либо о высоком профессионализме, либо о хорошей интуиции. Очувтившись перед окаменевшими, она не стала их трясти и шипать. Просто отвесила каждому по оплеухе. В лечебных целях.

Амбалы ожили, отшатнулись.

— В машину, — процедила врачаха.

С тем и отбыли.

Забавно, однако ничего сверхъестественного наши ротозеи в случившемся так и не углядели. Единственное, что возмутило всех до глубины души, это неслышанно грубое обращение врача с персоналом. Ну прошляпили, ну убежал. Но по морде-то зачем? Психиатр называется!

Станный народ. Что ни покажи по телевизору, всему поверят, а тут на глазах происходит откровенная дьявольщина — и никто её не видит.

Говорят, была потом ещё одна попытка похищения нашего Ефимыча (на сей раз чисто уголовная), но мне о ней мало что известно. Рассказывали также, будто он взял вдруг и расплатился с долгами. Разом. В это, кстати, верилось. Куртейка-то не из секунд-хэнда.

Исполняющий обязанности дурачка сочувствия ни в ком уже не вызывал. Какое может быть сочувствие к буржуйам?

Однажды он остановился возле нашего подъезда и посмотрел на меня пустыми глазами.

— Скамейка, — подсказал я. — Предназначена для сидения. Состоит из двух столбиков и доски. Для того, чтобы сесть, надлежит согнуть ноги в коленях и опустить задницу на доску. Задница — это то, что сзади.

Рудольф Ефимыч горестно скривил рот.

— Смеётесь, — упрекнул он. — Всё бы вам смеяться.

Присел рядом, прерывисто вздохнул.

— Понимаете, я — гид, — признался он, побряхтев.

— Кто? — не понял я.

— Гид, — повторил он. — Хожу и всё рассказываю.

— Ну, это я заметил. А кому, простите?

— Откуда я знаю! — с тоской сказал Рудольф Ефимыч.

Что-то в этом роде я и предполагал. Есть такое заболевание, не помню только, как называется. Слышит человек голоса, разговаривает с ними, ругается, спорит. Правда, в подобных случаях не прорезается талант гипнотизёра, да и благосостояние, насколько мне известно, не увеличивается.

В остальном же — тютелька в тютельку.

— А как они на вас вышли?

— Вышли — и всё.

— Но вы их видели хотя бы?

— Нет. Только слышу.

— Рисковый вы человек, Рудольф Ефимыч, — заметил я. — Имейте в виду, в потустороннем мире жуликов тоже полным-полно. А вдруг они с дурными намерениями?

Встревожился, прикинул.

— Да нет! — убеждённо сказал он. — Какие жулики? Что обещали, всё сделали. Счёт открыл — деньги перевели. Безопасность вот обеспечивают...

— Это в смысле... с Виталей... с санитарями?..

— Ну да. Потом какие-то двое куртку с меня снять хотели. Вечером. Во дворе. Ну и их тоже...

Следует признать, такое истолкование событий в отличие от моих выкладок звучало непротиворечиво, а главное, всё объясняло. Впрочем, вполне естественно. Единственный способ всё объяснить — это сойти с ума.

— Стало быть, вы теперь чичероне?

Мой собеседник смертельно обиделся. У него даже губы затряслись.

— Как вы можете так говорить? — напустился он на меня. — Я двадцать лет на пороховом заводе отработал!

Я уставился на него в изумлении. Потом дошло.

— Рудольф Ефимыч! Чичероне — это проводник по-итальянски. Экскурсовод.

— Но мы же с вами не в Италии! Мы — русские люди!

Видно, каждое незнакомое слово было для него личным оскорблением.

— А те, кто вас нанял? — не удержавшись, подначил я. — Какой они национальности?

Ефимыч обмер. А действительно.

— Может, инопланетяне... — жалобно предположил он.

Ну да, конечно. Инопланетяне. Лишь бы не грузины и не американцы.

— Возможно, возможно, — не стал я спорить. — Вы просто хотите поболтать, или у вас ко мне какое-то дело?

— Да-да... — озабоченно проговорил он и на всякий случай огляделся. — Дело... — Затем в глазах его обозначился испуг. — Извините. Потом...

Ефимыч встал и судорожным движением отёр ладони о свою знаменитую замшевую куртку.

— Скамейка, — доложил он. — Предназначена для сидения...

И почему я не псих с паранормальными способностями? Ходил бы себе по двору, видал бы всех в гробу, называл бы вслух кошку кошкой. Кто такая? Сейчас растолкую. У кошки четыре ноги, позади у неё — длинный хвост. А мне бы за это денежка на счёт капала... Впрочем, относительно денежки на счёт Ефимыч скорее всего выдумал. Как и относительно погашенных долгов. А иначе ерунда выходит: в финансах его незри-

мые работодатели разбираются, а что такое скамейка, не знают.

Тогда откуда куртка?

В железную дверь гулко постучали. Звонка у меня не было. Была только кнопка, но сама по себе.

Открыл, не спрашивая кто. В крайнем случае грабители.

На пороге стоял Рудольф Ефимыч. Замшевое плечо его оттягивала сумка — тоже, видать, не из дешёвых.

— Отработали? — понимающе спросил я.

— Да, — сказал он. — Отработал.

— Тогда прошу...

Мы прошли в комнату, где, к моему удивлению, незванный гость с торжественной последовательностью принялся выгружать на свободный краешек стола коньяк, оливки и прочую сёмгу. В честь чего это он? Ах да, у него ж ко мне дело!

В четыре руки расчистили стол, уселись. Ефимыч огляделся, вздохнул.

— Бедно живёте, — сокрушённо молвил он.

Я промолчал. Гость тоже мялся и побряхтывал, не зная, с чего начать. Потом спохватился и разлил коньяк в тусклые разнокалиберные стопки.

Чинно приняли по первой. Закусили оливками с блюда.

— Я — простой работяга, — внезапно известил он. — Я — попросту.

— Вы это мне? — уточнил я. — Или им?

— Вам. Я — прямо, знаете, без этих там ваших разных... Как в детстве учили, так и живу.

Трудная, видать, была смена. Речь у него разваливалась окончательно.

— Рад за вас.

— Погодите, — сказал он. — Не перебивайте. А то собьюсь.

И разлил по второй.

Выпили.

— У кого ничего святого, — сосредоточенно продолжил он, — таких не выношу. Родителей надо уважать. Родину любить. Работать надо. Прямо скажу: языком болтать не умею — только руками. Вот так!

Рассердился и умолк. Кажется, меня за что-то отчитали. Впрочем, Ефимыч уже смягчился. Назидательно поднял указательный палец.

— Труд сделал человека, — изрёк он.

— Точно труд? — усомнился я. — Не Бог?

Моего гостя прошибла оторопь.

— Нет, ну... — Он замялся. — Сначала Бог, потом труд... Бог сделал человека и сказал: «Трудись».

Я смотрел на Ефимыча почти что с завистью. И ведь уверен в каждом своём слове! Как всё же мало нужно для счастья... Трудись! Это, между прочим, изгоняя Адама из рая, Бог ему такое сказал. «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят...» А в момент изготовления Он другое велел: «Плодитесь и размножайтесь». Занимайтесь, короче, сексом.

— Человек без людей не может, — сказал Ефимыч. — Без людей человеку нельзя.

Затосковал. Разлил по третьей. Я забеспокоился. Дозы, правда, махонькие, но всё равно — в таком темпе... К счастью, мой собутыльник не донёс коньяк до рта и со стуком отставил стопку. Я последовал его примеру.

— Ну вот как это? — уже с надрывом заговорил он. — Работал! Честно работал! Двадцать лет на пороховом заводе. Знал, что нужен людям! А они...

— Кто «они»? Люди?

Он досадливо мотнул головой.

— Да нет. Эти... которым я всё рассказываю.

— А-а... — Я наконец-то смекнул, в чём дело. — Спросили, как именно вы трудились на благо людей? А потом: что такое порох и зачем?

— Да, — глухо признался Ефимыч.

— Вот гады! — с искренним восхищением подивился я. Все-таки пришлось выпить по третьей.

— Рудольф Ефимыч! Но они ж, наверное, не нарочно...

— Будто мне от этого легче! — буркнул он.

— Да не берите вы в голову... — уже малость размякнув, добродушно убеждал я его. — Подумаешь, начальство обидело! Так ли нас ещё обижали, а, Ефимыч? Зато работёнку подкинули. Хорошо хоть платят-то?

— Платят хорошо... А во дворе со мной никто говорить не хочет.

— Завидуют, — решительно объявил я. — Чёрной завистью. Ишь! На старости лет человеку хлеба кус перепал, а им уже не вмоготу! У, суки...

— А вы сейчас безработный? — ни с того ни с сего спросил он.

Настроение мигом упало. Не спрашивая разрешения, я собственноручно наполнил стопки.

— Безработный...

— А раньше где? — не отставал Ефимыч.

— Да где я только не работал!

— Ну я и вижу, — одобрительно заметил он. — Рабочий человек. Не из этих... не из интеллигентов.

Ну, спасибо тебе, Ефимыч!

— Кто такие?

Он уставился на меня с подозрением.

— Не знаешь, что ли?

Я истово перекрестился, дескать, впервые слышу. Наверное, это было жестоко с моей стороны — задавать простые вопросы, от которых у бедняги и так уже ум за разум заходил, но после трёх стопок коньяка за собой не уследишь.

— Интеллигенты?.. — Глаза его напряглись, а лоб пошёл натужными складками. — Ну, эти... Образование получили, а пользу приносить не хотят.

— Кому?

— Обществу, — сердито сказал он. — Россия из-за них гибнет. Умные больно.

— Кто, например?

— Артисты всякие, — нехотя ответил он.

— А-а... — Я покивал. — Шукшин, Мордюкова...

— Нет, — испуганно сказал он. — Ты чо? Шукшин, Мордюкова... Они полезные. Я про паразитов разных.

А может, зря я ему сочувствую. Вот экскурсантов его бестелесных, тех — да, тех стоит пожалеть. После таких объяснений сам, глядишь, рехнёшься. Хотя не исключено, что, задавая вопросы, голоса просто развлекаются. Поражённый этой внезапной мыслью, я с невольным уважением покосился на моего собеседника. Если так, то передо мной сидел дурачок отнюдь не городского, но космического масштаба. Может быть, даже вселенского.

— И чем же мы, паразиты, вам не угодили?

Слово «мы» он, естественно, не расслышал. Фильтр, с детства установленный в голове Рудольфа Ефимыча, исправно задерживал на входе всё, что противоречило его пониманию ситуации.

— Паразиты, — повторил он, глядя на меня с недоумением и, должно быть, подозревая во мне придурка.

— Трудового народа?

— Да, — подтвердил он. — Паразиты трудового народа.

— Ну и где он, этот ваш трудовой народ? — спросил я с пьяным смешком. — Вот, допустим, я паразит...

— Почему паразит? — всполошился Ефимыч. — Безработный!

— Хорошо. Безработный паразит. — В голове у меня давно шумело, но это полбеды. Хуже, что во мне про-

буждался трибун. — Работать, говоришь, надо? На пользу общества? Какого? Этого? Которое меня за порог вышибло?

Ефимыч сидел, отшатнувшись, и даже не моргал.

— Н-ни капли крови за капиталистическое отечество! И ни капли пота! Ни кап-ли! Ты понял, Ефимыч?

Ефимыч понял.

— Так я и говорю! — подхватил он, оживая. — Давно этих жуликов к ответу надо! В Библии как сказано? «А паразиты — никогда!»

Бывают бездарные дурачки. Бывают талантливые. Ефимыч был гениален. Вот так, запросто, походя, в пику Владимиру Ильичу Ленину, слить коммунизм с христианством в один флакон?

Луначарский скромно курит в сторонке.

— Нет, закончим всё-таки с трудовым народом, — упорствовал я. — Согласен, трудиться! Доблестно! А на кого? На олигархов. Трудовой народ — пособник олигархов. Он с ними со-труд-ни-ча-ет. В отличие от нас, честных паразитов... А кто такой олигарх? Хищник. Вот скажи, что для тебя лучше, Ефимыч, хищник или паразит? С кем бы ты предпочёл столкнуться на узкой тропинке: с разъярённым клопом или с разъярённым тигром?

Последним своим нетрезвым сравнением я, надо полагать, добил собеседника вконец. Вряд ли он уловил извилистый ход моей мысли, но, судя по всему, это и показалось ему особенно обидным. Ефимыч встал с каменным лицом. Ни слова не говоря, закупорил коньяк и вернул его в сумку. Туда же отправилась не вскрытая ещё вакуумная упаковка сёмги.

— Не думал я, что вы... — Голос его дрогнул. — ...такой...

Ничего более не прибавил и прошествовал к выходу.

— Иди-иди... — глумливо дослал я ему в оскорблённо выпрямленную спину. — Труженик! Ниспококл... Низко-пок-лон-ствуй дальше перед своими буржуинами! Чичероне! Вот погоди, весь мир насилья мы разрушим... Как там в Библии?..

Гулко лязгнула железная дверь.

Ай-яй-яй, как стыдно! Совсем пить разучился. С трёх рюмок погнать коммунистическую пропаганду! Или с четырёх? Да, кажется, с четырёх. Четвёртую я наливал собственноручно. А там, глядишь, и пятая набежала...

До девяносто первого года я, помнится, в таких случаях гнал исключительно антисоветчину. Что ж, иные времена — иная ересь.

Съел горсть оливок и хмуро задумался.

Общество... Вечно оно пытается извлечь из меня какую-то пользу. Ну какая от меня может быть польза? Один вред.

Нет, я, понятно, всячески сопротивляюсь подобным поползновениям. И этот поединок двух эгоизмов длится с переменным успехом вот уже без малого полвека.

Кстати, мне есть чем гордиться. Подумайте сами: на стороне противника военкоматы, милиция, наложка, а на моей — я один, и то не всегда. Конечно, при таком неравенстве сил обществу время от времени удаётся со мной сладить, но и в этом случае оно, видите ли, недовольно. Ему недостаточно меня изнасиловать, ему надо, чтобы я отдавался с любовью. С какой радости?

Оно утверждает, будто правота на его стороне. Я же утверждаю, что на моей. Как говорят в детском садике: «А чо оно первое?! Я его трогал?!»

А тут ещё эти самозабвенные придурки вроде Ефимыча. Хотя такие ли уж они самозабвенные? Иногда мне

кажется, что любой человек по сути своей шпион, внедривший себя в человечество. Вы не поверите, но иной раз хочется посадить гада на привинченный к полу табурет, направить в глаза лампу и допросить с пристрастием: «На кого работаете?» — «На общество!» — «А подумать?» — «На общество!» — «А иголки под ногти?» — «На общество!!!»

На какое на общество? На себя ты, вражина, работаешь, на себя...

С этой глубокой мыслью я и заснул.

Разбудил меня всё тот же Рудольф Ефимыч. Каким образом он вновь проник в квартиру, загадки не составляло: без ключа дверь запиралась только изнутри. А я её, понятно, не запер. Судя по тому, что за окном помаленьку смеркалось, с момента нашего расставания прошло как минимум два часа. Ополовиненная бутылка коньяка вновь расположилась на столе, а сёмга была лишена упаковки и даже нарезана. Сам чичероне сидел на стуле, деликатно покашливая и похлопывая себя по коленям.

«Мирись, мирись, мирись и больше не дерись...»

— А? — сказал я спросонья.

— Я ведь чего шёл-то? — пряча глаза, напомнил он. — Дело у меня к вам.

Да, верно. До дела у нас так и не дошло. Я сел на раскладном своём ложе, протёр глаза.

— Ну, — буркнул я. — И в чём оно состоит?

— Только имейте в виду, — предупредил Ефимыч. — Я — простой работяга. Я — попросту.

«О господи! — подумал я. — Снова здорово! Как его голоса терпят?»

— Вот вы безработный, — сказал он. — И жить вам не на что.

Я помял виски, поморщился. Ефимыч истолковал моё движение не совсем правильно и шустро наполнил стопки.

— А я, как в детстве учили... Языком болтать не умею...

— Только руками, — сипло подсказал я.

— Да, — сказал Ефимыч. — Только руками. Вот у вас — получается... Иной раз так слово вывернете, что... — Он пожевал губами. — ...даже в голову не придёт! — Принял коньячку, замолчал, выжидательно на меня взглядывая. — Ну так как?

— Что «как»?

— Ну не могу я больше! — взмолился он. — Они ж меня о таком спрашивают, что с ума сойдёшь! Начнёшь отвечать — люди шарахаются. Как от чумного какого. А вы безработный...

— Стоп! — скомандовал я. — Вы что хотите? Пересадить эти ваши голоса из своей головы в мою?

— Да, — обречённо сказал Ефимыч. — Хочу.

— Так, — проговорил я и поднялся с койки. — Пойду самовар поставлю...

Выйдя в кухню, разжёл конфорку — и выразительно на неё посмотрел. Дескать, ничего себе, а? Водрузил чайник на огонь и, сокрушённо покачав головой, вернулся в комнату, где изнывал в ожидании Ефимыч.

— Так, — повторил я, садясь напротив. — Значит, решили уволиться...

— Да! — выдохнул он. — Сил моих больше нет.

— А жить на что собираетесь? На пенсию?

— Ну жил же до сих пор! И потом... я уже вон сколько заработал...

— Сколько?

Он взглянул на меня с опаской.

— Да как... — уклончиво молвил он. — Вот на Центральный район меняюсь. С доплатой. И ещё кое-что останется...

Что ж, это мудро. С нынешней его репутацией в нашем дворе оставаться не стоит. Разумнее перебраться куда подальше.

- И защищать больше не будут...
- Защищать не будут, — подтвердил он.
- А мою кандидатуру вы уже с ними обсуждали?
- Да! — с жаром сказал Ефимыч. — Они согласны.

Дело только за вами.

В кухне весьма своевременно завершал чайник, что дало мне повод удалиться, выгадав краткую отсрочку.

Сказано: возлюби ближнего, как самого себя. Я не люблю себя. Жалеть иногда жалею, а любить не люблю. Не за что. Таким образом вышеупомянутая заповедь Христова соблюдается мною неукоснительно.

Однако неприязнь к ближним вовсе не подразумевает жестокости в отношении кого-либо из них. А любой мой ответ в данном случае прозвучал бы весьма жестоко. Наиболее милосердным представлялось твёрдое «нет».

Ну вот, допустим, отвечу я «да». Голоса, естественно, никуда от этого не денутся — и поймёт Ефимыч с ужасом, что никакой он не чичероне, а самый обычный псих. Ещё не дай бог что-нибудь над собой учинит. Мучайся потом из-за него...

Впрочем, поймёт ли? Может ли вообще психопат чистосердечно признать себя психопатом? Наверняка извернётся, выкрутится, что-нибудь придумает и останется прав во всём. Да и голоса, конечно же, его изнутри поддержат: отбой, дескать, никого нам, кроме тебя, Ефимыч, не нужно. Нет такого второго во Вселенной.

Есть, кстати, и другой вариант. Я говорю «да» — и голоса умолкают. Где-то я даже читал о подобном способе лечения. Правда, не исключено, что вместе с ними Ефимыча покинут и его гипнотические способности, однако не думаю, чтобы он об этом когда-нибудь пожалел.

С большим чайником в левой руке и с заварочным в правой, я вернулся к столу.

- Ну? — затрепетав, спросил меня Ефимыч.

На моё счастье, я сначала избавился от кипятка и лишь потом сказал:

— Что ж с вами делать... Согласен.

«Тогда давайте обсудим условия», — отчётливо прозвучал в моей голове приятный мужской голос.

Как всё это было давно...

Я останавливаю свой «форд» напротив здания с колоннами, что, конечно же, чревато штрафом. Ладно, штраф так штраф. Кто бы протестовал!

— Дума, — с удовольствием оглашаю я, захлопывая за собой дверцу и простирая ладонь к колоннаде. — Это где думают.

— О чём? — неслышно спрашивают меня.

— Предполагается, что о народном благе.

— Кем предполагается?

— Теми, кто думает.

— Это соответствует действительности?

— Ну, не всё так просто, — со снисходительностью истинного чичероне изрекаю я. — Конечно, каждый думает исключительно о своей выгоде и о своей карьере. Но из множества этих мелких дум складывается одна общая дума о народном благе.

На несколько мгновений в голове моей воцаряется тишина. Кажется, я малость озадачил своих работодателей. До сих пор не возьму в толк, кто они и откуда взялись. Первое время пытался понять, потом махнул рукой. Достаточно того, что ребята вроде хорошие и в чужие дела не лезут. Да у них, судя по всему, и возможностей таких нет. Просто любопытствуют.

Даже мыслей читать не умеют. Меня это устраивает, хотя и создаёт определённые неудобства: на каждый их вопрос нужно отвечать вслух. Сначала стеснялся, потом обнаглел. Вроде как по сотику болтаешь. Тем более что на правом ухе у меня и впрямь красуется са-

мая что ни на есть крутая гарнитура. На зависть продвинутым тинейджерам. Однажды подстерегли у парадного, попытались отобрать. За что и были обездвижены.

Сильно осложнились отношения с женщинами. Теперь каждую приходится предупреждать, что я иногда во время интимной близости начинаю говорить крайне циничные вещи. В виде вопросов и ответов. Впрочем, некоторых это даже возбуждает.

— Поясните, — звучит наконец у меня в голове.

— Помните, в прошлый раз вы спрашивали, что такое армия?

— Помним.

Вот ещё одна странность: о себе они говорят только во множественном числе. Видимо, коллективный разум. Не надо смеяться, но одно время я подозревал в них колонию компьютерных вирусов, использующих человеческий мозг в качестве приёмной антенны. Кстати, это многое бы объяснило. Например, поступления на мой банковский счёт. Или, скажем, незнание простейших истин, совершенно для нас естественных и не нуждающихся в истолковании.

Однако, если они и вправду обитают в интернете, что им мешало заглянуть в любой словарь?

— Так вот, — важно продолжаю я. — Чем трусливее каждый солдат в отдельности, тем храбрее армия в целом. Как видите, тот же самый парадокс.

— Почему так?

— Потому что, если солдат бесстрашен, он прежде всего перестаёт бояться своего командира. Если же труслив, то предпочтёт доблестно погибнуть, лишь бы не получить взыскания.

— Что такое взыскание?

Я не тороплюсь с ответом. Окидываю критическим взглядом свой новенький «фордик» и с удовлетворени-

ем отмечаю, что его жемчужный окрас и впрямь весьма удачно сочетается с мягкими тонами моего прикида.

Как хотите, а мне нравится нынешняя работа. Самое подходящее занятие для стареющего эгоиста, который в последнее время только и делал, что, сидя на лавочке, ненавидел окружающее да копил жёлчь. Разумеется, я слегка измываюсь над моими незримыми спонсорами, но они этого, кажется, не замечают. Или делают вид, что не замечают. Тут ещё поди пойми, кто над кем измывается. Впрочем, какая разница! Главное, что мы вполне довольны друг другом.

Иногда вижу Ефимыча, поскольку тоже перебрался в центр — так сказать, поближе к очагам цивилизации. По-моему, предшественник мой не благоденствует и скорее всего сожалеет о том, что уступил кормушку. Но, полагаю, другого выхода у него не было. Для подобных ему чудил называть вещи своими именами означает лишиться в итоге последних иллюзий, а это им, поверьте, мука мученическая.

Мне проще. У меня действительно давно уже не осталось ничего святого. И стало быть, нет такого вопроса, который смог бы меня смутить.

На ступени под колоннами начинает стекаться народ с какими-то плакатами. Кто-то что-то выкрикивает.

— Что происходит? — интересуются мои невидимки (о взысканиях мы к тому времени успели переговорить).

— Митинг, — отвечаю со скукой. — Порядка требуют.

— Что такое порядок?

— Порядок, — небрежно объясняю я, — это когда тебе и таким, как ты, живётся хорошо, а не таким, как ты, плохо.

— Зачем?

— Что «зачем»?

— Зачем живётся?

Эх, ничего себе! Недооценил я, выходит, своих экскурсантов. Озадачили. Так с лёту и не ответишь.

— Н-ну, скажем... ради продолжения рода. Чтобы рожать детей.

— Зачем?

— Чтобы рожали детей...

— А дальше?

— Чтобы рожали детей, чтобы рожали детей... Могу и дальше.

— Вы тоже продолжаете род?

— Спасибо, уже продолжил. Больше не хочется.

— Тогда зачем живёте?

— Хороший вопрос, — невольно усмехаюсь я.

— Нет, — с сожалением поправляют меня. — Вопрос плохой. Но вам придётся на него ответить.

*Бакалда — Волгоград
октябрь — ноябрь 2008*

ВРЕМЯ РАЗБРАСЫВАТЬ КАМНИ

А между тем через бездну пространства на Землю смотрели глазами, полными зависти, существа с высоко-развитым бесчувственным интеллектом, превосходящие нас настолько, насколько мы превосходим вымерших животных...

Герберт Уэллс

За Волгой для нас земли нет!

Снайпер Зайцев

При виде едущей навстречу тачки (нет, не автомобиля — тачки в исконном значении этого слова) гадюка дёрнулась вправо, влево и, уразумев, что бежать некуда, поспешно свернулась в сложный пружинистый узел, изготовилась к броску. Молоденькая, полуметровая. Особенно трогательно выглядел хвостик, которым она угрожающе постукивала по утопанной до глянца грунтовке. Честно предупреждала, что голыми руками не возьмёшь.

— Ну! — сказал Георгий, останавливая тележку. — А дальше?

Дальше гадючка сообразила, что ей дают шанс, и, метнувшись к левой обочине, попыталась перехлестнуть насыпь с разгона. Не удалось. Кинулась ещё раз — и опять съехала на дорогу. В панике обернулась к Георгию и, вновь приняв боевую позицию, принялась нервно постукивать хвостиком.

— Нужна ты мне! — хмыкнул тот. — Змеборца нашла...

Отпустил рукоятки и огляделся, высматривая прутик подлиннее — посадить. Прутика поблизости не оказалось, а юная рептилия тем временем сумела-таки с третьего раза одолеть, прямо скажем, невеликое препятствие. Извилисто шевельнулись за обочиной белокрысы, выгоревшие до пунцовых оттенков сорные колоски. Овсюг какой-нибудь...

— И больше, смотри, на дорогу не суйся, — строго посоветовал вослед Георгий. — Тут покруче тебя гады ползают. Расплюшат — и не заметят.

Впереди, над песчаными буграми, поросшими кое-где быльём, давно уже показался город. Запросто можно было вообразить, будто до него час ходьбы. Однако ещё полсотни шагов — и впечатление это исчезнет: за песчаной грядой блеснёт Волга. Естественная преграда, глядя на которую, опять-таки можно потешить себя иллюзией, что цепкие щупальца с того берега до тебя не дотянутся.

По сути город давно уже принадлежал чужим, хотя далеко не все об этом знали, полагая события последнего времени просто стечением обстоятельств или даже карой за грехи. Словно бы подёрнутый тончайшим сизым пеплом, он смотрелся отсюда точно так же, как десять—пятнадцать лет назад, если, конечно, не сосредоточиваться на скелетах невероятных, нечеловеческих конструкций, вознёсшихся недавно над людским жильём.

А ведь пока их только ещё монтируют. Как же они будут выглядеть в готовом виде?

Впрочем, не надо о грустном. Сосредоточимся на милом сердцу занятии.

Давным-давно, задолго до нашествия, как раз напротив дачных посёлков набежала на мель баржа с камнем. Так, во всяком случае, рассказывали. Чтобы сняться, пришлось разгрузить её прямо на мелководье. Год

от года Волга мыла камушки, шлифовала с песком. Сначала Георгий, приходя купаться, просто подбирал приглянувшиеся голыши и складывал на участке горкой. Потом придумал мостить ими дорожки.

Хорошо, когда есть чем отвлечься. Камушек к камушку — так и забудешь хотя бы на время о том, что нас всех ожидает в ближайшем будущем...

Препятствие подкралось незаметно. Не вскинь он вовремя глаза, так бы и въехал тачкой в перегородившие грунтовку двустворчатые ворота, наспех сваренные из кусков арматуры. В обе стороны от неведомо когда возникшей преграды по песчаным буграм разбежалась колючая проволока. А на самих воротах висел замок.

— Что за хрень? — пробормотал Георгий, озираясь.

По ту сторону ограждения близ решётчатых врат утвердилась на диво обшарпанная будка, уже окрашенная на треть мерзкой краской рептильного гадливо-зелёного цвета.

— Эй! А люди тут есть?

Молчание. Хотя какие-то шорохи и постукивания из-за будки слышались. Решив не церемониться, Георгий достал из матерчатой сумки железный совок, которым выкапывал увязшие в песке голыши, и с маху грянул им по арматурине. Потом ещё раз.

— Погреми мне там, погреми, — отозвался знакомый шамкающий голос, а минуту спустя из-за будки показался и сам Евсеич. В укупанных краской кроссовках, в камуфлированных штанах с подтяжками и в соответствующей штанам панамке. На бурой от загара старческой груди расползлась самосевом седая поросль. В морщинистой, испещрённой зелёными чешуйками ручонке, напоминающей лапку некрупного динозавра, — плоская малярная кисточка.

— Ты теперь сторож тут, что ли? — поздоровавшись, озадаченно спросил Георгий.

В ответ пенсионер величаво наклонил пятнистую свою панамку. Водянистые прозрачные глаза строги, губы поджаты. Сразу видно, при должности человек.

— Ну, открывай тогда...

— Не имею права, — с достоинством отвечал беззубый Евсеич.

— Я ж не на машине! Или тут и с тележек плату брать будут?

— Приказано никого не пускать, — помедлив, с расстановкой извещил Евсеич.

— Как никого? — ошалел Георгий. — А купаться пойдут?

— Никого, — подтвердил Евсеич.

— Погоди! Кто приказал?

Мог бы и не спрашивать. Кроме того, на левом столбе ворот обнаружилась временно приютившаяся там табличка, поясняющая на трёх земных языках, кому теперь принадлежит территория. Ну вот и до левобережья добрались. Чуюло сердце.

— Неужто и берег оттяпали? — У Георгия даже голос упал. — Это ж муниципальная собственность...

— Ну вот, стало быть, муниципалитет и того... и уступил...

Уступил... Георгий стиснул зубы. Да он давно уже нас всех им уступил. С потрохами...

— Что ж, и к Волге теперь не выйдешь?

— Почему? На пристань дорогу оставили...

Тем часом из-за будки показалась супруга сторожа, огромная коренастая карга. И тоже с помазком.

— Что? Отъездился за камушками? — ликующе приветствовала она Георгия. — У, злыдень! Весь берег к себе на участок перетаскал. Шиш теперь поездишь...

Лицо её, и без того исковерканное жизнью, а теперь вдобавок радостно ощеренное, вызывало такую неловкость за род людской, что Георгий не выдержал, опустил

тил глаза. Несколько секунд непонимающе смотрел, как по отлогому склону ползёт жучок, оставляя на сухом песке узор, напоминающий след крохотной велосипедной шины.

— Дорожки он мостит... Погоди! Ещё и то, что упёр, вернуть заставят... Это тебе не свои!

Георгий очнулся и, пропустив мимо ушей выпад старой язвы, взглянул в лицо сторожу. Тот моргнул. Как перед оплеухой.

Оплеуха последовала, но в устном виде.

— Евсеич! Ты ж им жабры порвать грозил! Нелюди, говорил, Родина, говорил, гибнет... А теперь? Сам, выходит, им служишь?

Старикашка опешил, почти устыдился.

— Да?.. — визгливо отвечала за супруга карга с помазком. — А жить на что? Много ты на пенсию проживёшь! Нелюди... Бога за таких нелюдей молить!

И Георгий вновь оглядел с тоской бредовые конструкции, фантастические создания чуждого разума, встающие над сизыми контурами города.

«Да, вот так, — подавленно мыслил он. — Ещё и Бога за них молить... Кто бы нас ни мордовал — возлюбим до самозабвенья. То царю-батюшке задницу лизали, то вождю всех времён и народов, то законно избранному президенту... А чем, скажем, хуже клоака марсианина?»

Разумеется, к Марсу чужие никакого отношения не имели, но, с другой стороны, какая разница...

— Евсеич, — позвал Георгий. — А что ж у тебя колбочка такая жидкая — в две нитки?

— Доплетать будем...

— Так это когда ещё будет! Дырявая граница-то, а, Евсеич?

В младенчески-прозрачных глазах ворохнулся испуг.

— Нельзя, — беспомощно сказал сторож.

— Да ладно тебе — нельзя! Чего тут мудрёного? Верхнюю проволоку оттянул, на нижнюю наступил... Хочешь, научу?

— Звони давай! — заполошно закричала на мужа сторожиха.

— Не надо, не звони, Евсеич, никуда, — успокоил Георгий. — Я человек мирный, законопослушный. Велено повернуть оглобли — поверну. А вот в выходные... — Он приостановился, предвкушая. — Прикинь: попрутся дачники на Волгу — толпой, на машинах, да ещё и гости к ним наверняка понаедут... Они ж тебя вместе с проволокой снесут! С будкой и с воротами! В такую-то жару...

Престарелая чета переглянулась со страхом. Тоже, видать, вообразили.

— Да я им говорил уже, — чуть ли не оправдываясь перед Георгием, жалобно взвыл Евсеич. — К субботе вооружённую охрану обещали...

— Сами явятся или так, людей пришлют?

— Людей... — стонуше отвечал Евсеич.

— Жаль... А то давненько я на них не любовался, на уродов...

Прищурился со вздохом на песчаные бугры, из-за которых никогда уже не блеснёт полуденная Волга, — и, развернув порожнюю тачку, молча покатыл её прочь. Карга вопила вослед что-то обидное, но Георгий не вслушивался. Горло перехватывало.

Братья по разуму... Каин с Авелем... Но умные, умные твари, ничего не скажешь. Если вмешаться самим — это, не дай бог, в человеческой кровушке замараешься. А так — побили аборигены аборигенов. Что с них взять, с приматов недоразвитых...

Пойма отдыхала, отходила помаленьку от страшной прошлогодней засухи. Никогда такого не бывало, даже старожилы не упомнят, чтобы весной вода не пошла в

озёра и ерики. Не пошла, однако. Закованные в броню запёкшейся ряски пруды мелели под истошные причитания лягушек, дачники, оставшись без полива, спешно принимались бить скважины, чем напоследок обогатили буровиков. В садах-огородах ещё так-сяк, а в самой пойме осень наступила в конце июля. Желтели тополя, становились прозрачны до срока. Появились невиданные в наших краях птицы — не иначе, обитатели полупустынь. Пересыхая, илистые водоёмы обращались в подобия пепельных лунных кратеров. Апокалипсис, братцы, конец света.

Причина была известна: плотина сбросила воду в недостаточном объёме. О том, почему она так странно поступила, сильно спорили, выдвигали самые подчас невероятные объяснения, но сходились в одном: без чужих не обошлось. Знаем, знаем, откуда ноги растут! Извилистые, с присосками.

Большинство уверяло, будто всё дело в энергии. Они ж её, по слухам, мегаваттами жрут! Вот, стало быть, и дали установку: через шлюзы воду не гнать — гнать только через турбины.

Георгию версия казалась сомнительной. Сам он был убеждён в другом: чужаки просто-напросто хотели согнать людей с насиженных мест. Потом увидели, что здешние обитатели — народ упорный, и сами испугались. Один год без воды дубравы и рощи выдержат, восстановятся, а вот пара-тройка лет — это уже не шутка. Ну и кому нужна зона экологической катастрофы?

Так или иначе, следующей весной вода в ерики хлынула — и держали её довольно долго. Надо полагать, решили сменить тактику. Да что там полагать! Уже сменили...

Стало быть, прощай, Волга, прощайте, картавые звонкие чайки, ребристый песок на мелководье — как отпечаток Божьего пальца, ящеричная сетка солнечных

бликов и лениво клубящиеся на обрывчатом берегу отражения волн... Теперь любуйся на всё это издали, с борта пароходика... при условии, что хотя бы пристань уцелеет. А на пляжах и отмелях будут теперь колыхаться влажные коричневые туши пришельцев...

Георгий остановил тачку возле бара — так пышно именовался бетонный квадрат под жестяным навесом, прилегающий к строению из белого кирпича. Архитектурно оно и само напоминало кирпич с окнами, дверью и реликтовой надписью «Магазин». Эх, где вы, невозвратные светлые дни, когда магазины ещё назывались магазинами, тачки — тачками, люди — людьми...

Торговая точка была обнесена тонкой металлической оградой, которую от великого ума додумались выкрасить серебрянкой. Кладбищенские мотивы. Как раз под настроение.

Продавщица на точке правила новая. Этакая малость перезрелая хуторская красавица. Лёгкая мордастость в сочетании с сильной глазастью.

В другой бы раз смена власти за прилавком огорчила Георгия — новые всегда недоливают. Чтобы доливали, надо познакомиться, подружиться, бывает даже, что и переспать. Беспрекословно приняв высокую пластиковую посудину, добрая треть которой была заполнена пеной, мрачновато-задумчивый, он присоединился к двум другим человеческим особям, что сидели под жестяным навесом, причём каждый за своим столиком, полуотворотясь друг от друга. Один — Володька из «Початка», второго, одетого не по-дачному, Георгий видел впервые. И сто лет бы ещё не видел. Холёное начальственное рыло, надменные оловянные гляделки. Самоуважение, как говаривал опальный ныне классик, титаническое.

Георгий поздоровался. Володька, ясное дело, ответил. Второй спесиво промолчал. Ну и чёрт с тобой!

— А чего это ты порожняком? — подначил Володька. — Камушки кончились?

Внешность ему явно досталась в наследство от татарских оккупантов: был он смуглый, скуластый, смолodu высохший в корешок и с тех пор уже не меняющийся...

А может, переживём, а? Татар-то вон пережили...

— Да, — отрывисто сказал Георгий. — Кончились.

Пена в пластиковой посудине оседала издевательски медленно. Не дожидаясь, пока пиво согреется, хлебнул, утёрся.

— Спруты! — проклокотал с ненавистью.

За соседним столиком шевельнулись.

— А кого это вы — спрутами? — неприязненно поинтересовались оттуда.

Ишь! Правда-то глаза колет. Не иначе, сам на них работает. За хозяев обиделся...

— Уродов, — любезно пояснил Георгий.

— А уродами? — хищно спросил оловянноглазый.

— Спрутов.

Володька, встопоршив в улыбке рыжеватые прокуренные усы, поглядывал с любопытством то на одного, то на другого.

— А вы знаете, что вам может грозить за такие высказывания? — помолчав, напряжённо спросил незнакомец.

Георгий пил пиво. На лице его было написано блаженство, под которым, однако, таилось бешенство.

— Ничего, — беззаботно отозвался он, ставя на столик опустевший пластик. — С детства, знаете, не люблю обитателей океанских глубин. Какие-то они все... бородавчатые, склизкие... А что, есть закон, охраняющий честь и достоинство головоногих? Так мы ими вроде закусываем... — И Георгий в доказательство шевельнул пальцем лежащую перед Володькой вскрытую упаковку сушёных кальмаров.

— По-моему, вы имели в виду не обитателей океанских глубин...

— Да я много кого имел... — И похабная ухмылка впридачу.

Рыло окаменело.

— Это пошлость, — объявило оно.

«Ну, гад, — стиснув зубы, подумал Георгий. — Сейчас я тебя уделаю...»

— Нет, правда! — с подкупающим простодушием обратился он к Володьке. — Вот господин обвиняет меня в разжигании межвидовой розни...

— Я не обвиняю, — буркнул господин.

— Нет, многие разжигают, — проникновенно продолжал Георгий. — Умышленно внедряют, например, в сознание народа, будто волки поголовно хищники! Да, согласен, встречаются среди них и такие. Но зачем же всех-то под одну гребёнку?

Володька хрюкнул. Господин раздул ноздри.

— А я-то — интернационалист! — оправдывался Георгий. — Даже не интернационалист, а этот... интер... Как будет «вид» по латыни?

— А хрен его знает, — лыбясь, сказал Володька.

— Причём не сразу им стал, Володька, не сразу! В детстве, вот те крест, даже монголоиды мне странными казались. Чужими. Ничего, привык. Люди как люди. Потом негры. Тоже привык. Сейчас, не поверишь, увижу гориллу по телевизору: а что, думаю, человек как человек... Но не всё же, что шеvéлится, роднёй считать!

Оратора прервал полый звонкий стук. Это холёнорылый, в два глотка прикончив банку «пепси», нервно поставил её на столик. Затем встал и с презрением удалился.

— Кто такой?

Володька пожал плечами.

Георгий взял свою полуя ёмкость и снова пошёл в магазин.

— Повторите, будьте добры...

И пива ему было отпущено чуть больше, а пены чуть меньше, нежели в прошлый раз. Возможно, за вежливость. Так вот и налаживаются помаленьку добрые человеческие отношения. Человеческие. Подчеркнём это особо.

— На Волгу ходил сегодня? — вернувшись, спросил он Володьку.

— Ходил... — усмехнувшись, промолвил тот.

— И как водичка?

— Ничего. Тёплая. Течение только сильное, сносит...

— Погоди! А как ты шёл?

— Обыкновенно. Проволоку приподнял — и там.

— А гуще заплел?

— Слышь, — с ленивым превосходством сказал Володька. — Ты прям как в армии не служил. У нас вокруг дивизиона мало того что проволоку — спираль Бруно расстелили. Ковром! В ней танки вязнут, прикинь! А мы топ-топ, топ-топ — так и протоптали тропиночку. В самоволку по ней бегали...

— В субботу охрану поставят, — хмуро сообщил Георгий.

— Ну не по всему же периметру, — резонно заметил Володька. Потом добавил сочувственно, как бы извиняясь: — А вот тебе — да... Тебе труднее. Тачку по песку не пропрёшь...

Всё-таки неунывающий мы народ. Обжимают нас, обжимают, а мы хорохоримся, подмигиваем задорно. Правда, и обжимают умело: неспешно, исподволь, ни в коем случае не лишая надежды. Придавят — отпустят, потом опять придавят, чуть посильнее. Ничего. Выкрутимся, думаем...

Фиг теперь выкрутимся!

— Знаешь, кто мы такие? — сдавленно спросил Георгий. — Реликтовые гоминоиды...

— Кто-кто? — оторопел Володька.

— Про снежного человека слышал?

— Ну...

— Ну вот это мы с тобой и есть. Вытеснят нас в горы, в болота. Кто послабее — вымрет, кто повыносливее — одичает, шерстью обрастёт... Вместо бара этого смонтируют какую-нибудь хрень феерическую...

Георгий бы говорил ещё долго, но помешали обстоятельства.

— Гля! — прерывая унылое словоизлияние, сказал Володька и привстал. — Вроде сами пожаловали... Каракатицы!

Георгий обернулся. Из-за осинової рощицы выплыло нечто сплошь белое от бликов и обтекаемое, как обточенный Волгой голыш. Было оно размером с маршрутку, может быть, чуть пошире, и, казалось, парило, не касаясь полотна дороги. Двигаясь плавно, будто бы нехотя, нездешний механизм тем не менее словно по волшебству выростал на глазах. Георгий уже различал, что корпус его — чёрного цвета и вроде бы монолитный, без смотровых отверстий.

Ну вот теперь полная гармония: серебряная кладбищенская оградка и чёрный катафалк...

Даже когда асфальт кончился (шоссе до магазина не дотянули, и оно завершалось дразнящим извилистым языком), чужая машина скорости не сбавила. Что ухабы, что магистраль — им всё едино.

Устройство поравнялось с баром. На секунду Георгию померещилось, будто глянцево-траурный борт стал на миг полупрозрачен — проглянули сквозь него шевелящиеся по-зменному щупальца и студенистые осьминожки глаза, равнодушно скользнувшие по убогому жестяному навесу, по двум приматам-самцам за белым пластиковым столиком, по возникшей в дверях самке, тоже вышедшей посмотреть на разумных существ...

Богатое воображение.

— Боевой треножник после ампутации, — язвительно выговорил Георгий, когда машина пришельцев скрылась за углом кирпичеобразного строения из белого кирпича.

— Берег смотреть поехали, — понимающе заметил Володька. — Конечно! У них-то у самих, говорят, земля — шлак, воздух — отравка... А тут рай земной...

— Знаешь, — признался Георгий, — ну вот наведи они на нас лазеры с орбиты, прямо скажи: уматывайте, а то сожжём...

— Лазеры — это агрессия, — возразил Володька. — За лазеры на них вся Земля взбухнет. А так — мирное сотрудничество...

— М-да... — Георгий усмехнулся с горечью. — Стало быть, скорее Саймак, чем Уэллс...

Володька поглядел вопросительно.

— У Саймака тоже ведь войны миров не было, — со вздохом растолковал Георгий. — У него пришельцы, представляешь, втихаря Америку скупали. В розницу. Без шума и пыли...

— Похоже... — кивнул Володька.

— Да не совсем! В Штатах изволь с каждым американцем торговаться. У нас проще. Зачем тратиться на весь народ, когда можно взять и купить начальство... И ведь порядочными прикидываются, Володька! Дескать, законов не нарушаем... Конечно, чего им нарушать, если все законы под них теперь писаны!

— У нас — законы? — поразился тот. Тряхнул башкой, оглянулся. — Гал! Налей-ка ещё пивка...

Перезрелая хуторская красавица, которую, оказывается, звали Галой, кивнула и, забрав со стола стаканы, скрылась в дверях.

Совпадение, конечно, и всё же после появления чёрного механизма местность будто вымерла. Три пыльные сбегавшиеся к магазину дороги опустели. Хотя,

возможно, они и раньше были пусты, но тогда это как-то не бросалось в глаза.

Для продавщицы внезапное безлюдье означало краткую передышку, и, принеся жаждущим пива, гла-застая Гала подседа к столику третьей.

— Слышали уже про «Княжну»?

— Неужто всплыла? — мрачно сострил Георгий.

Его не поняли.

— Ну, та, Стенькина... — вынужден был пояснить он. — «И за борт её бросает...» Говорят, перед концом света всплыть должна.

— Тьфу ты! — Гала досадливо махнула на шутника ладошкой. — Я про турбазу «Княжна».

Про турбазу Георгий кое-что слышал, вернее, не столько про саму турбазу, сколько про её владелицу, роскошную даму, и впрямь державшуюся по-княжески. За глаза её звали мадам Ягужинская. Именно так — в два слова. В делах она, по рассказам персонала, была непреклонна до беспощадности, а слабость имела всего одну: запала на отставного офицера, не полностью реабилитированного после пребывания в горячей точке. Взяла в мужа и нянчилась с ним самозабвенно. Смазливенький, на девять лет моложе супруги, но, во-первых, со сдвигом, во-вторых, лютый бабник, в-третьих... Да там и в-третьих было, и в-четвёртых, и в-пятых...

Поступив на содержание, недолеченный защитник отечества воспринял это как заслуженную боевую награду и пустился во все тяжкие. Семейная жизнь странной пары складывалась, по слухам, увлекательно, с достоевщиной, с битьём посуды, с обоюдными истериками, рыданиями, примирениями и прочим.

Мадам Ягужинскую Георгий лицезрел неоднократно, каждый раз поражаясь её невозмутимой величавости, а вот что касается супруга, то с этой легендарной личностью ему встретиться так пока и не довелось. Правда,

в баре не раз указывали издали на каплевидную иномарку жемчужного оттенка, на которой доблестный бездельник носился по округе в поисках приключений.

— Так что с турбазой?

Гала легла тяжёлой грудью на пластиковый столик и, став ещё глазастее, прерывисто зашептала:

— Предложили продать... И за такую цену, что смех один...

— Кто?

— Ну кто... — Она вскинула кари очи, указав ими сквозь жестяную раскалённую крышу бара куда-то, надо полагать, в глубины космоса.

— Сами?!

— Не знаю, врать не стану. Да через людей, наверно, как всегда. Ну, мадам Ягужинская, конечно, наотрез. Начали грозить...

— Ей пригрозить! — хмыкнул Володька.

— Она к прокурору, — взахлёб продолжала шептать красавица Гала. — А у прокурора в кабинете...

— Что-нибудь слизистое? — предположил Георгий.

— Не-ет... Ещё они тебе сами светиться будут! Тоже, наверно, их человек... Прокурор извинился, вышел. Будто по делу. А этот повернулся к ней и говорит: «Ну вы что? Ничего не понимаете, что ли? Продавайте, за сколько сказано. А иначе даром уплывёт...»

— Ни черта себе! — процедил Георгий.

Володька разочарованно пошевелил бровями, такими же рыжеватыми и прокуренными, как и его татарские усы.

— Я это ещё неделю назад знал...

— И что вчера было, знаешь?

— А что вчера?

— Отбуцкали до полусмерти! За осиновою рощей! В двух шагах от особняка...

— Мадам Ягужинскую?!

— И ещё неизвестно, до полусмерти или... Позвоночник повреждён!

— И кто её?

Продащица хотела ответить, но не успела.

— Какая тебе разница? — с омерзением бросил Георгий. — Те, кого наняли те, кого наняли те, кого наняли...

Тут возле серебристой ограды, обрамлявшей серый склеп магазина, остановилась белая «ауди», и Гала, не досказав, поспешила вернуться за прилавок. Мужчины за столиком молчали. Потом в лукавых кочевнических глазах Володьки просквозила какая-то, видать, простенькая догадка.

— Слышь, — брякнул он спроста, — а вдруг это муженёк её уделал?

Да, дожили. Вон какую силу чужаки взяли — шагу по родной земле не ступи...

Георгий закатил тачку в пристроенный к дому сарай (бендежку, по-здешнему) и с сожалением оглядел недомощённую дорожку. Не успел. Чуть-чуть до калитки не дотянул. опередили, твари...

Значит, будем искать выход. Задумчиво низведя очи долу, побродил по участку — и вскоре выход нашёлся. Когда-то Георгий по неопытности утапливал камушки прямо в грунт, отчего они, стоило ударить ливням, быстро уходили в землю. Потом умелец усовершенствовал технологию: сначала стал настилать старый рубероид, потом насыпал тонкий слой песка, а по нему уже начал выкладывать голыши. Но ни в коем случае не на раствор! Сажать такую прелесть на раствор — варварство... Теперь выяснилось, что две первые ученические мощёнки успели притонуть, зарости и так или иначе требовали раскопок. А камушки в них, следует заметить, отборные, штучные, не чета нынешним. Вот их и используем.

Георгий повеселел.

На соседнем участке, скрытом от глаз дебрями запущенного винограда, полязгивало, побрякивало. Никанор Иванович, по обыкновению, возился со скважиной — перебирал насос.

— Добрый день, Никанор Иванович! — крикнул Георгий.

Сосед был глуховат.

— Жора, ты, что ли?

— Я...

Полязгивания и побрякивания прекратились, потом зашуршало — и поверх низкого заборчика в прогале меж виноградных дебрей показался по пояс Никанор Иванович с двумя деталями в руках. Несмотря на жару, был он в рабочей куртке, надетой поверх блёклой клетчатой рубахи, широкое простецкое лицо (кончик носа испачкан солидолом) на треть скрыто защитными очками, отдалённо схожими с маской аквалангиста. Потеряв когда-то на производстве глаз, бывший технолог берёг оставшийся в прямом смысле как зеницу ока. Только что картошку в очках не чистил.

Сквозь правое стёклышко на Георгия горестно глянуло поруганное национальное достоинство. Левый, искусственный, глаз соседа, как всегда, смотрел скучающе, чтобы не сказать, цинично.

— Переворот девяносто первого года, знаешь, чьих рук дело? — таинственно и зловеще спросил Никанор Иванович.

— Неужели? — поразился Георгий.

— Ну вот тебе и неужели!

— Вы же раньше на американцев грешили...

— Н-ну... — Сосед замялся. — Одно другому не мешает...

— Тогда уж не рук, а присосок, — заметил Георгий.

— Именно, именно! — вскричал Никанор Иванович. — Правильно ты, Жора, сказал!

Мужик он был хороший, только вот политику чрезмерно любил и патетику. Георгий обтёр ладошкой извлечённый из земли голыш, почувствовал на нём нечто чужеродное, липкое, скользкое — и чуть не выронил. Слизень. Вот мерзость-то! Сбил щелчком на камни и без жалости растёр подошвой шлёпанца. Слизней Георгий не терпел до содрогания. Почти как чужаков. Всё-таки улитки — они какие-то привычные, родные, а эти — порнографически голые, бесстыдные, всепроникающие... Второй год от них спасу нет.

— Никанор Иванович, вы собственность на землю оформили? — спросил Георгий.

Во-первых, пытался приземлить разговор, во-вторых, действительно хотел кое-что разузнать. Сам он, по лености своей, за переоформление документов даже ещё и не брался. А требовали.

Лицо в защитных очках стало суровым, почти жестоким.

— Нет. Не оформил.

— Почему?

— А вот съездишь разок в Среднюю Ахтубу — вмиг поймёшь почему... Полтора месяца! — возопил отставной технолог, потрясая лоснящимися от смазки деталями. — Полтора месяца измывались. Из кабинета в кабинет бумаги переложить, будь ласков, чуть свет на пароходик, потом на маршрутке на край области (а это ж не бесплатно всё!), да ещё в самой конторе две очереди отмотай. Знаешь, какие там очереди? Как перед концом света! Как за водкой при Горбачеве! Позавчера приезжаю за документами... Говорят: нету!

— Как нету?

— Так. Якобы потеряли...

— Н-ну... нормальное головотяпство... — осторожно предположил Георгий. Неясно только, кого он пытался успокоить: Никанора Ивановича или себя самого.

— Головоотяпство, говоришь? Ну нет! Тут расчёт, милый мой! Расчёт, а не головоотяпство... Помяни мои слова: никому ничего не оформят. Продались! Продались чиновнички наши... Чужакам всё отойдёт. Не веришь? Запросто. Есть бумага? Нет! Значит, не владелец... У, м-монстры жукоглазые!

Последняя фраза в устах Никанора Ивановича, отродясь фантастической литературой не увлекавшегося, прозвучала так неожиданно и забавно, что Георгий прыснул.

— Почему жукоглазые?

Сосед насупился.

— Заступаешься, что ли, за них?

— Да не за них, — возразил Георгий, всё ещё не в силах справиться с улыбкой. — За жуков. Симпатичные насекомые, а вы их вон с кем равняете...

Никанор Иванович крикнул.

— Ну, знаешь, жуки тоже разные бывают... — недовольно заметил он. — Колорадский, к примеру...

Тут же притворился, дескать, некогда ему, и, озабоченный, канул в дебри. Так он поступал всегда, если сбивался с мысли.

Шутку, будто именно чужие привели к власти демократов, придумал и поведал Никанору Ивановичу несколько лет назад сам Георгий, за что был обвинён отставным технологом в политической слепоте и потаканию западной пропаганде. Оно и понятно: в ту пору пришельцы, хотя и обозначились уже в наших краях, вели себя относительно смиренно. Не в пример южанам и китайцам.

А вот тачку он в пристройку закатил рановато. Не в руках же таскать камушки до калитки... Георгий двинулся было к бендежке, когда в зарослях вновь зашуршало, даже захрустело — и сосед показался вновь.

— Всё советскую власть ругаем! — запальчиво говорил он. — Да разве при советской власти они бы сюда сунулись? Сталин бы с этой поганью чикаться не

стал... Вот выйдем — узнаем тогда. Да что там выйдем! Уже вымираем...

— Никанор Иванович, — расстроено отозвался Георгий. — Меня-то вам что агитировать? Полностью с вами согласен...

— А! Толку с твоего согласия... — Сосед безнадежно махнул испачканной в солидоле рукой. — Ну не гадюки, а?..

Георгий вспомнил утреннюю встречу с юной рептилией и усмехнулся.

— С гадюками проще...

— Почему за границей их нет?.. — с пеной у рта вопрошал бывший технолог.

— Ну как это нет? Полно!

— Ну хотя бы въезд ограничивать стали...

— Нам-то с вами какая разница, Никанор Иванович? — устало промолвил Георгий. — Ну не нагрязнили бы к нам они... Значит, кто-нибудь другой нагрязнул бы. Те же китайцы. Мы ж добыча готовая! Слабое звено...

— Вот потому они и нагледят! — Сосед зашёлся окончательно. — Пока ты и такие, как ты, будут сидеть сложа руки... — Задохнулся, умолк.

— Хорошо, — мрачней, пропустил сквозь зубы Георгий. — Допустим, никто не нагрязнул. Тогда бы нас свои же крутые выжили. Нравится вам такой вариант? Лохи мы с вами, Никанор Иванович. Ло-хи...

— Так я и говорю: будь жив Сталин...

«О ч-чёрт! — подумал Георгий. — Ведь не отвяжется...»

Шагнув к заборчику и, оказавшись почти лицом к лицу с разъярённым собеседником, взглянул напрямик в его правый глаз.

От неожиданности трибун умолк.

— Я рад, что не ошибся в вас, Никанор Иванович, — глуховато, с чувством произнёс Георгий. — Мне нужна ваша помощь.

— Что такое? — всполошился тот.

— У меня есть взрывное устройство, — еле шевеля губами, продолжал Георгий. — Но я гуманитарий. А вы технолог. Помогите разобраться.

Слабо отмахиваясь, чуть ли не открещиваясь, бледный Никанор Иванович пятился от заборчика. Наивный мужик. Всему верит.

— Понимаете, — шептал Георгий, — сейчас они осматривают берег. А вечером будут возвращаться. Пляж — узкий. С одной стороны склон, с другой — Волга, податься им некуда...

Тут Никанор Иванович уразумел наконец, что его несерьёзный соседushка опять валяет дурака. Даже сплюнул в сердцах.

— Хиханьки тебе! — плаксиво бросил он. — Тут род людской гибнет...

Круто повернулся и сгинул среди листвы. Будем надеяться, на весь день.

Камушков хватило в обрез. Дорожка удалась на диво. Предварительно отмытые в ведёрке голыши, улёгшись один к одному, сияли на солнцепёке голубоватыми плоскими спинками, среди которых встречались подчас и зеленоватые, и чёрные с прожилками, а то и вовсе крапчатые. Красота. Доисторическая баржа, набежавшая когда-то на мель, очевидно везла самый разнообразный камень.

Мокрый, грязный и счастливый, Георгий кинул совок в ведро. Самое время окунуться. На Волгу отныне путь заказан, стало быть, сходим на озеро. Если, конечно, и там ещё дорогу не перекрыли.

Льдистое от тополиного пуха озеро заметно обмелело. Всё-таки прошлогодняя засуха не прошла для поймы бесследно. Почва жадно вбирала влагу, выпивая водоём снизу. На том берегу невидимая за высоким камышом тёплая компания с поистине казачьей лихостью выводила «При

лужке, лужке, лужке...» Всё правильно. Когда выхода нет и не предвидится, самое время петь народные песни.

Стараясь не касаться скользкого илистого дна, Георгий наплавался вдоволь, а выкарабкавшись на рассохшиеся деревянные мостки, понял вдруг, что не знает, чем теперь заняться. Нет, на даче-то работа всегда найдётся — просто не хотелось.

Огорода Георгий не держал — огурчики-помидорчики проще купить на пристани. Да он, можно сказать, вообще ничего не держал — с тех пор как овдовел и выпал из этой треклятой жизни. Цветы, посаженные женой, сохранил, деревья, понятно, тоже, а вот грядки сровнял и засеял газонной травой. Похожим образом он вёл себя и в городе. Доставшееся по наследству малое предприятие продал при первом нажиме чужих, совместно нажитую квартиру в центре сдавал, сам обитал в однокомнатке — впрочем, только зимой, а летом перебирался на дачу. Чтобы не одичать окончательно, время от времени подрабатывал переводами и корректурой.

Жил бережливо, иногда доходя до смешного (водку пьём — на спичках экономим), и всё же финансы таяли. Да. Вот так. Конец света ещё не наступил, а деньги уже кончаются.

Рассеянное внимание Георгия нечаянно собралось на шляпке гвоздя, криво торчащего из стены. Сходил за гвоздодёром — и ржавое железо, прокукарекав напоследок что-то вроде: «Умираю, но не сдаюсь», вылезло, упираясь, из серой от дождей доски. Не так ли и мы сами...

Пойти, что ли, в бар сходить? Тем более повод есть — дорожку закончил...

День был неполивной, народу на участках копошилось немного. Пока шёл до магазина, несколько раз окликнули из-за штaketника. Вопрос задавали один и тот же: «А что это ты без тачки?» Отвечал: «Угнали».

— Кто угнал?!

Многозначительно указывал пальцем в серый от зноя зенит. Они, дескать. Всё они...

Сердечно поприветствовал попавшуюся навстречу зрелую незнакомку с развесистыми бледными боками — и был вознаграждён опасливым «добрый день». Деревенский обычай здороваться с каждым Георгий чтит свято, с удовольствием наблюдая подчас оторопь встречного, судорожно пытающегося вспомнить, где он с тобой мог видеться прежде.

В самом конце улочки пришлось вжаться в забор, давая дорогу бульдозеру. За рычагами сидела сильно татуированная личность, голая до пояса, с сигаретой на губе и, кажется, не слишком трезвая. На запылённой дверце кабины упрямо проступали полузатёртые-полузамазанные слова: «Убей чужого!» Судя по технике исполнения, надпись была делом рук какого-нибудь юного патриота. Осмелели. Заметно осмелели. Раньше предпочитали уклончивое «Убей урода!». Этак скоро, глядишь, дойдём до того, что и впрямь будем всё называть своими именами.

Вскоре воссияла впереди крашенная серебрянкой ограда. Возле входа на территорию магазина приткнулись три легковушки. Под жестяным навесом было уже довольнолюдно. За столиком в центре бетонного квадрата шумно пробавлялись винцом два задорных визгливых юноши и три басовито матерящиеся девушки. В левом углу бара прихлёбывал извечное своё разливное пиво всё тот же Володька. Слово и не уходил вообще. Столик напротив единолично оккупировал некто неизвестный. Георгий покосился на него мимоходом и невольно задержал взгляд. Молодой бритоголовый красавец сидел, не касаясь позвоночником пластиковой спинки стула, и, выпятив подбородок, смотрел в никуда. Глаза — мёртвые, ртутные. На столе ополовиненная бутылка дорогой водки и рюмка. Ни закуски, ни запивки.

Взяв пятьдесят граммов коньяка и бутерброд с сыром, Георгий, естественно, подсел к Володьке.

— Никак праздник у тебя? — полюбопытствовал тот.

— Праздник. Дорожку домостил... А ты, я смотрю, решил тут навеки поселиться?

— Ага! Навеки! Я уж и на собрании отсидеть успел... Только-только подошёл.

— Шумно было на собрании?

Володька ощерил зубы. Редкие. Желтоватые. Зато свои.

— Помнишь, как лягушки в прошлом году вопили? «Безобразие! Возмутительно! Озеро пересыхает! Надо что-то делать! Переизбрать правление! А то совсем без воды останемся!..» — Лягушачьи интонации вышли у него забавно и очень похоже. — Так и мы. Один к одному. У нас же в «Початке» контингент какой? Пенсионеры, бабушки-старушки... Но горла-астые...

— А что у вас там пересыхает?

— Ну как... Пеллагея Петровна яблони повырубали, Клавдии Сергеевне бульдозером штакетник смяли... Выживают старушек.

— Кто?

— А то сам не знаешь кто! Кто нас отовсюду выживает?

— Что ж у вас, сторожа нет?

— Был. Уволился... Да ты с ним знаком, с Евсеичем. Сегодня, чай, виделись...

Георгий пригубил коньяк, откусил краешек бутерброда и принялся в задумчивости жевать. Жевал долго.

— Ума не приложу, что бы мы делали без чужих... — искренне поделился он наконец. — Что ни случись — чужие. Озеро пересыхает — чужие. Яблони вырубали — чужие. Раньше-то и свалить было не на кого...

— А сионисты? — ухмыльнулся Володька.

— Да кто их видел когда?

— А этих кто когда видел? Мы вон их с тобой много сегодня видели?..

Внезапно Володька замолчал. Хитрые татарские глазёнки стали как-то по-особенному пристальны и,

пожалуй, тревожны. Георгий оглянулся. Одна из шумных девушек, усиленно играя бёдрами, направлялась напрямиком к дальнему столику.

— Мужчина, — позвала она обворожительным хрипловатым баском. — Можно к вам обратиться?..

— Нет, — без выражения произнёс сидящий.

Взгляд его по-прежнему был устремлён в светло-пепельную кирпичную стену магазина.

Деваха изумилась, надула губы.

— Ну что ж вы такой бука... — укоризненно начала она, потом всмотрелась, умолкла и, вроде бы даже малость оробев, вернулась к своим. Те поглядели на неё вопросительно. Ответом была пренебрежительная гримаска.

— Во-от... — как ни в чём не бывало продолжил Володька, возвращая Георгия к прерванному разговору. — Битый, значит, час старушки наши митинговали...

Тот сделал над собой усилие и, снова сосредоточась на коньяке с бутербродом, исключил рокового незнакомца из поля зрения. Дальше глазеть не стоило — так и на неприятность недолго нарваться. Надо будет потом у Володьки спросить, что за тип.

— И чего старушки требуют? Правление переизбрать, а ещё?

— Президенту пожаловаться, — невнятно сообщил Володька, закусывая сушёным волокном кальмара. — Президент-то у нас — человек! Не из пресмыкающихся. Пока...

— Матёрый человечие, — заверил Георгий. — Только, знаешь, с кем поведёшься...

Беседа их была прервана странными булькающими звуками. Выставив прямую руку за перила, ограждающие бетонный пяточок бара, бритоголовый красавец с неподвижным лицом лил водку наземь.

— Ты что делаешь, мужик? — взвыл кто-то из задорных юношей.

Не услышав вопля, поставил пустую ёмкость на стол, встал, оказавшись не высокого, как соблазнительно было предположить, а всего лишь среднего роста, и двинулся на выход. Походка — твёрдая, будто не половину бутылки, а всю её вылил в грунт.

Хлопнула дверца иномарки жемчужной масти, ухнул запущенный на полные обороты двигатель — и, стреляя крупным гравием из-под колёс, машина сорвалась с места, исчезла в молочных клубках пыли.

— В больничный комплекс поехал, — понимающе заметил Володька. — Там она и лежит, мадам Ягужинская...

— Так это...

— Тёзка твой, — подтвердил Володька. — Жорка Ягужинский — во всей красе... — Всмотрелся в постепенно проясняющуюся от пыли округу, сокрушённо качнул головой.

— Шибанутый... — обиженно пробасила отвергнутая девушка и добавила ещё несколько слов.

Разливное пиво после коньяка, разумеется, верх вульгарности, но две рюмки подряд было бы дороговато, а посидеть ещё хотелось.

— Чем в клумбу выливать, лучше бы нам оставил... — ворчал Володька. — Тоже мне гусар...

Оба дачника, хотя и принадлежали к разным садовым товариществам, жили неподалёку друг от друга. Бар покидали вместе — не прерывая беседы.

— Дачи? — довольно бодро вопрошал тот, что из «Початка». — Дачи для них — так, мелочь. Если они дачами занялись — считай, остальную пойму давно заграбастали. Да и пойма тоже...

— Теперь уже не в этом суть, — печально отвечал ему тот, что из «Культурника».

— А в чём?

— Понимаешь, Володька... Вот мы говорим: иной разум, иная мораль... А в чём она, иная мораль? В чём

он, иной разум? Подумаешь так, подумаешь: может, нет никаких чужаков?

Володька внимательно посмотрел на попутчика.

— Говорил тебе: не мешай пиво с коньяком... — упрекнул он. — Как это?

— Нет, физически они, конечно, есть... — вынужден был поправиться Георгий. — Но уничтожаем-то мы себя — сами! А они — так... пользуются результатами...

— погоди, — остановил философа Володька. — Это там не сосед твой бежит?

Действительно, по тесной улочке навстречу им торопливо ковылял Никанор Иванович, то и дело всплывавшая руками и как бы заранее прося прощения. Издали было видно, что отставной технолог чем-то сильно потрясён.

— Жора... — выдохнул он за пять шагов, нелепо приседая и беспомощно разводя испачканные в смазке ладони. — Ну не смог... Не успел... Нога-то после травмы... пока дошкандыбал... он уже...

Защитных очков на Никаноре Ивановиче не было, и такое впечатление, что даже его левый, стеклянный, глаз полон отчаяния.

Георгий и Володька бросились к месту события.

По следам траков хорошо было видно, что бульдозер сначала снёс половину забора Сизовых, потом весь штакетник Георгия вместе с калиткой и развернулся на свежевыложенной дорожке.

— Слышу треск, хруст... — задыхаясь, говорил подоспевший Никанор Иванович. — Выбегаю, а он уж твой забор крушит... Вижу: сейчас до моего дойдёт... Я у него на дороге стал, руки раскинул... Ну, меня-то он давить побоялся...

Последний раз нечто подобное было с Георгием года за два до нынешних времён, когда его — в ту пору уже вдовца — угораздило вдобавок ко всем своим бедам въехать на такси напрямиком в самую настоящую автокатаст-

рофу. Возникнув из обморока рядом с неподвижным шофёром, он прежде всего подивился прозрачности ветрового стекла (на самом деле никакого стекла не было в помине — вышибло) и лишь потом обратил внимание, что левая рука ниже локтя болтается, как шланг. Ни страха, ни боли не почувствовал, если и взвыл мысленно, то исключительно от досады, представив грядущие расхождения и прелести травматологии. Между тем кто-то бегал вокруг машины с криками: «Горит! Горит!» Потом дверцу взломали — и, придерживая раздробленное предплечье, Георгий выбрался наружу. Его отвели на обочину, а он уклонялся от помощи, бормотал: «Я сам, сам...»

И лишь когда усадили на пыльную землю (столкновение произошло за городом), шок кончился — и Георгия буквально опрокинуло навзничь.

Вот и теперь отстранённо, с каким-то даже любопытством он нагнулся, поднял изуродованный траками обломок зеленоватого в прожилках камушка, осмотрел.

— Милицию вызвать... — причитал за левым плечом Никанор Иванович. — В суд его, поганца...

— Кого? — злобно спросил Володька.

— Бульдозериста...

— Костика? Где сядешь, там и слезешь! Что ж они, дурачки — кого попало нанимать? Справка у Костика! Подлечат — выпустят...

Георгий уронил обломок и побрёл по улице, удивляясь собственному равнодушию. Его окликнули. Он не ответил.

На грязновато-медном закате прорисовалась чёрная шипастая нить колючего ограждения. На нижнюю проволоку Георгий наступил, под верхнюю поднырнул. Вскоре за сизовато-серыми песчаными буграми блеснула Волга — покоробленный лист латуни.

Город на горизонте утратил объём, сделался призрачным, плоским. И только силуэты невероятных не-

человеческих конструкций стали, казалось, ещё более чёткими. Неизбежными. Как силуэт Эйфелевой башни над крышами старого Парижа.

Вот тогда и опрокинуло Георгия. Навзничь. Как десять лет назад на обочине.

Был ли кем-то нанят татуированный жилистый придурок с сигаретой на откляченной губе или же порушил заборы, не справясь по пьянке с бульдозером, — какая разница!

Чужаки были виновны во всём.

Справа над песчаной грядой вздувался, очевидно подсвеченный изнутри, огромный волдырь из неизвестного материала, вскочивший на берегу по их велению. Видимо, что-то вроде жилого купола.

А внизу над тёмным от влаги пляжем бесшумно, как призрак, плыла чёрная глянцевая машина чужих. Вся в бликах, только уже не в белых, а в жёлтых, закатных. Боевой треножник после ампутации. Ближе, ближе...

Будь в руках у Георгия гранатомёт и умей он из него стрелять, не колебался бы ни секунды и рука бы не дрогнула.

Но что ты можешь, гуманитарий хренов?

Взглядом испепелить?

Траурный механизм поравнялся с Георгием и скрылся из виду, заслонённый песчаным гребнем. А в следующий миг там полыхнуло и грохнуло. Как будто кто-то подкрался сзади и что было сил хлопнул с двух сторон ладонями по ушам. Ахнули, отразившись от воды, мощные отголоски.

Дальше из-за гребня раздался короткий громкий шелест (возможно, скрежет — просто сказала минутная глухота), а чуть погодя — два еле слышных выстрела. Потом ещё два. Должно быть, контрольные.

Георгий по-прежнему стоял неподвижно.

Какое-то время ничего не происходило. Потом зашуршал песок (слух возвращался) и на вершине бугра

обрисовалась подсвеченная закатом ладная человеческая фигурка, в которой Георгий незамедлительно узнал своего тёзку Жору Ягужинского.

Бритоголовый красавец, пряча на ходу в карман какую-то вещичку (что угодно, только не пистолет), беглым шагом пересёк открытое пространство и сгинул в зарослях.

Солнце стремительно убывало, съёживалось в уголёк. Собралось в точку меж двух зданий на горизонте — и исчезло совсем. Остался пыльный очерк города на фоне воспалённого неба.

Преодолев оцепененье и страх, Георгий спрыгнул вниз. Оползая по песчаному склону, спустился к воде.

Скупого освещения как раз хватало на то, чтобы рассмотреть всё в подробностях. Чёрная глянцевая глыба завалилась набок, но в остальном казалась ничуть не повреждённой. Распахнутые боковые дверцы напоминали теперь откиннутые люки. Именно через них каких-нибудь несколько минут назад, конвульсивно извиваясь, выползали наружу застигнутые врасплох пришельцы, пока четыре беспощадных выстрела в упор не прекратили их конвульсий.

На ватных ногах единственный свидетель приблизился к месту преступления вплотную. Простёртых на мокром песке чужаков было двое. Одного из них, плотного, коротко стриженного брюнета, Георгий видел впервые, вторым оказался тот самый господин, с которым они повздорили сегодня утром в баре. А на чёрной лаковой крыше полуопрокинутого джипа слабо мерцала нанесённая краской из баллончика корявая надпись без единого знака препинания:

МОСКВА УРОДЫ ЗА ВОЛГОЙ
ДЛЯ ВАС ЗЕМЛИ НЕТ

*Бакалда
июль — август 2007*

49 СЕКУНД

Вряд ли кто из обитателей спального района ожидал, что возвращение в строй неприметного кинотеатрика обернётся столь значительным событием в культурной жизни города. Убыточное заведение занимало угол старой семиэтажки и до того, как погрязло в реконструкции, специализировалось в основном на показе мультиков.

Уже то, что кинотеатр и после ремонта остался кинотеатром, несколько озадачивало. По логике, он был просто обречён стать игорным клубом или, скажем, ночным кафе с мужским стриптизом. Хотя — кризис на дворе. Какая уж тут логика!

Публика на открытие съезжалась нездешняя: вызывающе прикинутый андеграунд, разнообразная элита, кинокритики с вялыми обвислыми лицами, даже какая-то мумифицированная старушенция в кожаной мини-юбке а-ля путана. Наконец протянуло кабели телевидение, а из припарковавшегося авто полезли власть имущие.

Присутствовал и наряд милиции.

Видя такое дело, кое-кто из местных поинтересовался насчёт билетика. Выяснилось, что вход по приглашительным.

В вестибюльчике были накрыты узкие длинные столы с халявными оливками и кислым до кривомордия брютом. Затем гостей пригласили в зал.

Несмотря на многолетние усилия гастарбайтеров, врождённые пороки интерьера исправить так и не удалось: зал по-прежнему напоминал отрезок подземного

туннеля, а размеры полотна вызывали в памяти колхозную киноточку. Впрочем, имелись и кое-какие отличия: перед экраном растопырилась прямоугольная металлическая рама, из которой в самых неожиданных местах произрастали провода, соединявшие конструкцию с тумбообразным пультом, что возвышался у правого трапа.

На оставшийся краешек сцены выбралась дама с микрофоном (слашавая улыбочка, злобные цепкие глазки) и принялась умильно благодарить бесчисленных спонсоров. Довела всех до тихой ненависти, после чего вспомнила наконец о главном.

— Их неоценимая помощь, — изнемогая от признательности, в сотый раз повторила она, — позволила нам присутствовать сейчас, не побоюсь этого слова, при историческом событии, которое наверняка отзовется далеко за пределами нашего города. А теперь попросим самого изобретателя...

По трапу поднялся человек с лицом младенца. Те, что поумнее, при виде его ощутили смутную тревогу.

— Не бойтесь, — с кроткой улыбкой успокоил он собравшихся. — Я не настолько бессовестен, чтобы утомлять вас техническим описанием моего... э-э... детища, и буду говорить исключительно об искусстве. Знаю, здесь сидят режиссёры, актёры, кинокритики, театроведы, просто ценители, которым скорее всего мои суждения покажутся наивными. Заранее прошу меня извинить...

Он сделал паузу и огладил свои ликующие щёчки свободной от микрофона рукой.

— Рождение искусства всегда вызывает потрясение, — объявил он. — Когда первобытный охотник впервые нарисовал на стене пещеры бизона, держу пари, соплеменники его схватились за копья и каменные топоры. Они увидели дичь. До них не сразу дошло, что перед ними не настоящий бизон, а всего-навсего его изображение.

На лицах присутствующих специалистов обозначился скепсис.

— Или возьмём литературу, — поспешно предложил изобретатель. — До сих пор есть люди, убеждённые в том, что всё написанное соответствует действительности. Когда Стивенсон опубликовал свой «Остров сокровищ» с приложенной к нему картой, вспомните, сколько народу кинулось на поиски клада! Но таких благодарных читателей, увы, всё меньше и меньше...

— А нельзя поближе к теме? — брюзгливо и, кажется, не слишком трезво спросили из зала.

— Можно, — благосклонно глядя на спросившего, отозвался самородок. — Как только что сказала любезнейшая Марго Архиповна... — Улыбчивое младенческое личико обернулось к директорше. — ...все мы участвуем сейчас в поворотном моменте истории. На ваших глазах рождается новый кинематограф. Вот...

Последовал широкий жест, и все вновь оглядели с сомнением металлическую грубо сваренную раму с произрастающими из неё проводами.

— Когда в 1896-м году братья Огюст и Луи Люмьер представили вниманию публики один из первых в мире фильмов продолжительностью всего сорок девять секунд и называвшийся «Прибытие поезда»...

— «Прибытие поезда на вокзал Ла Сиота», — уточнила въедливая старушенция в мини-юбке.

— Да-да, конечно... — воссиял изобретатель. — Спасибо. «Прибытие поезда на вокзал Ла Сиота». Так вот... Стоило на экране возникнуть надвигающемуся паровозу, как люди в панике побежали из зала, чтобы не угодить под колёса (вспомним первобытных охотников, схватившихся за топоры при виде нарисованного бизона). Это было начало и в то же время вершина кинематографического искусства. Почему вершина? Да потому что с тех пор зрители ни разу не ощутили себя непосредственными участниками того, что происходит на экране. Что бы оттуда ни надвигалось: космический корабль, Годзилла, вампир с клыками — мы в лучшем слу-

чае вздрогнем, но бежать сломя голову... Нет! Нынешнюю публику ничем уже не проймёшь.

Изобретатель сместился к правому трапу и с нежностью приласкал тумбообразный пульт. Доверчиво распахнутые глаза самородка дышали блаженством неведения. Если такой и разрушит мир, то сделает это не по злобе, а из любопытства, что гораздо хуже.

— Нас пугают, а нам не страшно, — скорбно известил он, снимая пылинку с тумблера. — И это несмотря на все усилия технического прогресса. В кинематограф пришёл звук, потом цвет, пытались внедрить стереоскопическое изображение... Бесплезно. Непосредственность восприятия утрачена. Иллюзион остался иллюзионом. Именно это обстоятельство и подвигло меня, так сказать, на сегодняшний эксперимент. Я не режиссёр, не оператор, поэтому прошу отнестись снисходительно к тому незамысловатому сюжету, который будет сейчас представлен. Продлится он всего сорок девять секунд — это дань традиции! Но имейте в виду, что, кроме зрения и слуха, вам волеяневолей придётся задействовать ещё одно из пяти чувств.

— Обоняние, что ли? — с подозрением спросили из зала.

— Обоняние? — ошалело переспросил самородок. — Нет! Разумеется, нет! Насколько мне известно, некоторые мои коллеги действительно работают над созданием генератора запахов, но я в данном случае имел в виду осязание и только осязание...

В первых рядах беспокойно шевельнулись. Перспектива схлопотать случайно по морде от экранного персонажа никого не прельщала.

— Простите, — перебил кто-то, приподнимаясь в волнении. — А как называется этот ваш сюжет?

— Разве я не сказал? — удивился изобретатель. — «Прибытие поезда».

И звонко щёлкнул тумблером.

*Волгоград
ноябрь 2008*

НОН-ФИКШН?

КАК ОТМАЗЫВАЛИ ВОРОНУ

Опыт криптолитературоведения

*Не тот вор, что крадёт, а тот вор,
что переводит.*

В.И. Даль

Переимчивость русской литературы сравнима, пожалуй, лишь с переимчивостью русского языка. Человеку, ни разу не погружавшемуся в тихий омут филологии, трудно поверить, что такие, казалось бы, родные слова, как «лодырь» и «хулиган», имеют иностранные корни. Неминуемо усомнится он и в том, что «На севере диком стоит одиноко...» и «Что ты ржёшь, мой конь ретивый?» — переложения с немецкого и французского, а скажем, «Когда я на почте служил ямщиком» и «Жил был у бабушки серенький козлик» — с польского.

Западная беллетристика всегда пользовалась у нас неизменным успехом. Уставшая от окружающей действительности публика влюблялась в заезжих героев, во всех этих Чайльд-Гарольдов, д'Артаньянов, Горлумов, и samozабвенно принималась им подражать. Естественно, что многие переводы выросли корнями в отечественную почву и, как следствие, необратимо обрусели.

Тем более загадочным представляется чуть ли не единственное исключение, когда пришельцу из Европы, персонажу басни Лафонтена, в России оказали не просто холодный приём — высшее общество встретило героя с откровенной враждебностью. Вроде бы образ

несчастной обманутой птицы должен был вызвать сочувствие у склонного к сантиментам читателя XVIII века, однако случилось обратное.

Вероятно, многое тут предопределил уровень первого перевода. Профессор элоквенции Василий Третьяковский, не задумываясь о пагубных для репутации персонажа последствиях, со свойственным ему простодушием уже в первой строке выложил всю подноготную:

Негде Ворону унестъ сыра часть случилось...

Воровство на Руси процветало издревле, однако же вот так впрямую намекать на это, ей-богу, не стоило. Кроме того, пугающе неопределённое слово «часть» могло относиться не только к отдельно взятому куску, но и к запасам сыра вообще. Бесчисленные доброхоты незамедлительно расшифровали слово «Ворон» как «Вор он» и строили далеко идущие догадки о том, кого имел в виду переводчик.

Натужная игривость второй строки:

На дерево с тем взлетел, кое полюбилось... —

нисколько не спасала — напротив, усугубляла положение. «Кое полюбилось». В неразборчивости Ворона многие узрели забвение приличий и развязность, граничащую с цинизмом. Мало того что тать, так ещё и вольнодумец!

Естественно, высший свет был шокирован. Императрица Анна Иоанновна вызвала поэта во дворец и, лицемерно придравшись к другому, вполне невинному в смысле сатиры произведению, публично вклеила Третьяковскому пощёчину. «Удостоился получить из собственных Е. И. В. рук всемилостивейшую оплешину», — с унылой иронией вспоминает бедняга.

Следующим рискнул взяться за переложение той же басни Александр Сумароков, постаравшийся учесть горький опыт предшественника. Правда, отрицать сам факт кражи сыра он тоже не дерзнул, но счёл возможным хотя бы привести смягчающие вину обстоятельства:

И птицы держатся людского ремесла.
Ворона сыру кус когда-то унесла
И на дуб села.
Села,
Да только лишь ещё ни крошечки не ела...

Ворон, как видим, под пером Сумарокова превратился в Ворону. Тонкий ход. Поэт надеялся, что к особе женского пола свет отнесётся снисходительнее. Имело резон и уточнение породы дерева: по замыслу, определённая выборка придавала характеру героини цельность и отчасти благонамеренность, поскольку дуб издавна считался символом Российской державности.

Увы, попытка оправдания вышла неудачной, а для автора, можно сказать, роковой. Убереечь Ворону от читательской неприязни так и не удалось. Александр Петрович повторил ошибку Василия Кирилловича: увесистое слово «кус» опять-таки наводило на мысль именно о крупном стяжательстве. Да и сами смягчающие вину обстоятельства выглядели в изложении Сумарокова крайне сомнительно. То, что люди тоже воруют, героиню, согласитесь, не оправдывало нисколько. Указание же на то, что, дескать, «ещё ни крошечки не ела», звучало и вовсе беспомощно. Как, впрочем, и робкий намёк на давность проступка, совершённого-де не сию минуту, а «когда-то».

Но самую дурную шутку, конечно, сыграл с переводчиком державный дуб: невольно возникал образ казнокрада, прячущегося под сенью государства. Некоторые вельможи решили, что басня — камешек в их ого-

род. Сумарокова вынуждают покинуть Петербург. Умер поэт в нищете, затравленным, опустившимся человеком.

Неприятие образа Вороны было в тогдашнем обществе столь велико, что противостоящая ей Лиса в итоге превратилась в глазах читателей чуть ли не в положительного героя, в такого носителя справедливости.

Потребовался гений Крылова, чтобы окончательно обелить Ворону, не подвергшись при этом гонениям. В своём переводе Иван Андреевич предстаёт перед восхищённой публикой не только блистательным поэтом, но и непревзойдённым адвокатом. Недаром, читая речи таких выдающихся юристов, как Плевако, Карабчевский, Урусов, невольно приходишь к выводу, что шедевр Крылова они знали наизусть и выступления свои строили неукоснительно по его канону.

Представьте: встаёт адвокат и долго держит паузу. Публика, ослабившись, смотрит на него с весёлым злорадством: дескать, крутись-крутись, а сыр-то она всё равно... того-этого... Наконец как бы через силу защитник поднимает глаза и произносит с усталой укоризной:

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесьте гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок...

Умолкает вновь. Присяжные озадачены, в зале — недоумённые шепотки. О чём это он? Куда клонит?

Адвокат между тем горько усмехается.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру... —

пренебрежительно шевельнув пальцами, роняет он как бы невзначай.

Не часть, обратите внимание, не кус, а всего-то на всего кусочек, из-за которого даже неловко шум поднимать. Но главное, конечно, не в этом. Бог послал!

Понимаете, в какой угол он сразу же загоняет прокурора? Стоит что-либо возразить — заработаешь репутацию атеиста.

На ель ворона...

Почему на ель? А больше не на что. Дуб скомпрометирован переводом Сумарокова, а на ель оно как-то скромнее, менее вызывающе.

...взгромоздясь...

Блестяще! Казалось бы, адвокат не шадит подзащитной, он не пытается приукрасить её, он ничего не скрывает. Но в том-то и тонкость, что это неопрятное «взгромоздясь» содержит ещё и признак телесной немощи. Обвиняемую становится жалко.

Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась...

Вообразите на секунду, сколь проникновенно мог бы опытный адвокат преподнести это «позадумалась»! (Попробуй не позадумайся: кусочек-то — махонький...) Кое-кто из публики уже пригорюнился.

И тут следует резкое, как хлыст:

А сыр — во рту держала.

(Господа присяжные заседатели, господин судья! Я прошу обратить особое внимание на это обстоятельство. Именно во рту! Будь моя подзащитная более осмотрительна...)

О сомнительном происхождении сыра давно забыто. Все зачарованно слушают адвоката...

Итак, почва подготовлена, можно сеять. Можно даже ограничиться простым пересказом инцидента, сухо бросив напоследок:

Сыр выпал. С ним была плутовка такова.

Присяжные в задумчивости удаляются на совещание. Отсутствуют они недолго, и решение их единогласно. Ворону освобождают из-под стражи прямо в зале суда, а против Лисицы возбуждается уголовное дело.

2004

МАНИФЕСТ ПАРТИИ НАЦИОНАЛ-ЛИНГВИСТОВ

*Нет, господа! России предстоит,
Соединив прошедшее с грядущим,
Создать, коль смею выразиться, вид,
Который называется присущим
Всем временам; и, став на свой гранит,
Имущим, так сказать, и неимущим
Открыть родник взаимного труда.
Надеюсь, вам понятно, господа?*

Граф Алексей Константинович Толстой

1. Коренное отличие партии национал-лингвистов от всех остальных партий заключается в том, что она не намерена проводить в жизнь никаких конкретных политических или экономических программ. Построение какого-либо общества в условиях России — дело глубоко безнадежное, и наша история служит неопровержимым тому свидетельством. В свое время мы, как явствует из трудов Сергея Михайловича Соловьева, не смогли достроить феодализм; попытки построения капитализма кончились Октябрьской революцией; крах строительства коммунизма произошел на наших глазах. Историки утверждают также, что Древняя Русь каким-то образом миновала рабовладельческий период, из чего мы имеем право вывести заключение, что и эта формация была нами просто-напросто недостроена. Чем окончится вновь начатое построение капитализма, догадаться несложно.

2. Поэтому задачу свою партия национал-лингвистов видит в создании условий, при которых в России можно будет хоть что-нибудь ДОСТРОИТЬ ДО КОНЦА, осуществив таким образом давнюю мечту Федора Михайловича Достоевского.

3. Для этого необходимо выяснить, что же мешало нашим предкам (а впоследствии и нам самим) учесть ошибки прошлого и вместо бесконечных разрушительных перестроек завершить строительство хоть какой-нибудь общественной, пусть плохонькой, но формации. Ссылки на трудное географическое положение и непомерные размеры государства неубедительны. Так, попытки построения феодализма одинаково безуспешно предпринимались и в Днепровских степях, и в лесах Ростово-Суздальского княжества. Что же касается необъятных просторов родной страны, то было время, когда Московская Русь съезживалась на века до размеров нынешней области. Поэтому не стоит кивать на географию. Истинную причину партия национал-лингвистов видит только в одном — в нашем русском менталитете.

4. Мысль Владимира Ивановича Даля о том, что национальность человека определяется языком, на котором этот человек думает, партия национал-лингвистов полагает краеугольным камнем своей платформы. Для удобства расчетов партия ставит знак равенства между русским языком и русским менталитетом.

5. Проиллюстрируем это положение следующим примером. Изучая английский, мы сталкиваемся с модальными глаголами. В русском же мы имеем дело с модальными словами («должен», «рад», «готов», «обязан»). Вполне естественно, что русскому человеку свойственно долги не возвращать, поскольку слово «должен» глаголом не является и, стало быть, действия не подразумевает.

6. Великая нация пишет на стенах. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть хотя бы в американс-

кую подземку. Стены Восточной Европы неопровержимо свидетельствуют, что русские — это именно великая нация. По мнению национал-лингвистов, все города, исписанные преимущественно русскими словами, должны (см. предыдущий раздел) принадлежать России.

7. Русский язык есть единственно достоверный источник сведений о нашем прошлом. Национал-лингвисту не нужно прорываться к закрытым архивам и ворошить груды статистических данных (которые, кстати, весьма легко подделать). К примеру, чтобы выяснить, на чьей стороне выступала основная масса казачества в гражданской войне 1918—1920 годов, достаточно вспомнить, что «белоказак» пишется слитно, а «красный казак» — раздельно. Попробуйте произнести «красноказак», и вы почувствуете сами, насколько это противно артикуляции.

8. Русский язык есть единственно достоверный источник сведений о нашем настоящем. Если национал-лингвист замечает, что первое склонение существительных вновь обрело в устной речи звательный падеж, он (национал-лингвист) обязан сделать из этого выводы о повышенном внимании к существительным женского рода («Мам!», «Теть!», «Маш!») или же хотя бы косящим под женский род («Дядь!», «Борь!», «Саш!»).

9. Русский язык есть единственно достоверный источник сведений о нашем будущем. Подслушав в уличном разговоре слова «Пошли к Витьку!» и ответ «А вот до хрена там!» (в значении — «Не пойду!»), национал-лингвист не должен возмущаться неправильностью или нелогичностью формулировки. Не исключено, что это логика завтрашнего дня.

10. Бороться с языком (или, скажем, за чистоту языка) бесполезно. Приблизительно в 1965 году была объявлена беспощадная война выражению «Кто крайний?». Были подключены пресса, радио, телевидение, школа.

Тщетно. «Кто крайний?» играючи вытеснило из очереди рекомендованную форму «Кто последний?» вопреки возмущениям педагогов и насмешкам сатириков. Создается впечатление, что язык сам выбирает пути развития и становится на его дороге просто неразумно.

11. Мысля на современном русском языке, нам никогда ничего не достроить, поскольку русские глаголы совершенного вида в настоящем времени употреблены быть не могут. В настоящем времени можно лишь ДЕЛАТЬ что-то (несовершенный вид). СДЕЛАТЬ (совершенный) можно лишь в прошедшем и в будущем временах. Однако будущее никогда не наступит в силу того, что оно будущее, а о прошедшем речь пойдет ниже.

Возьмем для сравнения тот же английский. Четыре формы настоящего времени глагола. И среди них НАСТОЯЩЕЕ СОВЕРШЕННОЕ. Будь мы англоязычны, мы бы давно уже что-нибудь построили.

12. Мысля на современном русском языке, нам никогда не учесть ошибок прошлого, потому что русские глаголы прошедшего времени — это даже и не глаголы вовсе. Это бывшие краткие страдательные причастия. Они обозначали не действие, а качество. Они не спрягаются, но подобно именам изменяются по родам («я отпал», «я отпала», «я отпало»). Хорошо хоть не склоняются — и на том спасибо! Иными словами, прошлое для нас не процесс, а скорее картина, которую весьма легко сменить. Только что оно было беспросветно-мрачным, и вдруг — глядь, а оно уже лучезарно-светлое! Или наоборот.

13. Русский менталитет возник во всей своей полноте вместе с современным русским языком, что совершенно естественно (см. раздел 4). Наши предки, мысля на древнерусском, представляли (в отличие от нас!) свое прошлое именно процессом, причем весьма сложным, поскольку древнерусский язык (в отличие от современного) имел четыре формы прошедшего времени глаго-

ла. Не вдаваясь в подробности, приведем пример. Такой простенький древнерусский оборот, как «писали бяхомъ», на современный русский приходится переводить следующей громоздкой конструкцией: «мы, мужчины, в количестве не менее трех человек, перед тем, как натворить ещё что-то в прошлом, — писали».

14. Установить точную дату возникновения современного русского языка (а стало быть, и русского менталитета) дело весьма сложное. Ограничимся осторожным утверждением, что это произошло где-то между грозным царем и крутым протопопом. Именно тогда наш язык (а стало быть, и мышление) упрощается до предела. Мы теряем добрую половину склонений и все формы прошедшего времени, довольствуясь жалкими отрывками перфекта, которые, как было сказано выше (см. раздел 12), и глаголами-то не являлись. Любопытно, что именно с этого момента русская история обретает странную цикличность: каждая первая четверть века знаменуется гражданской войной и вторжением интервентов. Объяснить эту странность партия пока не берется. Заметим лишь, что единственное исключение (XIX век) ничего не опровергает, поскольку в данном случае вторжение (1812) и попытка гражданской войны (1825) просто не совпали по фазе.

15. Кстати, о гражданских и прочих войнах. Замечено, что в русском языке пропасть между витиевато сложной литературной речью и предельно упрощенной речью нелитературной особенно глубока. Думается, что именно в этом кроется одна из причин зверства отечественной цензуры, которая, заметим, всегда в итоге терпела поражение. Скажем, до войн с Наполеоном слово «черт» считалось, безусловно, неприличным и на письме обозначалось точками. А малое время спустя (у того же Николая Васильевича Гоголя, к примеру) оно уже красуется в первоизданном виде без каких бы то ни было

точек. Подобных примеров можно привести множество, и изобилие их наводит на мысль, что ненормативная лексика (как и вся устная речь вообще) прокладывает себе дорогу с помощью войн и гражданских смут. Отсюда недалеко до вывода, что всякая революция есть результат напряженности между двумя стилистическими пластами. Иными словами, борясь за чистоту языка, ты приближаешь революцию.

16. Итак, мысля на современном русском, нам не учесть ошибок прошлого и ничего не построить в настоящем. Где же выход? Вновь вернуться к древнерусскому языку с его четырьмя формами прошедшего времени глагола? Во-первых, это нереально, а во-вторых, чревато гражданской смутой (см. предыдущий раздел). Кроме того, мы не иудеи. Только они могли воскресить древнееврейский и сделать его разговорным, а затем и государственным языком. В нашем случае возврат к прошлому ничего не даст. Разрыв между настоящим и будущим временами существовал ещё в древнерусском, что, собственно, и помешало князьям Рюрика рода завершить строительство феодализма в Киевской Руси. И наконец, это была бы попытка плыть против течения, поскольку известно, что язык имеет тенденцию не к усложнению, а к упрощению (см. раздел 14).

17. И все же выход есть. Поскольку именно глагол мешает успешному построению в России чего бы то ни было, его просто-напросто следует упразднить. Поэтому, если партия национал-лингвистов волею случая придет к власти, первым её декретом будет «ДЕКРЕТ ОБ ОТМЕНЕ ГЛАГОЛОВ».

18. Да, но как же без глаголов-то? Какая же это жизнь без глаголов? Ответ: самая что ни на есть нормальная. С какого потолка, интересно, утверждение, что глаголы в нашей повседневности необходимы? Да они в русской речи вообще не нужны. К чему они? Зачем? Какая от них

польза? Да никакой. Без них даже удобнее. И вот вам лучшее тому доказательство: иному ведь и невдомек, что в данном разделе нет ни единого глагола!

19. Да, но как же изящная словесность? «Глаголом жги сердца людей...» Тоже не аргумент. Афанасий Фет, например, вполне мог жечь сердца, не прибегая к глаголам:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья, и т.д.

А если кто не может работать на уровне Фета, то это уже его проблемы.

20. Учение национал-лингвистов всесильно, потому что не противоречит устремлениям русского языка. Он и сам начинает помаленьку освобождаться от глаголов. Так, глагол «быть» (!) уже не употребляется нами в настоящем (!) времени. При письме мы стыдливо ставим на его место тире («Столяров — писатель», «кошка — хищник»), но в устной речи тире не поставишь. Понятия волшебным образом переливаются одно в другое, не требуя глагола-связки. Именно поэтому русский человек гениален.

21. Американец ни за что не додумается развести бензин водой, потому что между словами «бензин» и «вода» у него стоит глагол, мешающий этим понятиям слиться воедино. У нас же между ними даже и тире нету, поскольку мыслим мы все-таки устно, а не письменно. Становится понятно, почему все гениальные изобретения, включая паровоз и велосипед, были сделаны именно в России. Могут возразить: «А почему же тогда все эти изобретения были внедрены не у нас, а за рубежом?» Человеку, задавшему такой вопрос, мы рекомендуем ещё раз внимательно перечитать предыдущие разделы данного «Манифеста».

22. И все же, когда декрет об отмене глаголов вступает в силу, граждане России (интеллигенция, в частности) некоторое время волей-неволей будут ощущать неудобство и некое зияние в устной речи. Поэтому, чтобы обеспечить плавный переход к счастливому безглагольному существованию, партия национал-лингвистов намерена обнародовать и провести в жизнь «ДЕКРЕТ О ЗАМЕНЕ ГЛАГОЛА МЕЖДОМЕТИЕМ».

23. Действительно, междометие несколько не хуже, а подчас даже и лучше глагола выражает исконно русские действия. Вспомним незабвенное блоковское «трах-тарарах-тах-тах-тах-тах!». Мало того, междометие выгодно отличается от глагола емкостью и мгновенностью исполнения («шлеп!», «шелк!», «бултых!» и т. д.). А то, что большинство междометий произошло именно от глаголов, не имеет ровно никакого значения. Дети за родителей не отвечают.

24. Некоторых, возможно, смутит, что многие российские междометия решительно нецензурны. Чего стоят, скажем, одни только речения типа «.....!» и «....!». Думается, однако, что не стоит по этому поводу издавать отдельный декрет. Полная отмена цензуры — единственный пункт, по которому национал-лингвисты полностью согласны с нынешними строителями капитализма.

25. Национал-лингвисты внимательны к своему богатому ошибками прошлому. Самого пристального изучения заслуживает тот факт, что все безглагольные лозунги наших предшественников в большинстве своем выполнялись («Руки прочь от Вьетнама!», «Все — на коммунистический субботник!»). Или хотя бы соответствовали действительности («Партия — наш рулевой»). Стоило затесаться в лозунг хотя бы одному глаголу («Решения такого-то Пленума — выполним!»), как все тут же шло прахом.

26. Могут возразить: а как же глагол «даешь»? Тоже ведь срабатывал безотказно. Но и это, увы, не возражение. Глагол «даешь» в процессе гражданской войны настолько обкатался, что и сам превратился в междометие. Формы «даю» и «дает» уже не имеют к нему никакого отношения. То же касается и самого известного русского глагола, навечно застывшего в одной-единственной форме.

27. Слив таким образом воедино в мышлении россиян прошлое с настоящим, а настоящее с будущим и уничтожив пропасть между нормативной лексикой и лексикой ненормативной, партия национал-лингвистов создаст условия для окончательного построения чего бы то ни было на территории нашей страны.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ!
ЗА НАМИ!

И ПОБЕДА —

1997

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОДДЕЛКИ, ИЛИ ПОДДЕЛКА ОДНОЙ ИСТОРИИ

Вступление

Тот факт, что история всегда пишется задним числом, в доказательствах не нуждается. Прошрое творится настоящим. Чем дальше от нас война, тем больше её участников и, следовательно, свидетельств о ней.

Приведем один из великого множества примеров: выдающийся русский историк С.М. Соловьев утверждал в конце прошлого века, что эстонцам совершенно неизвестно искусство песни. Утверждение, мягко говоря, ошарашивающее. Эстонские хоры славятся ныне повсюду. Остается предположить, что древняя музыкальная культура Эстонии была создана совсем недавно и за короткое время.

Впрочем, пример явно неудачный, поскольку само существование выдающегося историка С.М. Соловьева вызывает сильные сомнения, и очередное переиздание его сочинений — первый к тому повод.

Немаловажно и другое. Как заметил однажды самородок из Калуги К.Э. Циолковский (личность скорее всего также сфабрикованная), науку продвигают вперед не маститые ученые, а полуграмотные самоучки. С этим трудно не согласиться. Действительно, давно известно, что забвение какой-либо научной дисциплины неминуемо ведет к выдающимся открытиям в этой области. Скажем, П.П. Глобе для того, чтобы обнаружить

незримую планету Приап, достаточно было пренебречь астрономией.

Итак, имея все необходимые для этого данные, попробуем и мы предположить или хотя бы заподозрить, в какой именно период времени была создана задним числом наша великая история.

1. Как это делается

Вымысел, именуемый историей, принято считать истиной лишь в тех случаях, когда он находит отзвук в сердце народном. И какая нам, в сущности, разница, что в момент утопления княжны в Волге Стенька Разин, согласно свидетельствам современников, зимовал на реке Урал! Какая нам разница, что Вещий Олег вряд ли додумался наступить на череп коня босиком!

Всякое историческое событие состоит из лишнего смысла ядра и нескольких смысловых оболочек. Собственно ядро (то есть само событие) и не должно иметь смысла, иначе отклика в сердцах просто не возникнет. Смысловые же оболочки призваны привнести в очевидную несуразицу легкий оттенок причинности и предназначены в основном для маловеров.

Возьмем в качестве примера подвиг Ивана Сусанина. Несомненно, что безымянные авторы, стараясь придать событию напряженность и драматизм, сознательно действовали в ущерб достоверности. Они прекрасно понимали, что критически настроенный обыватель в любом случае задаст вопрос: а как вообще стало известно об этом подвиге, если из леса никто не вышел? Поэтому вокруг ядра была сформирована оболочка в виде жаркой полемики между двумя вымышленными лица-

ми (выдающимися русскими историками С.М. Соловьевым и Н.И. Костомаровым), призванная надежно заморочить головы усомнившимся.

Н.И. Костомаров, решительно отрицая саму возможность подвига, указывал, что зять Сусанина Богдан Собинин попросил вознаграждения за смерть тестя лишь через семь лет после оной и даже не мог точно указать, где именно совершилось злодеяние. Понятно, что, ознакомившись с такими аргументами, критикан-обыватель начинал чувствовать себя полным дураком, терял уверенность и становился легкой добычей С.М. Соловьева, который блистательно опровергал по всем позициям Н.И. Костомарова, хотя и признавал, что никаких поляков в тот период в Костромском уезде не было и быть не могло.

Любая попытка придать видимость смысла самому событию обречена на провал в принципе. Так, по первоначальному замыслу авторов данного подвига, предполагалось, что Сусанин поведет поляков на Москву, но в процессе работы обнаружилась неувязка, ибо поляки, согласно сюжету, дорогу на Москву уже и сами знали. Пришлось срочно менять маршрут и вести врагов в менее известную им Кострому, предварительно поместив туда в качестве весьма сомнительной приманки ещё не избранного в цари Михаила Романова. В итоге все эти ненужные сложности отклика в народном сердце так и не нашли. Большинство нашего поэтически настроенного населения по-прежнему предпочитает, вопреки учебникам, именно московский вариант — как наиболее эффектный.

По данному принципу построены все события русской истории без исключения, и это наводит на мысль, что изготовлены они одним и тем же коллективом авторов.

2. Предшественники

Мысль о том, что отраженное в документах прошлое не имеет отношения к происходившему в действительности, не нова. Многие исследователи в разное время делились с публикой сомнениями относительно реальности того или иного исторического лица. Чаще всего споры возникали вокруг представителей изящной словесности, и чем гениальнее был объект исследования, тем больше по его поводу возникало сомнений. Гомер, Шекспир, Вийон — список можно продолжить.

В отдельных случаях сомнения перерастали в уверенность. Например, очевидна подделка некоторых трудов И.С. Баркова (и, в какой-то степени, самой личности автора: неизвестные мистификаторы не смогли даже договориться, Семенович он или же Степанович). Скандальная поэма «Лука Мудишев» выполнена талантливо, но ужасающе небрежно: выдержана в стиле начала прошлого столетия, в то время как Барков, по легенде, жил в середине позапрошлого. Поневоле пришлось объявить создателя поэмы лже-Барковым, что, конечно же, вполне справедливо.

Вообще все литературные мистификации делятся на частично раскрытые («Слово о полку Игореве», Оссиан, «Гузла», «Повести Белкина», Черубина де Габриак) и нераскрытые вовсе (примеров — бесчисленное множество). Что значит «частично раскрытые»? Только то, что исследователи, усомнившись в подлинности данных произведений и авторов, являются частью смысловой оболочки, т.е. тоже суть чей-то вымысел. Поэтому вопрос Понтия Пилата «Что есть истина?» — отнюдь не кажется нам головоломным. Истина в данном случае — то, что не удалось скрыть.

Поначалу сомнения касались лишь отдельных исторических лиц. Первым ученым, заподозрившим, что сфальсифицирована вся история в целом, был революционер Н.А. Морозов, член исполкома «Народной

воли», участник покушений на Александра II, просидевший свыше двадцати лет в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, впоследствии — почетный член АН СССР. Биография выдержана, как видим, в героических, чтобы не сказать — приключенческих тонах, что также наводит на определенные подозрения.

Но Н.А. Морозов (независимо от того, существовал ли он на самом деле) усомнился далеко не во всей, а лишь в древней истории, объявив, например, Элладу позднейшей подделкой рыцарей-крестоносцев, которые якобы добыли мрамор, возвели Акрополь и т.д.

Нынешние последователи великого шлиссельбуржца недалеко ушли от своего легендарного учителя. Все они по-прежнему в один голос утверждают, что историю можно считать достоверной лишь с момента возникновения книгопечатания. Раньше, мол, каждый писал что хотел, а печатный станок с этим произволом покончил. То есть, по их мнению, растиражированное вранье перестает быть таковым и автоматически становится истиной. Утверждение, прямо скажем, сомнительное. Именно с помощью печатного станка можно подделать все на свете, в том числе и дату его изобретения. Беспощадно расправляясь с историей Древнего мира, морозовцы по непонятным причинам современную историю — шадят. То ли им не хватает логики, то ли отваги.

3. Методы

Сразу оговоримся: мы не собираемся опровергать Н.А. Морозова — напротив, мы намерены творчески развивать учение мифического узника двух крепостей.

Излюбленный прием ученых морозовского толка — сличение генеалогий и биографий. Если два жизнеописания

сания совпадают по нескольким пунктам, то, стало быть, это одна и та же биография, только сдвинутая по временной шкале на несколько десятилетий, а то и веков.

Попробуем же применить этот метод, распространив его на историю новую и новейшую.

Среди любителей мистики и всяческой эзотерики пользуется популярностью следующая хронологическая таблица, полная умышленных неточностей и наверняка знакомая читателю:

Наполеон родился в 1760 г.

Гитлер родился в 1889 г.

Разница — 129 лет.

Наполеон пришел к власти в 1804 г.

Гитлер пришел к власти в 1933 г.

Разница — 129 лет.

Наполеон напал на Россию в 1812 г.

Гитлер напал на Россию в 1941 г.

Разница — 129 лет.

Наполеон проиграл войну в 1916 г.

Гитлер проиграл войну в 1945 г.

Разница — 129 лет.

Оба пришли к власти в 44 года. Оба напали на Россию в 52 года. Оба проиграли войну в 56 лет.

Даже если забыть о том, что год рождения Наполеона указан неверно (о более мелких подтасовках умолчим), таблица все равно производит сильное впечатление. Мало того, она неопровержимо свидетельствует, что биография Наполеона — это биография Гитлера, сдвинутая в прошлое на 129 лет. Иными словами, образ Наполеона Бонапарта — это облагороженный и романтизированный образ Адольфа Гитлера.

Далее. Если мы сравним действия обоих завоевателей на территории России, то неизбежно придем к выводу, что кампания 1812 года — не что иное, как усеченный вариант Великой Отечественной войны.

И это ещё не все. Исследуя Петровскую эпоху, историки отмечают, что поход Карла XII на Россию предвосхищает в подробностях вторжение Бонапарта. Да и немудрено, особенно если учесть, что Карл XII был столь же бесцеремонно списан с Наполеона, как Наполеон — с Гитлера!

Итак, мы почти уже нащупали первую интересующую нас дату. События войны 1812 года не могли быть зафиксированы раньше начала Великой Отечественной, поскольку их просто не с чего было списывать.

4. За что воюем

Грандиозные завоевания, якобы происходившие в давнем прошлом, порождены разнузданным поэтическим воображением, и поэтому рассматривать их мы не будем. Обратимся к недавним и современным войнам, отметив одну характерную особенность: и страна-победительница, и страна, потерпевшая поражение, в итоге всегда сохраняют довоенные очертания. Правда, иногда для вящего правдоподобия победитель делает вид, будто аннексирует часть земли, якобы захваченную противником во время прошлой войны (наверняка вымышленной). На самом деле аннексируемые земли и раньше принадлежали победителю.

Как это все объяснить? Да очень просто. Суть в том, что войны ведутся вовсе не за передел территории, как принято думать, а за передел истории. Франции, например, пришлось выдержать тяжелейшую войну и оккупацию, прежде чем Германия согласилась признать Наполеона историческим лицом. И то лишь в обмен на Бисмарка.

В Европе принято, что любая уважающая себя страна должна иметь славное прошлое. Но, начиная его со-

здавать, запоздало спохватившееся государство сталкивается с противодействием соседей, в историю которых оно неминуемо при этом вторгается. Вполне вероятно, Великой Отечественной войны удалось бы избежать, не объяви мы во всеуслышание, будто русские войска во время царствования Елизаветы Петровны не только захватили Пруссию, но ещё и взяли Берлин. Само собой разумеется, что такого оскорбления гитлеровская Германия просто не могла снести.

Сами масштабы Великой Отечественной войны подсказывают, что велась она не за отдельные исторические события, но за всю нашу историю в целом. То есть мы уже вплотную подошли к ответу на поставленный нами вопрос. История государства Российского, начиная с Рюрика, была создана (в общих чертах) непосредственно перед Великой Отечественной и явилась её причиной. Доработка и уточнение исторических событий продолжались во время войны, а также в первые послевоенные годы.

5. Авторы и исполнители

Не беремся точно указать дату возникновения грандиозного замысла, но дата приступа к делу — очевидна. Это 1937 год. Начало сталинских репрессий. Проводились они, как известно, под предлогом усиления классовой борьбы, истинной же подоплекой принято считать сложности экономического характера. С помощью калькулятора нетрудно, однако, убедиться, что количество репрессированных значительно превышало нужды народного хозяйства.

Где же использовался этот огромный избыток рабочих рук и умных голов? Большею частью на строительстве исторических памятников. Именно тогда, перед

войной, были возведены непревзойденные шедевры древнерусского зодчества, призванные доказать превосходство наших предков перед народами Европы, созданы многочисленные свитки летописей, разработана генеалогия Великих Князей Московских и трехсотлетняя история дома Романовых.

Конечно, не обходилось и без накладок. Далеко не все репрессированные работали добросовестно. Кое-какие из храмов даже пришлось взорвать — якобы по идеологическим причинам. В исторические документы вкрадывались досадные неточности, часто допущенные умышленно. Иногда составители документов опасно развлекались, изобретая забавные имена правителям и героям. Академик Фоменко совершенно справедливо заметил, что Батый — это искаженное «батя», то есть «отец». Странно, но вторая столь же неприятная шутка безымянного ЗК-летописца ускользнула от внимания академика. Батый и Мамай — это ведь явная супружеская пара!

Но, несмотря на все эти промахи, несмотря на неряшливый стиль произведений Достоевского и графа Толстого, созданных второпях коллективом авторов, на явную несостыкованность некоторых исторических событий, работа была проделана громадная. Ценой невероятных лишений и бесчисленных жертв наш народ не только сотворил историю, но и отстоял её затем в жестокой войне, хотя многие солдаты даже не подозревали, что они защищают скорее свое прошлое, нежели настоящее и будущее.

Теперь становится понятно, почему Сталина, за личность которого тоже, кстати, стояла целая группа авторов, называли гением всех времен и народов. Известно, что после войны планировалась очередная волна репрессий, и, если бы не распад головной творческой группы (1953 г.), наша история наверняка стала бы ещё более древней и величественной.

Заключение

Данная работа не претендует на полноту изложения, она лишь скромно указывает возможное направление исследований.

Предвидим два недоуменных вопроса и отвечаем на них заранее.

Первый: каким образом некоторым откровенно незначительным в политическом отношении странам (Македонии или, скажем, Греции) удалось отхватить столь роскошный послужной список? Ответ очевиден: конечно, на историю Древнего мира точили зубы многие ведущие государства Европы. Но, будучи не в силах присвоить её военным путем, они пришли к обычному в таких случаях компромиссу: не мне — значит, никому. Было решено отдать древнее прошлое, образно выражаясь, в пользу нищих (греков, евреев, египтян и пр.). Греки приняли подарок с полным равнодушием, а вот евреи имели глупость отнестись к нему всерьез и возомнили себя богоизбранным народом, за что пользуются заслуженной неприязнью во всех странах, дорого заплативших за славу своих предков.

И второй вопрос: если главная движущая сила политики — стремление к переделу прошлого, то чем был вызван распад Советского Союза? Исключительно желанием малых народностей переписать историю по-своему, чем они, собственно, теперь и занимаются. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно пролистать школьный учебник, изданный недавно, ну, хотя бы в Кишиневе.

Многие, возможно, ужаснутся, осознав, что наше прошлое целиком и полностью фальсифицировано. Честно сказать, повода для ужаса мы здесь не видим. Уж если ужасаться чему-нибудь, то скорее тому, что фальсифицировано наше настоящее.

1999

ТИПА НЕОПРЕДЕЛЁННЫЙ АРТИКЛЬ

Заметки национал-лингвиста

Иногда грамматике надоедает упрощаться, и тогда она отчиняет что-нибудь этакое, на первый взгляд не вписывающееся ни в одни ворота. Согласитесь, что артикль, т.е. служебное слово, прилагаемое к существительному и придающее ему значение определенности или неопределенности, в русском языке явление неслыханное. Скажи мне кто-нибудь лет десять назад, что такое возможно, я бы поднял его на смех. И тем не менее волей-неволей приходится признать присутствие в современной устной речи стремительно формирующегося неопределенного артикля.

Любители анекдотов, конечно, решат, что в виду имеется общеизвестное мелодичное словцо из ненормативной лексики, — и ошибутся. Вопреки фольклору данное слово никак не может претендовать на роль артикля. Во-первых, оно не прилагается к какому-либо конкретному существительному, а во-вторых, не привносит оттенка определенности или неопределенности.

Зато несправедливо объявленное паразитом словечко «типа» вполне удовлетворяет вышеперечисленным требованиям, и, как мы вскоре убедимся, не только им.

Обратите внимание, сколь естественно сочетается оно с именами, придавая им очаровательную размытость:

И. типа друг.

Р. типа друга.

Д. типа другу.

В. типа друга.

Т. типа другом.

П. типа о друге.

Очернители западного толка наверняка попытаются объяснить этот феномен заокеанским влиянием. Естественно, что главным их козырем будет наличие в английском артиклей, а также иноязычное происхождение слова «тип». Да, оно не относится к исконной лексике, что огорчает меня как патриота. Как патриот я бы, конечно, предпочел, чтобы артиклем стало какое-нибудь чисто русское слово («вроде», «якобы», «как бы»). Однако языку видней — и в выборе средств мы ему не указчики.

Предвижу, что в ходе предстоящей полемики мои оппоненты прибегнут к умышленному неразличению существительного «тип» и артикля «типа». Однако отличие их друг от друга очевидно. Промежуточная форма (существительное «тип» в родительном падеже) в сочетании с другими именами требует управления («типа корабля»). Но это ещё не артикль. Настоящий артикль начинается там, где управление перестает действовать («типа корабль»).

Добавим, что ни в одном языке, кроме русского, слово «тип» не играло роль служебного. Замечательно и то, что, присоединяясь к существительному, оно не просто придает ему значение неопределенности, но как бы ставит под сомнение в целом, что совершенно не свойственно иноязычным артиклям. Исходя из этого, можно смело утверждать, что служебное слово «типа» есть чисто отечественное явление, возникшее на русской почве и напрямую связанное с крахом тоталитарного режима.

Начнем с того, что советскому человеку сомнения вообще не были свойственны. Каждое слово стремилось к единственно возможному, идеологически выверенному смыслу.

Вот прекрасный образец фразы советского периода: «Человек произошел от обезьяны». Постсоветский индивидуум так ни за что не выразится. Он скажет: «Человек произошел типа от обезьяны». То есть говорящий уже и сам не уверен: а точно ли от обезьяны. Может быть, все-таки «типа Бог сотворил»?

Иными словами, крушение материалистического мировоззрения нашло отражение в грамматике, хотя и не было, на мой взгляд, главной причиной возникновения артикля. Главная причина, как ни странно, чисто финансовая. С приходом в сферу экономики утюга и паяльника значительно возросла ответственность за каждое произнесенное слово. Сравним два предложения: «Я твой должник...» — и «Я твой типа должник...» За первую фразу приходится отвечать. За вторую — типа отвечать.

Следует заметить, что неопределенный артикль «типа» по многим характеристикам превосходит лучшие зарубежные образцы. Он, правда, не склоняется подобно артиклям древне- и среднегреческого языков, не изменяется по родам и числам, как немецкие артикли, зато он может быть распространенным. Например: «типа того, что как бы». («Ну, он типа того, что как бы лингвист».)

Пока я вижу лишь одно действительно серьезное возражение: неопределенный артикль «типа» может прилагаться не только к существительным, но также к иным именам («типа деловой»), к местоимениям («типа у нее») и даже к глаголам («типа есть»). Строго говоря, артиклям это несвойственно. Во всяком случае, в мировой практике ничего подобного до сей поры не наблюдалось. Хотя, с другой стороны, у них вон и бензин с водой не смешивается — так что ж теперь!

Данное затруднение, как мне кажется, можно разрешить двумя способами. Первый: признать за артик-

лями право прилагаться не только к существительным, но и к другим частям речи, включая глагол (тем более что глаголы в русском языке все равно обречены, и исчезновение их — лишь вопрос времени). Однако языковеды по косности своей вряд ли отважатся на коренную ломку традиционных, слагавшихся веками представлений. Поэтому более реальным мне видится второй выход: объявить слово «типа» принципиально новой служебной частью речи.

Это — не просто неопределенный артикль, это — типа неопределенный артикль.

2000

В ЗАЩИТУ ЛОГИКИ

Заметки национал-лингвиста

Памяти Зенона из Элеи

1

В пятом веке до Рождества Христова философ Зенон Элейский предложил вниманию древнегреческой общественности несколько апорий (логических затруднений), из коих следовало, что движение теоретически невозможно. За истекшие с тех пор два с половиной тысячелетия лучшими умами человечества было предпринято бесчисленное количество попыток прекратить издевательство над людьми и выявить неправильность построений Зенона. С одной задачей удалось справиться довольно быстро. Осталось четыре.

Думаю, не будет ошибкой сказать, что апории пробовав опровергнуть каждый узнавший об их существовании. Счастливым исключением являются люди, напроць лишённые способности к логическому мышлению: отмахнутся и забудут. Прочим — хуже. Простота и наглядность «Ахиллеса и черепахи» временами доводит их до исступления. Мало того что апории оскорбляют человеческое достоинство — они распространяются подобно компьютерному вирусу. Бедолага, обиженный черепахой, обязательно предложит эту головоломку друзьям, а то, согласитесь, как-то неловко получается.

Апории Зенона изложимы на любом человеческом языке. Наречия, в котором античный герой догнал бы

и перегнал рептилию, судя по всему, пока ещё не обнаружено. Данную задачу можно легко растолковать на пальцах — настолько она проста.

В Интернете апориям посвящены целые сайты и форумы! Опроверяют с пеной у рта. До сих пор. Физически, релятивистски, с формулами, с математическими выкладками, напрочь забывая о том, что, коль скоро аргументы Зенона понятны четырёхлетнему ребёнку, то и опровержение их должно быть столь же внятно и членораздельно.

Сам, знаете, грешен. По молодости лет пытался догнать черепаху всерьёз, потом стал над собой подтрунивать. Но и над Зеноном тоже. Скажем, так:

«Допустим, что за пятнадцать минут Ахиллесова бега черепаха проползает всего одну минуту времени...»

«Пока Ахиллес достигнет точки, в которой находилась черепаха, время успеет настичь его бесчисленное множество раз».

«На самом деле Ахиллес гонится не за черепахой, а за упущенным временем».

В последней фразе ирония плавно перетекает в истерику, не находите?

2

Но и лучшие умы человечества тоже, знаете ли, хо-роши!

Возражения Аристотеля кратки и небрежны. Брезгливы, как показалось Борхесу. Менее склонный к трепету перед авторитетом Пьер Бейль высказывался куда жёстче: «Ответ Аристотеля жалок: он говорит, что фут материи бесконечен лишь потенциально...» Действительно, такое впечатление, будто Стагирит просто-напросто отмахнул-

ся от проблемы. Его спросили, догонит ли Ахиллес черепаху, а он принялся растолковывать, почему нельзя шинковать отрезок до бесконечности. Обычная адвокатская увёртка — ответ не по существу вопроса. Иначе, сами понимаете, пришлось бы ухлопать на опровержение апорий всю жизнь, так ничего в итоге и не опровергнув.

Что касается возражений, выходящих за рамки логики, то их и возражениями-то назвать трудно. Так, знаменитый променад Диогена перед одним из учеников Зенона был явно избыточен, поскольку противник киника, отстаивая невозможность движения, и сам наверняка открывал рот, шевелил языком, даже, возможно, жестикулировал.

Как тут не вспомнить знаменитую в своё время пародию Дмитрия Минаева на барона Розенгейма, не иначе навеянную пушкинским «Движением»:

Если в жизни застой обличитель найдёт,
Ты на месте минуты не стой,
Но пройди по комнате взад и вперёд
И спроси его: где же застой?

Я, кстати, не убеждён в том, что сам Зенон, как пишет о нём тот же Пьер Бейль, «горячо выступал против существования движения». Прежде всего в этом заставляет усомниться бурная биография философа. Пытаться свергнуть тирана, выдержать пытку, прикинуться, будто согласен сообщить по секрету имена сообщников, в результате откусить узурпатору ухо — и всё это как бы пребывая в неподвижности? Конечно, теория часто расходится с практикой, но не до такой же степени! Кроме того, по свидетельству античного автора, Зенон учил, что «природа всего сущего произошла из тёплого, холодного, сухого и влажного, превращающихся друг в друга». Недвижное превращение? Тоже, знаете ли, неувязочка...

Ах если бы он и впрямь всего-навсего утверждал, что движения нет! К сожалению, Зенон Элеат доказал кое-что похуже: логика и здравый смысл — несовместимы. Наш главный инструмент познания, которым мы так гордимся, ни к чёрту не годен. Или, может быть, годен, но для другого мироздания.

Мышленья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой не понял — стал пред ним ходить.*

Две с половиной тысячи лет истекло, а Ахиллес всё никак не догонит черепаху...

Если враг не сдаётся и не уничтожается, к нему начинают подлизываться. И вот уже читаем в словаре следующий комплимент: «обнаруживающие необъяснимую для того времени диалектическую противоречивость движения». Это про них — про апории Зенона.

Даже Владимир Ильич Ленин — при его-то вере в мощь человеческого разума — вынужден был признать: «Вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий».

Действительно, как?

Громоздят философы термин на термин, один другого краше да заумнее, а Ахиллес всё бежит, бежит...

3

Бранить философию легко и приятно. Всё равно что бранить интеллигенцию — никто не вступится. Даже обороняться не станет, поскольку это, согласитесь, не комиль-

* У Пушкина: «Движенья нет, сказал мудрец брадатый. / Другой смолчал и стал пред ним ходить». — *Примеч. ред.*

фо. С логикой, однако, такой номер не пройдёт. Лица, главным своим достоинством почитающие именно логическое мышление, в уязвлённом состоянии бывают не просто опасны, а весьма опасны. Сталкивался, знаю.

И тем не менее...

В руках у меня учебник логики для юридических вузов. Странное дело: такую относительно простую штуку, как равномерное прямолинейное движение мы (см. выше) в логике понятий выразить не можем, а путаницу человеческой жизни — пожалуйста! Но, с другой стороны, что тут странного? Логику-то как науку основал не кто-нибудь, а именно Аристотель, отмахнувшийся в своё время от неопровергнутых апорий Зенона.

Итак, учебник. С трепетом погружаемся в бездну премудрости. «Всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественна самой себе». Натужно пытаюсь представить обратное. Тем не менее, если верить составителям, с помощью совокупности подобных приколов можно восстановить истинную картину происшествия и вычислить виновного.

Хотелось бы верить...

Если не ошибаюсь, Марк Твен первый высказал догадку, что все преступления, раскрытые Шерлоком Холмсом, были подстроены заранее самим великим сыщиком. Ладно, коли так. А ну как прав Антон Павлович Чехов, автор лучшего, в моём понимании, детектива всех времён и народов — рассказа «Шведская спичка»! Его вариант куда мрачнее и жизненнее: с помощью чистой дедукции двух подозреваемых прижали к стенке и уличили в убийстве, которого не было.

Дедуктивный метод требует жертв. Так что не стоит удивляться признанию американских юристов, будто в тюрьмах США содержится как минимум одиннадцать процентов совершенно невинных людей. Как минимум... Звучит пикантно. Сколько ж их сидит по максимуму?

«Лучшие русские юристы, — с уважением сообщает тот же учебник, — отличались не только глубоким знанием всех обстоятельств дела и яркостью речей, но и строгой логичностью в изложении и анализе материала, неопровержимой аргументацией выводов». Святые слова. Как тут не вспомнить нашумевший процесс Мироновича, когда три лучших русских юриста (Андреевский, Карабчевский, Урусов) неопровержимо аргументировали три взаимоисключающих вывода.

Мудры были наши пращуры, заставляя обвиняемого и обвинителя (или их доверенных лиц) сходиться в поединке: кто победил, тот и прав. Процент несправедливо осуждённых останется приблизительно прежним, зато сколько времени сэкономишь!

4

Я бы рискнул определить Аристотелеву логику (в отличие от честной Зеноновой) как искусство примирения теории с практикой задним числом. Историческое событие или отдельное человеческое деяние сами по себе абсолютно бессмысленны. Логическую выстроенность они обретают только в словесном изложении. Вот и учебник местами проговаривается: «Выявить и исследовать логические структуры можно лишь путём анализа языковых выражений».

Кстати о языковых выражениях: сколько лет живу на свете, а с простым категорическим силлогизмом, не отягощённым учетверением терминов, в живой устной речи ещё не сталкивался ни разу. Вдобавок создаётся впечатление, что, чем в меньшей степени речь поражена правилами логики, тем убедительнее она звучит.

— Давай (следует любое предложение)!

— Зачем?

— А просто!

И, как показывает практика, этот последний довод обычно бывает неотразим. Начнёшь обосновывать — всё испортишь.

Мало того, злоупотребляя умозаключениями, рискуешь оказаться вне коммуникации. Приведу навскидку два примера.

Первый. Работая выпускающим областной газеты, я заподозрил однажды, что сменная мастерица наборного цеха воспринимает не столько смысл того, что я ей безуспешно пытаюсь втолковывать, сколько интонацию, с которой всё это произносится.

Решил проверить. Подошёл с отрешённым лицом, понизив голос, спросил:

— Люда, а ты знаешь, что угол падения равен углу отражения?

Вы не поверите, но она побледнела, всплеснула руками:

— Да ты чо-о?!

Через секунду сообразила — и сконфуженно засмеялась.

Другой случай: в каком-то застолье проникся ко мне уважением некий тинейджер колоссальных размеров. Подсел, завёл беседу. Слушаю — и ничего не понимаю. Слова все знакомые, а мысль уловить не могу. Нету её. Нетути.

Так оно впоследствии и оказалось. Какая там мысль! Титанический мальчуган всего-навсего старался употребить как можно больше «умных» слов, с тем чтобы я проникся к нему ответным уважением. Видимо, имела место попытка освоить язык иного социального статуса.

Не везёт с собеседниками, говорите? Тогда послушайте, что сообщает Президент Международного общества прикладной психолингвистики Татьяна Слама-Казаку (Бухарест):

«...упомяну о некоторых высказываниях, лишённых научных оснований, но заставляющих размышлять о себе. Г. Тард (1922) приписывал изобретению слов эгоцентрические основания, считая, что язык создан ради праздной болтовни, или, по мнению О. Есперсена (1925), для выражения чувств, в частности, эротически-любовных; П. Жане (1936) решительно защищал утверждение, что язык изобретён индивидами, способными командовать, и до сих пор служит этой цели; Стуртеван (1947, 1948) считал, что основная функция языка — ложь. Ведущий румынский психолог М. Ралея (1949) высказывал мнение, что основным свойством человеческой психологии, а следовательно, и языка, является «симуляция».

А вы говорите: логика, логика...

5

Есть ещё, правда, Наука (именно так — с прописной), но, обратите внимание, гуманитарные дисциплины, до сих пор использующие логику слова, а не логику формулы, мы за настоящие науки не держим — математики в них маловато. Что же касается точных наук, то не уверен, имеют ли они вообще отношение к человеческому мышлению и не являются ли переходной стадией к мышлению машинному.

Будучи по образованию гуманитарием, я привык относиться к математикам и физикам с паническим уважением. Так же, как к музыкантам. Они для меня вроде пришельцев, иной разум. Тем большую оторопь наводят высказывания учёных мужей, из которых явствует, что и точные науки с логикой, мягко говоря, не ладят.

«Эксперт — это человек, который совершил все возможные ошибки в очень узкой специальности». Нильс Бор.

«Фундаментальные исследования — это то, чем я занимаюсь, когда я понятия не имею о том, чем я занимаюсь». Вернер фон Браун.

«Фундаментальные исследования — примерно то же самое, что пускать стрелу в воздух, и там, где она упадёт, рисовать мишень». Адкинз Хоумер.

Вам не кажется, что во всех приведённых изречениях присутствует нечто от апорий Зенона? Особенно в последнем.

Да и сами логики сплошь и рядом не отказывают себе в удовольствии осмеять своё ремесло. Так, профессор Рэймонд М. Смаллиан с откровенным наслаждением цитирует глумливое определение Тербера, автора не читанного мной романа «Тринадцать часов»: «Поскольку можно прикоснуться к часам, не останавливая их, то можно пустить часы, не прикасаясь к ним. Это — логика, какой я её вижу и понимаю».

Когда рассказывают о каком-либо открытии, речь почему-то всегда идёт только об интуиции. «И гений, парадоксов друг». (Парадокс, напоминаю, не что иное, как формально-логическое противоречие.) Менделеев даже имел мужество признаться, что периодическая таблица элементов есть результат дурного сна.

Серьёзные учёные, как видим, позволяют себе относиться к науке скептически. Здоровый профессиональный цинизм. А вот недоучки, имя которым легион, за одну только осторожно высказанную мысль, что точные дисциплины тоже не слишком-то подвержены логике, могут схватиться за дреколье:

— Ка-ак это не подвержены? А мой компьютер! А мой «шестисотый»!

Они так гордятся прогрессом железяк, что можно подумать, будто это их собственный прогресс.

Подозреваю, однако, что первый каменный топор скорее всего создавался без чертежей, расчётов и логи-

ческих выкладок. Методом тыка. Ныне этот метод усовершенствован и носит имя глубоконаучного тыка. Кроме того, не будем забывать, что техника занимается не столько познанием мира, сколько его покорением. Действительно, зачем познавать, если можно и так покорить? В крайнем случае уничтожить.

Нет мира — нет проблемы.

6

То, что человеческое мышление в логической своей ипостаси чуждо не только вселенной, в которой человек обитает, но и самому человеку, отрицать трудно. Об этом можно только забыть, чем мы, собственно, и занимаемся всю жизнь, пока смерть не придёт и не напомним.

Забавно: мышление наше чуждо даже самому себе. Кромешное самоопровержение, парадокс на парадоксе. «Мысль изречённая есть ложь», — сказал Тютчев, закрутив беличье колесо дурной бесконечности (получается, ложь ты изрёк, Фёдор Иванович, да и я о твоей лжи тоже сейчас солгал).

Вот и Пиррон о том же...

Философия — заведомо неудачная попытка притереть разум к мирозданию. Не притирается.

Читатель, вероятно, уже решил, что дело клонится к очередному декрету национал-лингвистов — на сей раз об отмене формальной логики. Вынужден вас разочаровать: какой смысл отменять то, что мы используем только на экзамене по указанному выше предмету?

Нет, я всего-навсего хотел бы поделиться некой безумной догадкой, снимающей тем не менее все вопросы разом.

Что, если апории Зенона, как, впрочем, и остальные парадоксы логики, имеют нравственную подоплёку?

Судите сами: допустим, догонит Ахиллес черепаху. И что он с ней тогда сделает? Боюсь, ничего хорошего. Моральный облик Пелеева сына достаточно подробно дан в «Илиаде»: надругательство над трупом Гектора, припадки безудержного гнева, пренебрежение интересами Эллады ради личной выгоды, более чем подозрительные отношения с Патроклом... И вот наш разум, цепенея при одной только мысли о дальнейшей судьбе медлительной рептилии, судорожно отодвигает беззащитную зверушку всё дальше и дальше от преследующего её убийцы и извращенца.

Здравый смысл беспощаден. Логика гуманна.

7

Да, но не означает ли это, что логическое мышление является инстинктивным отторжением мира с его жестокими и безнравственными законами? Ни в коей мере! Напротив. Неуклонное следование правилам есть, как известно, неотъемлемое свойство любой логики.

Стало быть, отнюдь не логика, но само мироздание нарушает предписанные ему законы, что и было доказано Зеноном со всей очевидностью ещё в пятом веке до Рождества Христова.

Наша вселенная по сути своей криминальна. В ней царит полный беспредел, освящённый конформистской логикой Аристотеля, чей «Органон» являет собой позорный пакт с преступной окружающей действительностью.

Оглянитесь окрест себя. Разве не то же самое пренебрежение к законам мы наблюдаем сейчас в жизни

социума? «Почему нельзя украсть? — недоумевает нормальный средний россиянин. — Никто же не видит! Могу — значит можно».

Неумышленно или осознанно, но он подменяет деонтическую модальность алетической, превращая тем самым благородный порядок логики в суетливый и алчный хаос здравого смысла.

Вот точно так же и с материей. «Почему нельзя? — спрашивает она себя. — Могу же...»

Возможно, всё дело тут в размерах мироздания: за каждой молекулой не уследишь — и, пользуясь этим, они напропалую учиняют коллективное правонарушение, стыдливо именуемое броуновским движением частиц.

Материи не положено двигаться.

Тем не менее материя движется.

Когда-нибудь она за это ответит.

ВЗГЛЯД СО ВТОРОЙ ПОЛКИ

1

«Терпеть не могу фантастику!» Помнится, в золотые годы застоя произносилось это сплошь и рядом, причём примерно с той же интонацией, что и фраза: «Я порядочная девушка, сударь!»

Не помню, однако, случая, чтобы кто-нибудь столь же решительно высказался о детективе или, допустим, о производственном романе. Вот я пытаюсь изречь со сдержанным негодованием: «Терпеть не могу историческую прозу!» — и, знаете, выходит ненатурально... Ну «не люблю», ну «не нравится»... Но чтобы вдруг с таким пафосом!

Похоже, фантастика в отличие от остальной литературы вызывала и вызывает в рядовом читателе исключительно сильные чувства: не влюбился — стало быть, возненавидел.

Да, но причины, причины?

С тех пор как я перешёл в сословие авторов, собеседники меня шадил. Вроде бы даже извинялись: «Ну, не понимаю я фантастики...» Однако ситуацию это не проясняло ни в малейшей степени. Во-первых, фраза типа «Ну, не понимаю я публицистики...» прозвучала бы так же дико, как и «Терпеть не могу историческую прозу!». А во-вторых, и без того давно уже известно, что именно непонимание является причиной ненависти.

Не устояв перед соблазном бинарного анализа, многие из великих и малых мира сего обожали распределять человечество по двум полкам. И их можно понять: когда третьего не дано, картина мироздания становится умирительно стройной. Колридж, например, заметил, что все люди рождаются последователями либо Аристотеля, либо Платона. Американский логик Смаллиан утверждает, что по образу мышления каждый из нас либо физик, либо математик.

Что ж, сунемся и мы с суконным рылом в калашный ряд. Мне вот тоже мерещится, что всех встреченных мною людей можно распределить по двум полкам. На первой окажутся те, для кого реалии этого мира важны как таковые. На второй же возлягут те, кого более интересуют не столько сами реалии, сколько отношения и связи между ними.

Попробую привести пример. Для первых добро есть добро, зло есть зло — какие ж тут сомнения? А вот вопрос «Почему это добро и зло в определённых ситуациях идут рука об руку и ведут себя совершенно одинаково?» может посетить только человека со второй полки, на которой я, кстати, валяюсь уже не первый год и, что характерно, на тесноту ещё не жаловался ни разу.

2

Полемика между обитателями первой и второй полки невозможна в принципе. Они просто не поймут друг друга. Дело даже не в разной терминологии — мышление разное. В молодые годы это меня, помнится, изрядно озадачивало: битый час, бывало, неистово что-то доказываешь, оба охрипли — и ты, и он, пена уже на губах, а спор — ни с места. Плюнешь наконец и отой-

дѣшь в досаде. Вот ведь какой дурак попался твердолюбой! А он не дурак, он просто с другой полки.

«Распалась связь времён...» Вся прелесть в том, что для обитателей первой полки она никогда и не возникала. Каждое явление представляется им как бы само по себе, и поэтому, чтобы сохранить рассудок в годы перемен, её обитатели обычно прибегают к склерозу. Митрополит напрочь забывает о том, что когда-то был замполитом. А пламенному революционеру лучше не напоминать о тех временах, когда он служил в охранке. Картина, впрочем, дьявольски усложняется тем, что любой из нас в процессе беседы так и норовит перебраться с полки на полку. Смотря о чём зашла речь.

Я уже не говорю о тех случаях, когда человек со второй полки сознательно прикидывается по необходимости обитателем первой. В качестве примера сошлюсь на публичные выступления тех же политиков.

3

Для большинства людей с первой полки в художественном произведении важна прежде всего правда. Иногда они уточняют: жизненная правда. Идеал, разумеется, — документальная проза. Мысль, что документы лгут столь же часто, как и очевидцы, в голову им, естественно, не приходит. Известие о том, что никакой Анны Карениной никогда на свете не было, обитатели первой полки либо воспринимают с откровенным недоверием и стараются забыть при первом удобном случае (склероз!), либо поспешно ставят знак равенства между персонажем и прототипом.

Естественно, что фантастика для них — это вранье и выдумка. Мало того: опасная выдумка, посягающая

на привычный порядок вещей, а стало быть, и на душевное равновесие читателя.

Сказано, однако, что «мысль изречённая есть ложь». Так вот с этой точки зрения фантастика куда честнее реализма. Самим названием своим она заранее предупреждает, что речь пойдёт о событиях вымышленных. Реализм же, уверяя, будто всё изложенное автором — святая правда, лжёт дважды.

Хотя, знаете, есть одно такое приворотное зелье, с помощью которого можно в два счёта присушить обитателя первой полки к нелюбимой им фантастике. Нужно объявить, что предложенная вниманию история имела место в действительности. Всего-навсего. Единственное условие: текст должен быть по возможности безлик и бездарен, ибо это, согласно представлениям людей с первой полки, и есть основной признак всякой правды.

4

Грешен — люблю, знаете, потревожить изначальный смысл того или иного слова. Вспомнишь, к примеру, что демагог — это по-гречески народный вождь, и душевная болезнь как-то сразу идёт на убыль...

Так вот, если вспомнить, что реалия по-латыни это всего-навсего вещь, то смысл термина «реализм» проясняется до членораздельности. Вещественность, господа, вещественность. Просто умелое (или неумелое) описание реалий, о которых мы привыкли думать, что они и впрямь существуют.

Но для обитателя первой полки это-то и является главным. Он проглотит не поперхнувшись любую, даже самую чудовищную ложь, если та будет обильно приправлена вышеупомянутыми реалиями. Он даже спо-

собен поверить в честного сотрудника МВД, уволенного из органов за излишнюю принципиальность и с тех пор ведущего на свой страх и риск бескомпромиссную борьбу с коррупцией и преступностью. И как не поверить! Герой ходит по улицам (названия прилагаются), стреляет в мерзавцев из «Макарова», иногда его даже перезаряжая. Всё как в жизни.

Для реалиста существенно передать, как этот мир выглядит. Фантасту же важно понять, как этот мир устроен.

«Ну да! — возразите вы. — А реалисту разве не важно?»

Бывает, что и важно, но тогда человек с первой полки немедленно начинает ныть, что Достоевский — писатель тяжёлый и мрачный.

5

Было бы неверно думать, что на первой полке собрались одни лишь ярые ненавистники фантастической прозы. Есть среди них (правда, в меньшем количестве) и ярые её сторонники. Люди с первой полки вообще в большинстве своём придерживаются крайних взглядов. Середины для них не бывает.

Иное дело обитатели второй полки. Для них принципиальной разницы между реализмом и фантастикой зачастую нет вообще. Реалии могут быть привычными читателю (Тургенев), могут быть целиком и полностью вымышленными (Данте), наконец, и те, и другие могут мирно соседствовать в пределах одного повествования (Гоголь). Главное, ей-богу, не в этом...

А вот для обитателей первой полки разница очевидна. Поэтому ни детектив, ни женский роман у них протеста не вызовут, ибо все эти направления суть разно-

видности реализма. (А что тут возразишь? Реалии-то — вот они!)

С исторической прозой и вовсе забавно. Чем она отличается от альтернативной истории, никто даже объяснить не берётся. Исторические документы лгали, лгут и будут лгать, поскольку составляются людьми, и какой из них ни положи в основу повествования, всё равно в итоге получится фантазия на темы прошлого.

Ох уж эти мне реалии! Ну вот, допустим, изобразил я участкового с двуглавым орлом на фуражке. Реализм? Реализм, господа. Вон их сколько таких за окном! И все с орлами... А напиши я то же самое до 1991 года? А вот тогда, товарищи, это была бы дерзкая, чтобы не сказать — злопахательская фантастика (то есть иными словами — тот же самый реализм, только ещё не опошленный действительностью).

А теперь пришло время выдать страшную тайну. Делаю это со спокойным сердцем, поскольку предвижу, что разглашение её никаких последствий не повлечёт. На первой полке отмахнутся и забудут, на второй пожмут плечами: подумаешь, дескать, новость!

Так вот...

Господа! Всякий текст (включая цифры финансовых отчётов) — это фантастика чистой воды! Просто не всякий автор имеет мужество признаться в том, что он фантаст.

6

Бедные, бедные обитатели первой полки! Сколько им пришлось пережить потрясений за те несколько лет, когда добро внезапно объявлялось злом и наоборот, а жизнь за окном стремительно меняла ориентацию, ша-

рахнувшись вдруг из соцреализма в самую оголтелую фантастику во всем её многообразии — от альтернативной истории до лютого хоррора!

Впрочем, наш взбаламученный социум, кажется, отстаивается помаленьку, крыши у людей с первой полки возвращаются в исходную позицию, и скоро, глядишь, победное речение «Терпеть не могу фантастику!» вновь зазвучит в народе с прежней силой.

1998

ВРАНЬЁ, ВЕДУЩЕЕ К ПРАВДЕ

Теперь я вижу, что был прав в своих заблуждениях.

Великий Нгуен

Умру не забуду очаровательное обвинение, предъявленное заочно супругам Лукиным в те доисторические времена, когда публикация нашей повестушки в областной молодёжной газете была после первых двух выпусков остановлена распоряжением обкома КПСС. «А в чём дело? — с недоумением спросили у распорядившейся тётеньки. — Фантастика же...» «Так это они говорят, что фантастика! — в праведном гневе отвечала та. — А на самом деле?!»

Помнится, когда нам передали этот разговор, мы долго и нервно смеялись. Много чего с тех пор утекло, нет уже Любви Лукиной, второе тысячелетие сменилось третьим, а обвинение живёхонько. «Прости, конечно, — говорит мне собрат по клавиатуре, — но никакой ты к чёрту не фантаст». «А кто же я?» — спрашиваю заинтригованно. Собрат кривится и издаёт бессмысленное звукосочетание «мейнстрим».

Почему бессмысленное? Потому что в действительности никакого мейнстрима нет. По моим наблюдениям, он существует лишь в воспалённом воображении узников фантлага и означает всё располагающееся вне жилой зоны. Можно, правда, возразить, что и окружающая нас реальность не более чем плод коллективного сочинительства, но об этом позже.

Не то чтобы я обиделся на собрата — скорее был озадачен, поскольку вспомнилось, как волгоградские прозаики (сплошь реалисты), утешить, наверное, желая, не раз сообщали вполголоса, интимно приобняв за плечи: «Ну мы-то понимаем, что никакой ты на самом деле не фантаст».

— А кто?

Один, помнится, напряг извилины и после долгой внутренней борьбы неуверенно выдавил:

— Сказочник...

Услышав такое, я ошалел настолько, что даже не засмеялся.

Впрочем, моего собеседника следует понять: термин «мистический реализм» (он же «новый реализм») используется пока одними литературоведами, да и то не всеми, а слово «фантастика» в приличном обществе опять перешло в разряд нецензурных. Недаром же, чуя, чем пахнет, лет десять назад несколько мастеров нашего цеха предприняли попытку отмежеваться, назвавшись турбореалистами.

Тоже красиво...

Так вот о мистическом реализме. Если в Америке и Англии, по словам критиков, сайнс-фикшн и фэнтези традиционно донашивают лохмотья «серьёзной» литературы, то у нас всё обстоит наоборот: нынешние модные писатели — зачастую результат утечки мозгов, так сказать, эмигранты жанра. А то и вовсе откровенные компиляторы, беззастенчиво обдирающие нас, грешных, выкраивая из обдирок собственные эпохальные произведения.

Что ж, бог в помощь. Хотелось бы только знать, чем в таком случае этот таинственный мистреализм принципиально отличается от фантастики? Кроме брэнда, конечно.

Задав подобный вопрос литературоведу, вы сможете насладиться стремительной сменой цвета лица и забвением слова «дискурс» (вообще, когда авторитет теря-

ется до такой степени, что забывает феню и переходит на общепринятый язык, знайте, вы угодили в точку).

— Да как вообще можно сравнивать Булгакова и...

Если же вы будете упорны в своей бестактности, учёный муж (жена) нервно объяснит, что мистический реализм — это когда талантливо, а фантастика — это когда бездарно.

Такое ощущение, что господа филологи добросовестно прогуляли курс лекций по введению в литературоведение. Классификацией, напоминаю, занимается теория литературы, а качество того или иного произведения оценивает критика.

Впрочем, попытки подойти к проблеме с позиций теории, как выяснилось, также приводят к результатам вполне умопомрачительным. Так мне рассказали недавно, что московские литературоведы, с лёгкостью вычленив отличительные (типологические) признаки детектива и любовного романа, споткнулись на фантастике. Не нашлось у неё ярко выраженных отличительных признаков. И знаете, какое из этого проистекает заключение? Фантастики нет. Нету нас. Нетути.

Встречу в следующий раз собрата по клавиатуре — непременно покажу ему язык.

Год этак семидесятый. Лекция. Преподаватель пластает романтизм. Представители данного направления, сообщает он, отвергали обыденность, искали выхода в иной реальности, в иных временах. Мрачные реакционные романтики идеализировали прошлое, уходили в мистику. Прогрессивные верили в будущее. Был, правда, автор, стоящий особняком, его трудно огнести и к тем, и к другим. Эрнст Теодор Амадей Гофман. Явный романтик, но для реакционного слишком светел, а с другой стороны, и в грядущем ничего доброго не видел. Герой его обретает счастье в Атлантиде (не исключено, что сходит с ума).

Хорошо, что я тогда не задал вопрос: «Так, может, это фантастика?» Выволочка за неприличное слово наглецу-студиозусу была бы гарантирована.

А почему, собственно, неприличное? Открой энциклопедию, прочти: «Фантастика — форма отображения мира, при к-рой на основе реальных представлений создаётся логически несовместимая с ними («сверхъестественная», «чудесная») картина Вселенной».

Отменно сказано. Единственное сомнение: не подкажете ли, которое именно отображение мира считать, по нашим временам; соответствующим действительности? Ведь не исключено, что в будущем сегодняшняя публицистика не только покажется, но и окажется фантастикой. Как, скажем, случилось с публицистикой советской эпохи.

Белинский, однако, одиозного ныне термина не чурался:

«Портрет» есть неудачная попытка г. Гоголя в фантастическом роде. Здесь его талант падает, но он и в самом падении остаётся талантом».

И далее:

«Вообще надо сказать, фантастическое как-то не совсем даётся г. Гоголю, и мы вполне согласны с мнением г. Шевырёва, который говорит, что «ужасное не может быть подробно: призрак тогда страшен, когда в нём есть какая-то неопределённость; если же вы в призраке умеете разглядеть слизистую пирамиду, с какими-то челюстями вместо ног и языком вверху, тут уж не будет ничего страшного, и ужасное переходит просто в уродливое».

Поругивал, как видим, но хотя бы честно называл вещи своими именами. Нынешние белинские такого непотребства ни за что себе не позволяют.

— «Божественная комедия», — отбивается низкими обиходными словами припёртый к стенке литературовед, — не имеет отношения к фантастике, потому что Ад, Чистилище и Рай считались реально существующими.

— Позвольте, любезнейший! Тогда к ней не имеет отношения и «Туманность Андромеды», поскольку светлое коммунистическое будущее тоже считалось неизбежной реальностью.

— Да, но Алигьери-то верил не в будущее, а в вечное!

— Не вижу принципиальной разницы. Оба верили в то, что не может быть подтверждено опытом.

— Простите, но «Туманность Андромеды» — научная фантастика. — Слово «научная» произносится с заметным отвращением.

— А у Данте не научная? Помнится, мироздание у него скрупулёзно выстроено по Птолемею...

— Да как вы вообще можете сравнивать Данте и...

Короче, смотри выше.

Зато если вдруг филолог очаруется невзначай творчеством какого-либо фантаста, тут и вовсе начинается диво дивное, сопровождаемое немислимыми терминологическими кульбитами.

— Лем? Какой же это фантаст! Это философ...

— Брэдбери? Но он же лирик...

Прибавь мне бог ума и терпения — обязательно составил бы и опубликовал сборник «Верования и обряды литературоведов».

Раньше казалось, будто всё дело в слове «научная», пока не обнаружилось, что термин «фэнтези» вызывает у паразитов изящной словесности не меньшее омерзение. Мало того, даже непричастность к какому-либо из этих двух направлений (фэнтези и НФ) ни от чего не спасает. Знаю по собственному опыту. Несмотря на утешения писателей-почвенников и на попытки собрата по клавиатуре, так сказать, проверить каинову печать на контрафактность, погоняло «фантаст» прилипло ко мне намертво. Собственно, я не против. А за термин обидно. Что делать, стилистическая окраска имеет

обыкновение со временем меняться. Ну кто из нынешней молодёжи поверит, к примеру, что арготизм «попса» в юных розовых устах когда-то звучал гордо и ни в коем случае не презрительно? О слове «демократия» и вовсе умолчу...

Вот и с фантастикой та же история.

Одно утешение — Фёдор Михайлович Достоевский. Уважал, уважал классик гонимое ныне словцо:

«В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический».

«Что может быть фантастичнее и неожиданнее действительности?»

Или такой, скажем, комплимент:

«Сердце имеет — фантаст».

И наконец, главная жемчужина:

«Реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опаснее самой безумной фантастичности, потому что слеп».

Предвижу вопль: да он же не о той фантастике говорил! Так и я не о той. Не о драконах, не о бластерах. Для нас с Белкой (Любовью Лукиной) все эти вытребеньки самостоятельной ценности никогда не имели. Мало того, не относясь к читателям, для которых антураж важнее сути, не видели мы подчас и принципиальной разницы между НФ и, допустим, производственным романом. В первом случае коллектив доблестно достигал субсветовых скоростей, во втором не менее доблестно выходил на заданные производственные мощности. Спрашивается, зачем гравилёт городить, когда можно обойтись прокатным станом!

Скорее нам казались фантастическими рассказы Шукшина, где роль зелёньего инопланетянина с рожками или чёртика с хвостиком исполнял откровенно выдуманный чудик или бывший зэк, тоже, как правило, сильно выдуманный. Стоило этим странным пер-

сонажам влезть в действие, как человеческие взаимоотношения начинали выворачиваться наизнанку, представляя в самом невероятном и причудливом виде.

Фантастика для нас была не более чем ключиком к реальности. Иногда отмычкой. А то и вовсе ломиком. Фомкой.

То есть набором приёмов.

Возможно, этим и была вызвана та изумительная фраза разгневанной тётеньки из обкома.

То, что жизнь сама по себе достаточно фантастична, выяснилось гораздо позже. Достаточно сопоставить две обычно разобщаемые области нашего бытия — и вот вам фантазмагория в чистом виде. Бери и пользуйся.

Поясню на примере. В рассказике «Серые береты» нет исходного фантастического допущения. Я действительно ловил мышонка — и мышонок оказался умнее. По телевизору действительно показывали сюжет о мышах, участвовавших в Великой Отечественной. Мне оставалось лишь совместить два эти факта.

Если кто-то успел вообразить, что в данной статье я намерен осчастливить читателя анализом литературных направлений, пусть вздохнёт с облегчением. Отделять пшеницу от плевел бесполезно, ибо слово «фантастика» сейчас нецензурно во всех своих смысловых ипостасях.

Я даже не собираюсь защищать его от нападков.

И знаете почему?

Потому что лучшая защита — это нападение.

Начнём с криминальной субкультуры литературоведов.

Её преступная сущность очевидна и легко доказуема. Настораживает уже тот факт, что литературоведение ничем не способно помочь автору. Эта лженаука не имеет ни малейшего отношения к процессу писанины и годится исключительно для разбора законченных про-

изведений. Или, скажем, не законченных, но уже на-
мертво прилипших к бумаге и утративших способность
к развитию.

Знаменательно, что сами литературоведы опасают-
ся иметь дело с живыми авторами, дабы тайное надува-
тельство не стало явным. Примерно по той же причине
большинство натуралистов предпочитают быть неверу-
ющими — иначе им грозит полемика с Творцом. Как
провозгласил однажды в припадке циничной откровен-
ности мой знакомый, ныне завкафедрой литературы:
«Выпьем за покойников, которые нас кормят!» Неда-
ром же старик Некрасов при виде аналогичной сцены
воскликнул в ужасе: «Это — пир гробовскрыватьелей!
Дальше, дальше поскорей!»

Ещё в меньшей степени литературоведение необ-
ходимо простому читателю. Этот тезис я даже доказы-
вать не намерен. Скажу только, что читающая публика
для учёных мужей и жён — не менее досадная помеха,
чем автор, поэтому всё, что публике по нраву, изуче-
ния, с их точки зрения, недостойно.

Итак, городская субкультура литературоведов кри-
минальна уже тем, что никому не приносит пользы, кро-
ме себя самой, то есть паразитирует на обществе и тща-
тельно это скрывает.

Способ мошенничества отчасти напоминает при-
ёмы цыганок: неустанно убеждать власти в том, что без
точного подсчёта эпитетов в поэме Лермонтова «Мон-
го» всё погибнет окончательно и безвозвратно, а запугав,
тянуть потихоньку денежки из бюджета. Навар, ра-
зумеется, невелик, с прибылями от торговли оружием
и наркотиками его сравнивать не приходится, но это и
понятно, поскольку литературоведы в уголовной среде
считаются чуть ли не самой захудалой преступной груп-
пировкой. Что-то среднее между толкователями снов на
дому и «чёрными археологами».

Само собой, изложив просьбу раскошелиться в ясных доступных словах, на успех рассчитывать не стоит. **Что казна, что предполагаемый спонсор — фраера порченые, их так просто не разведёшь.** Поэтомуходимцами **разработан** условный язык, специальный жаргон, **употребляемый** с двумя целями: во-первых, уровень владения им свидетельствует о положении говорящего во **внутренней иерархии**, во-вторых, делает его речь совершенно непонятной для непосвящённых. Последняя функция создаёт видимость глубины и производит на сильных мира сего неизгладимое впечатление. Услышав, что собеседник изучает «гендерную агональность национальных архетипов», сомлеет любой олигарх, ибо сам он столь крутой феней не изъяснялся даже на зоне.

Глядишь, грант подкинет.

Заметим походя, что упомянутый жаргон в последние годы тяготеет к расслоению. В то время как стоящие одной ногой в прошлом «мужики» продолжают ботать по-советски, демократически настроенные «пацаны», норовя обособиться, спешно изобретают и осваивают новую «филологическую музыку».

Подобно любой другой криминальной субкультуре литературоведение характеризуется следующими признаками: жесткая групповая стратификация, обязательность установленных норм и правил, в то же время наличие системы отдельных исключений для лиц, занимающих высшие ступени иерархии, наличие враждующих между собой группировок, психологическая изоляция некоторых членов сообщества, использование в речи арго (список признаков позаимствован из работы Ю. К. Александра «Очерки криминальной субкультуры»).

Да и клички у них вполне уголовные: Доцент, Профессор.

Кстати, согласно неофициальным данным, именно преступная группировка литературоведов, контролировавшая в конце девятнадцатого столетия город

Лондон, натравила британские власти на Оскара Уайльда, причём не за гомосоциализм, как принято считать, а за то, что в предисловии к «Портрету Дориана Грея» он разгласил их главную, пуше глаза оберегаемую тайну: «Всякое искусство совершенно бесполезно».

И это всё о криминальной субкультуре литературоведов.

Тэк-с. С одним обидчиком разделался играючи. С другим — сложнее. Как уже отмечалось в эссе «Взгляд со второй полки», чем сильнее закручиваются гайки властями, тем пренебрежительнее относится обыватель к моему ремеслу. А ведь ещё совсем недавно, в смутные времена, тихий был, пуганый, фантастику на всякий случай боязливо уважал: чёрт её знает, вдруг она тоже правда! Теперь же, видя признаки наступающего порядка (вот и поезда опаздывать стали, и продавщицы хамить), приободрился наш цыплёнок жареный, голосок подал, вспомнил, как клювик морщить.

— Привет фантастам! — развязно здоровается он со мной на улице.

Прижмёшь его в споре — тут же найдётся:

— Конечно! Ты же у нас фантаст...

А сам, между прочим, налетев на неожиданность, каждый раз ахает: «Фантастика!» — не понимая, что одним уже восклицанием этим лишает себя морального права упрекать одноимённое литературное направление за отрыв от жизни.

Предстоящая мне задача непростая: доказать — и не просто доказать, а объяснить на пальцах всем недоброхотам фантастики, что их «реальная жизнь» не меньший, а то и больший вымысел. Собственно, я уже высказывался на эту тему и не однажды, но, боюсь, выпады мои неизменно воспринимались в юмористическом ключе. Поэтому на сей раз я постараюсь подойти к делу по возможности серьёзно. Заранее прошу простить меня за чрезмерное увлечение подробностями, но, как говари-

вал один мой друг-газетчик, репортаж есть набор свидетельств, что ты был в данное время в данном месте.

Начнём, благословясь.

Севастополь. Пироговка. Акации с шипами, роскошными, как олени рога, двухэтажные дома из инкерманского камня. Мне одиннадцать лет. Пыльные сандалии, просторные синие трусы, оббитые ороговевшие коленки. В одном из дворов — налитый до краёв бассейн: круглый, метровой высоты. Зачем он там, сказать трудно. Видимо, на случай пожара. Для купания грязноват, а запускать кораблики — в самый раз.

Шагах в десяти от меня на бетонной (а может, кирпичной, но оштукатуренной) стенке бассейна, стоя на коленях, пытается достать прутиком свою парусную дощечку самый младший из нашей оравы — девятилетний Вовка Брехун. Кличка обидная и несправедливая. Плакса, ябеда, маменькин сынок, но почему Брехун? Уж кто горазд врать — так это я. Приехал из Оренбурга и пользуюсь этим всюю: рассказываю взахлёб, как плавал по Уралу в прозрачной подводной лодке и ловил под землёй недобитых фашистов. Поди проверь! Однако разнузданное воображение ни у кого из пацанвы протеста не вызывает, поэтому прозвище у меня вполне уважительное — Аримбург (орфография выверена по надписи на асфальте).

И вот, силясь дотянуться прутиком до кораблика, Вовка Брехун внезапно теряет равновесие и летит торчком головой в мутный желтоватый с прозеленью омут. Оторопь, затем восторг. Мальчишеский, злорадный. Ох, достанется сегодня Брехуну! Ему ж мамочка к бассейну близко подходить не разрешает...

Однако дальше происходит нечто странное. Вместо грязной и мокрой головы на поверхность выскакивает ступня в сандалии, потом другая — и они как-то вяло принимаются шлёпать по воде. Что он делает, дурак! Ему же достаточно нащупать ногами дно и встать. Глубина, повторяю, метр.

Почему я не бросаюсь на помощь? А чёрт его знает! То ли срabатывает родительский запрет на купание в бассейне, где «всякая зараза плавает», то ли боязнь проявить героизм без санкции старших. Кроме того, не следует забывать, что Брехун — наименее значительное лицо в нашей компании, которого как-то и спасти неловко. Впрочем, остальные ведут себя не лучше. Кричать, правда, кричим, но скорее ликующе, чем испуганно:

— Брехун тонет!..

Потом на бетонную стенку вспрыгивает рослый парень в светлых отутюженных брюках, белой рубашке, туфлях. Должно быть, за ним наблюдает его девушка, поскольку всё, что он делает дальше, красиво до невозможности. Чётко, как на соревнованиях по плаванию, он приседает, отведя руки назад, затем вонзается в воду «щучкой», хотя при его росте разумнее просто слезть в бассейн.

Чудом не вписавшись в дно, выпрямляется, весь мокрый, весь в какой-то дряни, и на руках его тряпично обвисает наш утопленник.

Нервы мои не выдерживают — и я со всех ног кидаюсь домой с потрясающей новостью: Брехун утонул!.. Ну, чуть не утонул!

Поступок опрометчивый: выслушав мой сбивчивый рассказ, наверняка оснащённый выдуманными по дороге душераздирающими подробностями, во двор мне вернуться не позволяют. А через некоторое время раздаётся звонок в дверь. На пороге — дворовые активисты: две вредные тётки («тёханки», как мы их называли) и не менее вредный мужичонка («дяхон»). Но, самое удивительное, сзади из-за их спин выглядывают оробело-сердитые лица пацанов.

Никакого свежего греха я за собой не ведаю, но раз пришли, значит, что-то натворил.

— Ваш сын, — торжествующе объявляет тёханка, — спихнул мальчика в бассейн...

Всё это настолько невероятно и несправедливо, что от обиды я ударяюсь в самый постыдный рёв, чем окончательно подтверждаю свою вину. Несколько дней меня не выпускают гулять, все попытки оправдания пресекаются решительнейшим образом. Действительно, нельзя же врать и выкручиваться столь нагло и бесстыдно! Свидетелей-то — полон двор.

Наконец срок заключения истекает, и мне позволяют выйти из дому. Первым делом нахожу пацанов.

— Сквора! Гусёк! Ну вы же видели, что я никого не толкал...

Слушайте, они меня чуть не побили.

— Кто не толкал? Ты не толкал? Я видел! Гусёк видел! Ты же по стенке шёл мимо Брехуна — и вот так двумя руками в спину его толкнул...

Они не врали. Они были искренне возмущены моей неумелой попыткой заморочить им голову.

Испуганный, сбитый с толку, я тут же постарался забыть эту историю — и правильно сделал, потому что думать о таком, когда тебе всего одиннадцать лет, — это и с ума сойти недолго.

Что же произошло? Думаю, событие воссоздавалось следующим образом. Брехун упал в бассейн. Аримбург убежал. Почему убежал Аримбург? Испугался. Чего? Ну ясное дело, того, что столкнул Брехуна в бассейн. И вот в памяти пацанов складывается ясная чёткая картина — одна на всех: Аримбург идёт по стенке и двумя руками изо всех сил толкает в спину Брехуна. Допрашивай их с пристрастием, сличай показания — факт очевиден.

Понадобилось прожить жизнь, чтобы понять: любое наше воспоминание — о чём бы оно ни было — строится именно по приведённому выше образцу. Полагаю, что люди вообще гораздо искренней, чем о них принято думать. Они почти никогда не лгут, просто случившееся отпечатывается у каждого по-своему. И если бы только по-своему! И если бы только случившееся!

Однажды я спросил Сергея Синякина:

— Серёжа, а вот, скажем, выезжаешь ты на труп. У тебя пять свидетелей. И все они слово в слово показывают одно и то же...

Начальник убийного отдела задумался, но лишь на секунду.

— Ну, значит, успели уже друг с другом переговорить, — с уверенностью профессионала заключил он.

Страшное это дело — коллективная память.

Но и индивидуальная тоже хороша.

Недавно я с умилением напомнил Марине Дяченко, как любовался её дочкой в колыбельке: вся такая розовая, крохотная...

— А ты разве у нас в девяносто пятом был?

— Да, — отвечаю с гордостью. — Восьмого марта.

— Позволь, но Стаска родилась позже.

Секундное остолбенение.

— Минутку, минутку... — ошалело бормочу я. — Как же... Восьмое марта... девяносто пятый...

Это что же получается? Это получается, что в Киеве восьмого марта девяносто пятого года Маринка в упоении рассказывала мне о том, как прекрасен любой новорождённый младенец, а у меня, стало быть, из её слов сложилась иллюзия, будто бы... Да нет же, нет! Я ведь не только Стаску — я и кроватку запомнил, и комнату. Хотя это-то как раз просто: счастливые Серёжа с Мариной могли показать мне заранее подготовленную колыбельку и прочее.

И сам собой возникает вопрос: а вдруг меня и с Брехуном память подвела? Были же случаи, когда преступник, ужаснувшись содеянному, забывал всё напрочь!

Хорошая версия. Остроумная. Но, к сожалению, кое-что в ней представляется сомнительным. Вернёмся в Севастополь.

В том же году я преподнёс родителям ещё один подарок — нечаянно поджёг строящийся жилой дом,

уронив горящую спичку на тюк сухой прессованной пакли. Хорошо — без жертв обошлось. Из подвала нас вынесло с опалёнными бровями. Пожар тушили чуть ли не полдня. И всё помню. Помню, как, плача от раскаяния, выхватывал из-за пазухи и швырял оземь спичечные коробки и прочую пиротехнику, как умолял пацанов никому ничего не говорить, а они, обезумев, радостно вопили: «Раля Аримбургу!»

Что такое раля? «Раля» (она же «ролянка») представляла собой сколоченную из дощечек тележку на четырёх подшипниках — самодельный, оглушительно визжащий по асфальту прообраз нынешнего скейта. Бились мы на них немилосердно. Возможно, поэтому слово «раля» в нашем дворе употреблялось также в значении «хана», «амба», «капут»...

Видите, даже вопли пацанов могу дословно воспроизвести.

Поэтому как-то, знаете, маловероятно, что сбрасывание Вовки Брехуна в бассейн я с перепугу забыл, а поджог стройки запомнил в мельчайших подробностях, хотя для одиннадцатилетнего мальчишки он должен был представляться куда более грандиозным преступлением.

Обычно задумываться о таких вещах не позволяет инстинкт самосохранения. Нормальному обывателю прежде всего необходимо осознание собственной правоты, а какая к чёрту правота, если вдруг заподозришь, что все твои знания об окружающем мире не более чем миф, продукт коллективного или индивидуального творчества!

Легко предвидеть, многие (те самые, что видят в фантастике попытку разрушить привычный порядок вещей) огрызнутся примерно так: а может, ты просто с детства склеротик?

Возможно, возможно. Но тогда почему эти апологеты реальности, стоит ввязаться с ними спор, неизменно восхищаются (даже сейчас!) моей якобы изумитель-

ной памятью? И почему их собственные воспоминания разительно меняются с годами?

Так в брежневские времена дедушки моих знакомых поголовно гибли в боях с белогвардейцами, а дяди — защищая Советскую Родину от фашизма. Однако стоило начаться перестройке, как те же самые дедушки оказались расстрелянными ЧК, а дяди сгинули в недрах ГУЛАГа. И ведь не врут — хоть на детекторе лжи проверь. Видимо, всё это вместе и называется альтернативной историей.

Собственно, история другой и не бывает.

Как выразился персонаж того же Достоевского, «враньё всегда простить можно; враньё дело милое, потому что к правде ведёт. Нет, то досадно, что врут, да ещё собственному вранью поклоняются».

Кстати, хорошее определение литературного приёма, именуемого фантастикой: враньё, ведущее к правде. Однако обаятельнейший персонаж Фёдора Михайловича несколько смягчил выражения: когда речь заходит о правоте, а тем более о целостности мира и рассудка, собственному вранью не просто поклоняются — ему верят, самозабвенно и безоглядно. До возникновения зрительных и звуковых образов.

Боюсь, моя неотцентрированная аргументация зацепила рикошетом не только противников, но и некоторых любителей фантастики — из тех, что искренне полагают её выдумкой, созданной исключительно для их развлечения: «Позвольте, позвольте! Мы ж не в позапрошлом веке живём. Истинность или ложность свидетельств легко установить с помощью... да хотя бы камер слежения!»

Увы, камеры слежения лгут сплошь и рядом. Говорю вам это как поклонник бокса (наименее лицемерного из человеческих занятий). Одна камера при повторе эпизода утверждает, что удар пришёлся вскользь, другая — что в самую точку, третья — что удара не было

вообще. Поэтому судьи и полагаются по старинке на собственные опыт и интуицию.

Как тут не вспомнить древнюю притчу о трёх слепцах, ощупывавших слона! Но ведь и зрячие ведут себя подобно слепым: один видит только ногу, другой — только хвост, третий — только хобот. И каждый готов ради правды взойти на эшафот.

Скажете, преувеличиваю? Как это можно, имея глаза, не увидеть?

А вот как.

Шли два приятеля, два взрослых человека мимо кинотеатра, где крутят старые фильмы, — и заметили на афише нестерпимо знакомое название. Картину эту они смотрели в детстве не раз и не два. Захватывающая была картина. Особенно заставлял содрогаться эпизод, когда из тумана выползло орудие величиной с фабричную трубу, выстрелом из которого злодей собирался разом уничтожить человечество. Перемигнулись приятели — и решили зайти поглядеть, над чем же это они обмирали от сладкого ужаса лет двадцать назад. Честно сказать, ждали разочарования. Однако после сеанса вывалились оба на улицу в полном восторге, изнемогая от хохота. То, что они по ребячьей наивности принимали за боевик, на поверку обернулось пародией. Причём самыми уморительными оказались именно те кадры, когда выезжала из тумана жуткая пушка. По стволу её, как теперь выяснилось, шествовал дворник с метлой — и подметал. К выстрелу готовил. А то, знаете, стояла в бункере, запылилась. Иными словами, пушку приятели в детстве — видели, дворника — нет. Не вписывался он в мировую катастрофу.

И обратите внимание, с какой восхитительной точностью укладывается приведённый случай в систему образов притчи: хобот — пушка, дворник — хвост, а слон — это фильм в целом.

Давно известно, что человек воспринимает окружающий мир в большей степени мозгом, нежели органами чувств. Вот почему мы столь часто слышим не то, что нам сказал собеседник, а то, что ожидали от него услышать.

Ещё одна тонкость. Возьмите любую анонимку. Если её автор не является потенциальным клиентом психушки, особого разгула фантазии в тексте вы не найдёте. Изложенные факты имели место быть, просто истолкованы они не в пользу жертвы. Механизм прост: каждый наш поступок непременно вызван не одной, а многими причинами. Иные из них достойны уважения, иные постыдны. Аноним всего-навсего перечисляет (с искренним, учитите, возмущением!) исключительно причины второго рода, и никакими камерами слежения вы его не опровергнете.

Полагаю, что в свете сказанного клевету вполне можно приравнять к альтернативной реальности.

Чем дальше в прошлое отодвигается событие, тем фантастичнее оно становится. И чем большее количество людей принимало в нём участие, тем грандиознее вымысел.

Известно, что история бывает двух видов: мифологическая (её мы знаем по школьным учебникам) и, условно говоря, фактическая (с ней можно встретиться в трудах профессиональных исследователей). Обе то и дело решительно противоречат друг другу. Исходя из того, что большинство населения знакомо только с мифом, харьковский фантаст Андрей Валентинов (Шмалько) предложил следующий рецепт: напиши всё, как было, и получится альтернативная история. На худой конец — криптоистория.

К сожалению, остроумный совет запоздал века этак на полтора. В конце шестидесятых годов девятнадцатого столетия увидела свет эпопея Льва Толстого «Война и мир», где автор, отрицая принцип изложения «с по-

шлой европейской, героичной точки зрения» и пытаюсь восстановить истинный ход событий, по сути, покусился на продукт коллективного творчества, чем до глубины души возмутил ветеранов. «Я сам был участником Бородинской битвы и близким очевидцем картин, так неверно изображённых графом Толстым, и перереубедить меня в том, что я доказываю, никто не в силах, — бушевал А. С. Норов. — Оставшийся в живых свидетель Отечественной войны, я без оскорблённого патриотического чувства не мог дочитать этого романа, имеющего претензию быть историческим».

И ветерана можно понять. Дело даже не в том, что автор с маниакальной скрупулёзностью рушит одну за другой милые русскому сердцу легенды, — он ещё и подводит под это философскую базу.

«Когда человек находится в движении, — пишет граф, — он всегда придумывает себе цель этого движения».

Если же движение (читай: поступок) почему-либо не нравится человеку, он задним числом перекраивает его в своей памяти:

«Полковому командиру так хотелось сделать это, так он жалел, что не успел этого сделать, что ему казалось, что всё это точно было. Да, может быть, и в самом деле было? Разве можно было разобрать в этой путанице, что было и чего не было?»

Не зря же один из персонажей романа «знал по собственному опыту, что, рассказывая военные происшествия, всегда врут».

Допустим, так оно и есть, но придать войне смысл возможно только с помощью вранья. Иначе станет обидно за державу. Однако граф беспощаден. История, совершенно справедливо заключает он, не соответствует описываемым событиям, поскольку основывается на ложных донесениях (см. выше):

«Ежели в описаниях историков, в особенности французских, мы находим, что у них войны и сражения ис-

полняются по вперёд определённом плану, то единственный вывод, который мы можем сделать из этого, состоит в том, что описания эти не верны».

Достаётся и нашим:

«Русские военные историки должны невольно признать, что отступление французов из Москвы есть ряд побед Наполеона и поражений Кутузова».

И неизбежный вывод:

«Выигранное сражение не только не есть причина завоевания, но даже и не постоянный признак завоевания».

Логика графа безжалостна: если все донесения хотя бы наполовину лживы, то любой военачальник, будь он семи пядей во лбу, командует химерами и живёт в фантастическом мире.

«Не только гения и каких-нибудь качеств особенных не нужно хорошему полководцу, — утверждает Толстой, — но, напротив, ему нужно отсутствие самых лучших, высших, человеческих качеств — любви, поэзии, нежности, философского пытливого сомнения».

А в первой редакции романа — ещё круче:

«Чтобы быть полководцем, нужно быть ничтожеством».

Всяк корпевший в школе над сочинением по «Войне и миру» знает, что главное ничтожество среди полководцев — это, конечно, Бонапарт. Ибо относится к себе всерьёз. В отличие от своего ветхого годами противника, ухитрившегося в разговоре с Растопчиным запомнить о том, что уже сдал Москву французам. Очевидно, таким и должен быть идеальный стратег, поскольку главное его достоинство, в понимании автора, не путаться под ногами исторического процесса:

«Очевидно было, что Кутузов презирал ум, и знание, и даже патриотическое чувство... Он презирал их своей старостью, своей опытностью жизни».

Как выясняется, правильно делал, поскольку, по мнению графа, любая попытка умышленно повлиять на происходящее обречена изначально:

«Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения. Ежели он пытается понять его, он поражается бесплодностью».

И, разумеется, в первую очередь бесплодностью поражаются адепты воинского искусства. Уж лучше невежество в чистом виде:

«Русский самоуверен именно потому, что он ничего не знает и знать не хочет, потому что не верит, чтобы можно было вполне знать что-нибудь. Немец самоуверен хуже всех, и твёрже всех, и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но которая для него есть абсолютная истина».

Подвергаются сомнению самые азы науки побеждать:

«Тактическое правило о том, что надо действовать массами при наступлении и разрозненно при отступлении, бессознательно подтверждает только ту истину, что сила войска зависит от его духа».

Иными словами, получили по шее и разбежались — всего-то делов! А упомянутое тактическое правило — не более чем попытка «натянуть факты на правила истории».

Предвижу обиду бесчисленных наших поклонников самурайщины, однако в первой редакции романа Болконский накануне Бородинской битвы говорит Пьеру буквально следующее:

«Головин, адмирал, рассказывает, что в Японии всё искусство военное основано на том, что рисуют картины... ужасов и сами наряжаются в медведей на крепостных валах. Это глупо для нас... но мы делаем то же самое... Вся цель моя завтра не в том, чтобы колоть и бить, а только в том, чтобы помешать моим солдатам разбежаться от страха, который будет у них и у меня».

Хочешь не хочешь, бывшему артиллерийскому офицеру приходится разрушить ещё один миф — о благородстве ратного дела:

«Цель войны — убийство, орудия войны — шпионство, измена и поощрение её, разорение жителей, ограбление их или воровство для продовольствия армии; обман и ложь, называемые военными хитростями; нравы военного сословия — отсутствие свободы, то есть дисциплина, праздность, невежество, жестокость, разврат, пьянство».

И если бы речь шла об одних французах! Склонность героического православного воинства к насилию и грабежу признаётся в романе даже русскими дипломатами.

Жутковата и сама концепция произведения, совершенно естественно проистекающая из вышеприведённых посылок:

«Для истории признание свободы людей как силы, могущей влиять на исторические события, есть то же, что для астрономии признание свободной силы движения небесных тел».

Немудрено, что автор сплошь и рядом оказывается по ту сторону того, что мы, в силу косности, привыкли именовать добром и злом:

«Про деятельность Александра и Наполеона нельзя сказать, чтобы она была полезна или вредна, ибо мы не можем сказать, для чего она полезна и для чего вредна».

Такая вот, милостивые государи, безжалостная криптоистория, то бишь реконструкция исторических событий. Можно принимать её, можно не принимать, но в последовательности графу Толстому отказать трудно. Не зря же накинулись на него с такой яростью все кому не лень, стоило роману появиться в печати! Стыдили, кивали на «Бородино» Лермонтова, один сатирик даже изложил не без сарказма содержание «Войны и мира» лермонтовскими семистишиями. Причём никто не вспомнил, что сам-то Михаил Юрьевич повествует от

лица старого солдата, а уж как умеют ветераны проводить патриотически-воспитательную работу с молодёжью — дело известное. Одна гибель полковника чего стоит!

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой...»

Любопытно сравнить это со строками из более позднего стихотворения Лермонтова «Валерик», в основе которого лежат уже не рассказы успевших переговорить друг с другом очевидцев, а личные впечатления. Там тоже есть сцена гибели старшего офицера:

...взоры
Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы. — Ташат в горы.
Постойте — ранен генерал...»

Как видим, никаких орлиных очей, никаких громких слов — предсмертный бред и ужас оказаться в плену у чеченцев.

Да и само сражение подано чуть ли не с отвращением:

И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть
(И зной, и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

Не знаю, как насчёт гоголевской «Шинели», а у меня такое впечатление, что баталист Толстой вышел целиком из этого восьмистишия.

Вернёмся, однако, к «Войне и миру». Посягательство на миф о кампании 1812 года сыграло с графом дурную шутку. Поставьте себя на место наших шкрабов: с одной стороны, идеи романа непедагогичны и разрушительны (причём для любого государства, в том числе и советского); с другой стороны, автор — «матёрый человечище» и «зеркало русской революции».

Как быть?

Очень просто: взять Льва Толстого и тоже превратить в миф. Объявить крамольное произведение патриотическим, рамолика Кутузова — гением, истеричку Наташу Ростову — идеалом, и самим в это поверить.

Дайте нам две любые строки любого автора — и мы включим его в школьную программу. Даже этого графа, что ради честного словца не жалел ни матери, ни отца и в таком признавался, от чего добрый россиянин может в падучей забиться:

«Вспоминая теперь всё то зло, которое я делал, испытал и видел вследствие вражды народов, мне ясно, что причиной всего был грубый обман, называемый патриотизмом и любовью к отечеству».

А теперь для сравнения выдержка из энциклопедии: «показал патриотич. порыв рус. народа, обусловивший победу России в Отечеств. войне 1812».

Так выковываются истинные патриоты.

Когда мифоборец сам становится мифом, случаются порой презабавнейшие недоразумения. Жертвой школьного учебника пал, к примеру, мой хороший друг Святослав Логинов, автор нашумевшей статьи «Графы и графоманы». Обнаружив противоречие между текстами Льва Толстого и тем, что говорилось о них на уроках, Святослав почему-то обрушился не на учителей, даже не на криминальную субкультуру литературоведов, а на самого графа. Возможно, по наивности, а возможно, и потому, что когда-то был преподавателем. На своих руках не поднялась.

Самозабвенно ломаясь в открытую дверь, новый мифоборец объявил произведения Толстого непедagogичными. Однако граф и сам не скрывал своей неприязни к любой официальной идеологии, в то время как педагогика, насколько я помню, до сих пор находится на содержании у государства. Если вчитаться, пресловутая назидательность детских книжек яснополянского мудреца не то чтобы носит подрывной характер — нет, она зачастую просто отсутствует (см. статью «Графы и графоманы»).

Ещё очаровательнее выглядят упреки Святослава Владимировича в отношении неряшливой стилистики Льва Николаевича. Граф опять-таки и сам признавал, что повествования его весьма корявы. Легенда о языке Толстого как образчике русской литературной речи целиком и полностью выдумана теми же литературоведами и педагогами. (Кто не верит, пусть перечтёт приведённые выше цитаты из «Войны и мира».)

Вот будет смеху, если правдолюбец Святослав Логинов сам со временем обрaстет бородой легенд, превратится в миф — и в свою очередь подвергнется буйному набегу новых мифоборцев!

Как видите, для простоты я ограничился бытовыми и наиболее общеизвестными литературно-историческими примерами.

Пора подбивать итоги.

Окружающая жизнь воспринимается нами настолько искажённо, что её можно смело приравнять к выдумке, а реализм — к одному из направлений фантастики. Нельзя доверять даже увиденному своими глазами. Чем безогляднее убеждён человек в достоверности собственного восприятия, тем сильнее он ошибается. Сверяя наши заблуждения с заблуждениями ближних, мы пускаем процесс по нарастающей: произошедшее оформляется сначала в ряд легенд, противоречащих друг другу, потом, как правило, в единую легенду. Наиболее фанта-

стичны исторические события, поскольку в дело вступает ещё и фактор времени. Попытки реставрации случившегося возмутительны уже тем, что разрушают сложившееся общее мнение.

К сожалению, миф можно ниспровергнуть лишь с помощью другого мифа, свидетельством чему служат идеологические кувырки и перевёртыши, наблюдаемые при смене общественного строя, когда вчерашнее добро объявляется сегодняшним злом, а зло, соответственно, добром. Ещё одно соображение: если некое явление и после подобного кувырка продолжает пользоваться неприязнью со стороны подавляющего большинства (а большинство всегда такое), стоит приглядеться к этому явлению повнимательней. Не исключено, что в нём-то и таится зёрнышко истины.

Поэтому на провокационный вопрос репортёра: «Чем, на ваш взгляд, фантастика отличается от журналистики?» — я, несколько сгущая краски, ответил: «Фантастика — правда, прикидывающаяся вымыслом. А журналистика — наоборот».

Итак, фантастикой мы можем назвать бегство или отступление из коллективно созданного и создаваемого поныне мифа, именуемого реальной жизнью. Не берусь утверждать, будто чем дальше от вранья, тем ближе к правде (на самом деле, чем дальше от вранья, тем ближе к другому вранью), и всё-таки мне кажется, что мудрость данного манёвра несомненна: куда бы вы ни бежали (НФ, фэнтези, хоррор, и т. п.), всегда остаётся шанс нечаянно натолкнуться на относительно верное понимание действительности.

Даже если этого не случится, отбежав на достаточное расстояние, вы можете оглянуться и увидеть миф целиком — возможность, которой изначально лишён реализм, ограничивающийся, по словам Достоевского, кончиком своего носа.

Ничего нового я здесь не открыл. Похожие взгляды высказывались и прежде. Пресловутый турбореализм поначалу удивлял меня отсутствием внятной программы. Однако спустя некоторое время, когда данное движение стало тихо разваливаться, оставшийся в одиночестве Андрей Лазарчук коротко и ясно изложил суть дела:

«Реализм постулирует: мир веществен, постигаем и описуем. Литература даёт картину этого мира.

Фантастика постулирует: мир веществен, постигаем и описуем. Литература проводит над ним опыты.

Турбореализм постулирует: мир веществен, однако постигается нами по большей части через описания, оставленные другими людьми. Мы не в состоянии отличить объективную истину от её искажений и преломлений. Литература даёт картину этого мира».

Формулировка настолько соответствовала моим собственным воззрениям, что я немедля прилепил «Ауре», над которой в ту пору корпел, бирку «турбофэнтези». Когда же озадаченные читатели попросили объяснить, с чем это едят, ответил примерно так:

«Как известно, турбореализм исходит из невозможности отличить правду от лжи. Турбофэнтези, напротив, настаивает на том, что невозможно отличить ложь от правды. В этом вся разница».

Что же касается рецепта Андрея Валентинова, столь бестактно использованного Львом Толстым... Думаю, зря харьковский коллега ограничился всего двумя направлениями (альтернативная история и криптоистория). Наиболее полная формулировка, по-моему, должна звучать так: напиши всё как есть, и получится фантастика.

Знать бы ещё, как оно есть...

ЗАТВОРИТЕ МНЕ ТЕМНИЦУ

*Вчерашний раб, уставший
от свободы
Возропцет, требуя цепей.*

Максимилиан Волошин

Ну вот и будущее (оно же прошлое, оно же настоящее). Уже здесь, уже осязаемо. Включишь телевизор — там с вредными книжками воюют, откроешь журнал — там вампиров клеймят, зайдёшь в союз писателей, а там один поэт поучает другого: «Ты, когда стихотворение напишешь, прежде чем публиковать, батюшке его покажи. Благословит — тогда печатай».

Знакомые распались на два лагеря. Одни:

«Да что ж это за беспредел такой? Впору цензуру вводить!»

Другие:

«Слушай, куда катимся? Этак цензуру введут!»

Собственно, почему бы и нет? Недаром же многие литераторы (см. выше) заблаговременно пытаются выполнять требования ещё не учреждённого лито. А раз объявились выполняющие, то рано или поздно объявится и требующий.

Когда всё возвращается на круги своя, невольно переживаешь вторую молодость. Помню, какой прилив ребяческих чувств ощутил автор этих строк на стыке двух миллениумов, прочтя критическую статью, обличавшую его в отсутствии положительных героев (для тех, кто не

застал: обычное обвинение внутренних рецензий образца 80-х).

А сколько лет автор скинул разом, когда выдающийся наш политехнолог принялся на конференции заклинать фантастов (не публицистов, не бытописателей), чтобы те не выискивали мрачных черт в окружающей мерзости, сосредоточились на чём-то пусть редком, но светлом, — и очень обиделся, услышав из зала «соцреализм»!

А уж когда автору показали результаты голосования жюри некой премии, где за выставленным нулём следовала поясняющая пометка «идеологически вредное произведение», он, если позволено будет так выразиться, чуть в ностальгии не забился.

Здравствуй, благословенная пора моей юности! Вернулась, не забыла... И почти не изменилась! Разве что вместо слова «антисоветский» в ходу теперь громоздкий оборот «оскорбляющий религиозное и национальное достоинство».

Значит, говорите, грядёт цензура? А знаете, она для меня и после 1991-го не исчезала бесследно: то рассказик по политическим соображениям вернут, то куратор думской областной газеты с особым цинизмом запретит мою постоянную стихотворную колонку «Столбец всему».

Как поучал европейский мыслитель позапрошлого века: несущественно, сколько точек зрения разрешено официально, — тот, кто мыслит самостоятельно, всё равно ни в одну из них до конца не впишется.

Цензура была, есть и будет, просто сейчас она несколько раздробилась, обратясь из монолита в отдельные глыбы, глубины и мелкие осколки.

Вновь воскрес такой, казалось бы, вымерший вид, как пуганый редактор. Ну кого, скажите, в наши времена может устроить следующий пустячок?

Хорошее отношение к голубям

Когда я вижу, что на мой балкон
опять нагадил некий Голубь Мира,
а может быть, и вовсе Дух Святой,
к чему гаданья: он или не он
сейчас воркует с нежностью эмира,
пленённого невольницей простой?
Когда он, ясно видимый отсель,
то тянет шею типа Нефертити,
то делает из бюста колесо,
я навожу пневматику на цель,
а там — летите, пёрышки, летите
и передайте Пабло Пикассо,
что он — неправ.

Тем не менее этот цветок невинного юмора опубликовать, представьте, так и не удалось. Одна газета побоялась обидеть верующих (Дух Святой), другая — ветеранов (Голубь Мира), третья и вовсе инкриминировала чуть ли не пропаганду насилия.

Знаю, последует возражение: «Передёргиваете, любезнейший! Не про цензуру вы говорите, а про редакционную политику. Цензура — это учреждение. Цензор — это должность...»

А хотите расскажу о цензоре как о должности?

Свалилась на нас с Любовью Лукиной в 1981 году нечаянная радость: блуждающая по знакомым рукопись попала на глаза редактору новорождённой «Вечёрки», и тот решил её опубликовать. А мы-то, бедолаги, собирались уже до конца дней «в стол» работать.

Ждём, трепещем. И вдруг звонят в наборный цех (я тогда работал выпускающим в Доме Печати), говорят: «Поднимись на тринадцатый, там ваша повесть лежит».

— А что там, на тринадцатом?

— Как что? Цензура.

Опаньки! О цензуре-то мы и не подумали. Кто ж знал, что будет шанс напечататься! Для собственного удовольствия сочиняли...

Пока шёл к лифту, судорожно припоминал: а ведь герой-то у нас — фарцовщик, да ещё и не раскаявшийся! И нигде не сказано о руководящей роли партии! И светлое будущее, куда герой наш с дура ума попадает, подозрительное какое-то. Ой, а коммунистическое ли оно? Зарубят ведь повестушку-то...

Выхожу на тринадцатом, а там стоит перекуривает хороший знакомый, тоже работавший недавно в «Волгоградке». Румяный такой, полный, улыбчивый.

— Саша, где тут цензор сидит? — спрашиваю осторожноенько.

— Это я, — приветливо отзывается он.

— Вижу, что ты. Цензор где?

— Ну вот... перед тобой...

Немая сцена.

— Рукопись... у тебя?

— У меня.

— И?

— Что «и»? Прочитал — иди заberi.

— Куда?

— Куда-куда! В печать!

Какая была красивая мрачная легенда! А что оказалось? Сидит человек в каморке, елозит пальцем по списку одиозных фамилий и нерасформированных полков. Нету? Значит, в печать. Какой ему смысл за те же деньги гробить зрение и ловить чёрную кошку в тёмной комнате, если точно известно, что материалы на тринадцатый этаж поднимаются уже идеологически выдержанные, так сказать, дистиллированные...

Позвольте, позвольте! А кто ж их доводил до идеологически дистиллированного состояния?

Да все, через кого они проходили. Начиная с автора и кончая редактором. Каждый сам себе цензор, ибо карьера дороже. Как говаривал сатирик: «Благо странам, которые, в виде сдерживающего начала, имеют в своём распоряжении кутузку, но ещё более благо тем, которые, отбив время кутузки, и ныне носят её в сердцах благодарных детей своих».

Думаю, не будет ошибкой сказать, что цензура как явление представляет собой единую редакционную политику. То есть достаточно выстроить издателей — и вот она вам, всероссийская цензура, независимо от того, сидит или не сидит на тринадцатом этаже служащий со списком табуированных имён.

(Имя-то заменить, согласитесь, труда не составит. А читатель уж как-нибудь сам затабуирует.)

Тут, конечно, могут снова поддеть: да, но в 1984-м идеологический наезд на супругов Лукиных — был?

Был. Только вот ведь какая незадача: ни при чём тут цензоры. То ли не вчитывались они в наши опусы (фантастика — она и есть фантастика), то ли не желали вчитываться (зарплату же всё равно не прибавят). Зато от зоркого глаза собратьев по перу не уберёжешься. Именно они, внимательнейшим образом всё изучив, накатали на нас внутренние рецензии с обвинениями в антикоммунистической направленности творчества да ещё настучали в обком и в комитет. Вот тогда-то припомнили нам и героя-фарцовщика, и дыру во времени, которая ведёт, оказывается, вовсе не в будущее, а прямоком на Запад, и даже клевету на В.И. Ленина, уж не знаю, в чём она состояла.

И, если вдруг некто маститый-простатитый начнёт во всеуслышание стонать, как его угнетала советская цензура, попросите назвать фамилию цензора. Тут же выяснится, что в виду имелся редактор, рецензент, короче говоря, такой же литератор, как и сам пострадав-

ший. И ещё одна закономерность: чем громче стоны, тем больше вероятность, что стонающий и сам был блюстителем идейной чистоты, причём не по долгу службы, а по велению сердца.

Как вымолвил однажды со вздохом видный волгоградский поэт, елейно возведя глаза к потолку бара: «Бог на небесах разберёт, кто на кого стучал...»

Но самому, согласитесь, признаваться как-то неловко. Куда проще свалить все грехи на румяного Сашу с тринадцатого этажа.

Ну вот, скажут, то гэбэшников отмывал, представляя их в комическом виде («Пятеро в лодке, не считая Седьмых»), то теперь цензоров отмазывать взялся!

Но что же делать, если все знакомые мне офицеры госбезопасности и впрямь оказывались на поверку удивительнейшими раздолбаями, и это, кстати, подтверждается самим фактом развала СССР. Будь они иными, такого бы просто не стряслось.

И ещё одна странность: писатели, которых КГБ действительно брал под надзор (Борис Стругацкий, Вячеслав Рыбаков), почему-то изображают комитетчиков живыми нормальными людьми. Невольно возникает подозрение, что, чем brutальнее образы офицеров контрразведки, тем меньше автор встречался с прототипами.

Я давно привык к мысли, что моя жизнь целиком состоит из нетипичных событий. Любопытно, что и после смены общественного строя, когда чёрное обернулось белым и наоборот, события эти поменяли окрас, но всё равно остались нетипичными.

Приведу пример.

Только-только демобилизовавшись (1975), встретил я бывшего сокурсника, успевшего стать редактором городской молодёжной газеты, и, желая оживить беседу, поведал ему забавную, на мой взгляд, историю о том,

как однажды в караулке командир группы дивизионов побил начкара буханкой.

Лицо собеседника застыло.

— Этого не может быть, — с тихой решимостью произнёс он. — То, что ты рассказываешь, клевета на Советскую Армию.

Честно сказать, я слегка испугался. Не за себя, даже не за него — просто жутковато, знаете, когда живой человек превращается на глазах в статую из закалённой стали.

Прошло двадцать с лишним лет, не стало советской власти — и вот в разговоре (нет, не с ним, но с кем-то очень на него похожим) я опять привёл к слову всё ту же самую историю про побитого буханкой начкара.

Лицо собеседника застыло.

— То, что творилось в советской армии, — сказал он со сдержанной болью в голосе, — было куда страшнее. А ты своими байками пытаешься свести всё это к анекдоту...

Его устами говорило общество. В тот момент он принадлежал народу.

Иногда кажется, будто вся моя жизнь есть воплощённая клевета на наше прошлое и настоящее.

Однако продолжим отмазывать цензора.

Борис Натанович Стругацкий признал с прискорбием, что после отмены цензуры он ожидал блистательного взлёта российской фантастики и, увы, не дождался. Возникает вопрос: а так ли уж был велик вред, наносимый данному литературному направлению?

Нет, и вот почему.

Фантастика сравнительно с реалистической литературой (а тем паче с публицистикой) применяет более мощную «защиту от дурака». Если человек признаётся, что не понимает фантастики, — ничего страшного, всё в порядке. Он и не должен её понимать. Боже упаси, ежели поймёт! Не помню, кому принадлежит эта мысль, но

«иной от правды взбесится и покусает», как, скажем, случилось с советскими гражданами в годы перестройки.

Помню радость и удивление, когда я увидел опубликованным жуткий рассказ Андрея Лазарчука о том, как оставшийся на даче мальчик напрасно ждёт возвращения родителей из города: прошлой ночью что-то страшно грохотало, лил дождь, теперь вот светятся деревья и приползает к порогу издыхающая облезлая собака... Всё просто: ни редактор, ни цензор ведать не ведали о признаках радиоактивного заражения — дело было, кажется, ещё до Чернобыля. Пожали плечами (о чём это он?) — и разрешили печатать.

Под прессом цензуры фантастика умнеет, под прессом рынка — напротив. Те же процессы происходят и с теми, кого раньше именовали широким читателем. Поразительно, сколь быстро он, когда-то чутко ловивший любой намёк автора, вернулся в первобытное состояние, очень точно схваченное Михаилом Юрьевичем Лермонтовым в предисловии к «Герою нашего времени»: «Она (наша публика) не угадывает шутки, не чувствует иронии, она просто дурно воспитана».

Гусары — народ горячий.

Поиск крайнего — дело важное, дело государственное. Ну нельзя же, согласитесь, взять и честно признаться: да, господа, в 1991-м нам срочно понадобился класс крупных собственников. Вот мы и намекнули прозрачно: сограждане, разрешаем грабить народ, страну — и ничего вам за это в течение нескольких лет не будет. Если что, разбирайтесь друг с другом сами.

Теперь приходится расхлёбывать, так что крайний позарез как нужен.

Искусство, например. Чем не «козёл опущения»!

Думаете, почему в рядах прокуратуры свирепствует коррупция? Почему менты взятки берут, с преступниками в сговоры вступают, ногами бьют задержанных?

Книжек начитались.

Прочтёт Дивова или Лукьяненко — чистый кровопийца становится.

Прикол, говорите? Увы, не прикол, а весьма распространённая мысль, доведённая до логического конца. Или до абсурда, что, впрочем, одно и то же.

Вроде бы укрощение искусства уже идёт вовсю. Список возможных оскорблений национального, религиозного и прочих достоинств растёт. Как следствие, пышно и ядовито расцветает само искусство, поскольку давно известно: хочешь, чтобы какое-нибудь явление полезло из квашни, — подвергни его полузапрету.

У Леонида Соболева в «Капитальном ремонте» есть замечательный эпизод: накануне германской войны получен приказ убрать с боевых кораблей все деревянные предметы. Потому что горючий материал. И боцман, страдая, выносит свой рундучок. Однако деревянный палубный настил не трогают, потому что какой же это корабль без палубы?

Так примерно всё и будет. Рундучок вынесут, палубу оставят.

Причём имейте в виду, господа беллетристы: мы с вами именно рундучок.

Принцип отсева плевел уже сейчас бестолков донельзя. Вот на экране девушка обрушивается на некое сценическое представление за участие в нём бомжей и проституток. И не вспомнится бедняжке, что в Евангелии тоже действуют и блудницы, и — простите, если сможете, — лица без определённого места жительства («лисицы имеют норы и птицы небесные — гнёзда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову»).

Призывы к крестовому походу против вредных книг — дело, конечно, святое. Только где найти безвредную книгу? Их в принципе не бывает. Говорят, в прошлом году на зоне один осуждённый прочёл «Колобка» и

на следующий день бежал. Лишь тогда начальство колонии, спохватившись, уничтожило разлагающую литературу. О чём же оно, интересно, думало раньше?

Страшно помыслить, сколько женщин утоплено любителями песни «Из-за острова на стрежень». Споёт — утопит, споёт — утопит...

А кто сможет указать хотя бы одного вредного античного автора? Кто эти суки, развалившие Рим? Петроний? Апулей? А потребуйте изъять их из библиотек — вас филологи растопчут. Где гарантия, что через две тысячи лет литературой не будет считаться именно тот мутный поток чтива, от которого сейчас все кому не лень приходят в ужас?

Да, но мы-то живём не через две тысячи лет! Литераторы (в том числе и фантасты), пока их не взяли на цугундер, сами обязаны осознать, что именно они в ответе за уровень духовности нашей читающей публики...

А вот в этом-то я как раз позволю себе усомниться.

Когда отдельная человеческая особь начинает в частном порядке вещать о народном благе, мнится, будто какой-нибудь ноготок (крайняя его часть) решил благодетельствовать организм в целом. Слушаешь и думаешь: дурашка ты, дурашка. Вот возьмёт сейчас организм маникюрные ножницы и срежет тебя напрочь. И не за то, что разглагольствовал (тираду твою слышали только такие же, как ты, ноготки), а так, для опрятности.

Но ноготку не растолкуешь. Ему очень хочется верить, что он призван спасти человека, частью которого является. Лиши ноготка этой сладостной иллюзии — сам напрочь отпадёт.

Вот и писатели тоже...

Если кому-то обидно сравнение с ноготком, то, во-первых, от такого слышите, а во-вторых, бывают сравнения и пообиднее. Ницше, например, вовсе именовал

литераторов «паразиты образования». И, как нередко с ним случалось, был прав.

Это какой же манией величия надо обладать, чтобы искренне верить, будто влияешь на исторический процесс? Оглянитесь, господа. Там, в прошлом, такие влиялы, что мы рядом с ними как-то теряемся из виду. Данте, Шекспир, Пушкин. И куда же это они нас завели? Одно из двух: либо классики учили не добру, а чему-то другому, либо литература отдельно, а жизнь отдельно.

А вдруг (именно так, с междометия), если бы не Данте, не Шекспир и не Пушкин, сейчас было бы ещё хуже?

Мне наверняка было бы хуже. Человечеству — не знаю. Долгое время оно, к примеру, спокойно обходилось без кино. Да и сейчас спокойно обходится без многих изяшных искусств, поскольку их ещё не изобрели. Спрашивается, чем литература лучше кинематографа? Наверное, обошлись бы и без неё.

Да, но ведь в школе-то нас учили, что искусство воспитывает!

Попробовали бы они учить другому! Тут главная задача: доказать начальству, что изящная словесность — необходима, а следовательно, необходимы и они, бедные бюджетники. Примерно тем же занимаются господа писатели. Иной администратор и впрямь поверит, что без романа, изданного малым тиражом, порученная ему область погибнет. Глядишь, выдаст малую толику денежек.

Между нами, художественная литература может повлиять на общество одним-единственным способом. Прочёл вождь книжку, восхитился, воскликнул: «Вах! Так и должно быть в жизни!» Утром проснулся, выглянул в окно, а там — всё по книжке.

Нынешние виртуозы национального танца на гробах любят попрекать покойную идеологию тем, что она де приуменьшала роль личности в истории, равно как и степень воздействия сознания на бытиё.

На словах так оно и было. Но только на словах. На деле же — культ личности, рекордное количество памятников, портреты членов политбюро на всех выпуклых местах. На словах — примат базиса, а на деле — жёсткий контроль над всеми родами и видами искусства. Писатель — рупор партии. Цензура (как учреждение) отдыхает.

Однако странная складывается картина: все почитаемые мною классики словно сговорились. Пушкин имел дерзость усомниться в inferнальной сущности Бирона, углядев в нём всего-навсего порождение обстоятельств. Льва Толстого даже коммунисты осторожно поругивали за то, что в «Войне и мире» он, по сути, свёл роль индивидуума к нулю. Салтыков-Щедрин выразился буквально так: «Мы ненавидим известные исторические положения, забывая, что выражение «историческое» уже снимает с них всякое обвинение. Но ещё менее имеем мы право ненавидеть отдельные лица, принимающие участие в исторических положениях».

А Булгаков-то, Булгаков! Это надо ж было — о самом Петлюре такое вымолвить: «Да не было его. Не было. Так, чепуха, легенда, мираж... Не он — другой. Не другой — третий».

Ох, взвоятся сейчас ногти: «Как это не он — другой? Как это не другой — третий? Ну покажите тогда запасного Петлюру, запасного Наполеона! Цезаря, наконец!»

Ноготки вы мои, ноготки. Да неужели же вы думаете, что при живом Цезаре кто-либо отважится на сей рискованный указующий жест? А если Цезарь уже почил и стал легендой — тогда тем более.

Точно такая же получается ерунда и с влиянием художественной литературы на социум. По личным наблюдениям, чтение преобразует лишь досуг граждан (скажем, ролевые игры). Помахали мечами в рощице — и разошлись по рабочим местам.

Помнится, главным примером воздействия книги на общество в вузах советских времён считался роман Чернышевского «Что делать?». И мучал меня, студентика, вопрос: «А что стало с малыми предприятиями, учинёнными по образцу описанного Николаем Гавриловичем? Куда они делись?»

Уничтожены властями? Да ну, глупость. Частная же собственность! И потом, случись такое, преподаватели об этом не преминули бы с торжеством объявить. Тогда остаётся всего два варианта: либо не выдержали конкуренции, либо в результате её мигом переродились в обычные, неотличимые от прочих мастерские.

Вот вам и всё воздействие на жизнь.

Да, но чтение формирует человеческую личность, а общество-то как раз из личностей и состоит! Стало быть...

Увы, в том, что хорошее общество должно обязательно состоять из хороших людей, усомнился ещё Монтень. «Царь Филипп, — пишет он, — собрал однажды толпу самых дурных и неисправимых людей, каких только смог разыскать, и поселил их в построенном для них городе, которому присвоил соответствующее название (Понерополис). Полагаю, что и они из самых своих пороков создали политическое объединение, а также целесообразно устроенное и справедливое общество».

Между прочим, Монтень — современник Грозного. «Подумать только, — восклицает по этому поводу Юрий Олеша, — у нас жарят на сковородке людей на Красной площади, а тут такая шутка о поцелуях, принесённых домой на усах!» Всё так, если бы не одно маленькое «но»... Во Франции тех времён кровушки-то лилось, пожалуй, больше, чем в России. Вот что пишет страшилище наше Иван IV в Вену Максимилиану II по поводу Варфоломеевской ночи: «Христианским государям пригоже скорбеть, что такое бесчеловечие французский король над стольким народом учинил и столько крови без ума про-

лил». Такое впечатление, что взлёт искусства никак не влияет на количество проливаемой крови. Эллада — резня и шедевры, Ренессанс — шедевры и резня. Да что далеко за примерами ходить: не мы ли сразу же после Толстого и Чехова учинили гражданскую войну со всеми её последствиями (включая «Белую гвардию» и «Тихий Дон», которые тоже ничему нас не научили)?

Мало того, должен смущённо признаться, что сомневаюсь и в патентованно благотворном влиянии искусства на отдельно взятую личность. Если чтение действительно облагораживает, то почему в жизни мне встречались подчас, с одной стороны, весьма начитанные мерзавцы, с другой — отзывчивые умные люди, последнюю книгу одолевшие в школе, причём из-под палки?

К счастью, от далекоидущих выводов меня удержали не менее многочисленные обратные примеры. В конце концов я пришёл к заключению: научив негодяя тонко понимать и чувствовать литературу, человека из него не сделаешь. Из него сделаешь негодяя, который тонко понимает и чувствует литературу. Илья Эренбург пишет об эсэсовцах, уничтожавших детей неарийских национальностей. Так вот в дневниках этих специалистов встречаются весьма глубокие замечания относительно творчества Шиллера и Гёте.

Потом, кажется, в записках Даниэля я прочёл о том, как некто стал профессиональным вором, будучи очарован рассказом Горького «Челкаш». А произведение-то, между прочим, считалось полезнейшим...

Чему уподобить книгу? Сильному лекарственному средству, продаваемому без рецепта. Кому-то от него станет лучше, кому-то хуже, а на кого-то препарат не подействует вовсе. В итоге здоровье населения в среднем останется примерно на прежнем уровне.

Итак, если признать, что влияние искусства на жизнь общества минимально, а на жизнь индивида не-

предсказуемо, то, стало быть, можно считать доказанным, что цензура предназначена исключительно для переноса вины с больной головы государства на здоровую голову автора и в основном годится лишь на то, чтобы портить бедняге кровь или, скажем, вселять в него ложное чувство собственной значимости. Ну и ещё кое-зачем, но об этом речь пойдёт ниже...

Тогда для кого же ты, ноготок, всё это пишешь? Уж не для организма ли в целом?

Боже упаси! Исключительно для таких же, как я, ноготков, убоявшихся или, напротив, возжаждавших контроля за шаловливыми писательскими ручонками.

Разумеется, возникновение госнадзора за книжной продукцией при наличии нынешнего рынка, Интернета и легиона частных издательств кажется маловероятным. Хотя, помнится, распад Советского Союза представлялся и вовсе невозможным.

Об ужасах цензуры говорили достаточно долго, громко и протяжно. Поговорим лучше о приятных её сторонах — на тот случай, если сия благодать нас всё-таки настигнет.

По мнению А.С. Пушкина (так утверждала Марина Цветаева), главное достоинство цензуры заключается в том, что она рифмуется со словом «дура». Правда, чиновник — дурак лишь по должности, но это волновать не должно, ибо его частная жизнь нас не касается.

Начнём с того, что цензура (как учреждение) всегда проигрывала. Несколько хрестоматийных примеров.

Николай Васильевич Гоголь, работая над «Невским проспектом», сильно опасался, что придерутся к сцене посещения поручика Пирогова пьяными немцами-ремесленниками (оскорбление чести мундира), и на всякий случай заготовил запасной вариант, где офицер подвергается экзекуции, будучи в партикулярном платье:

«Если бы Пирогов был в полной форме, то, вероятно, почтение к его чину и званию остановило бы буйных тевтонов. Но он прибыл совершенно как частный приватный человек в сюртучке и без эполетов».

Воля ваша, но ужасно жалко, что цензор не придрался (а оно ему надо было — за те же деньги?). Резервный вариант явно ехиднее основного.

В том случае, если произведение запрещалось в целом, как, скажем, случилось с «Горем от ума», оно немедленно разбегалось в списках. Сейчас это тем более просто: скопировать файл — дело нескольких мгновений. Плохо другое. Пока переписываешь от руки, многое запомнишь наизусть, чем отчасти и объясняется такое количество крылатых фраз, выпорхнувших из бесмертной комедии Грибоедова.

Даже если чиновник исполнит служебного рвения (наподобие председателя Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусина-Пушкина, изуродовавшего один из севастопольских очерков графа Толстого), он привлечёт к автору внимание публики — и только. По нашему говоря, раскрутит.

Предчувствую, что в нынешних условиях совать взятку цензору придётся не за то, чтобы пропустил, а за то, чтобы запретил.

Мы многим обязаны цензуре. Самое вопиющее её преступление («Чёрный квадрат» Малевича) породило новое направление в живописи. Кстати, до сих пор неизвестно, что за шедевр похоронен под траурным слоем краски.

Идеологические запреты — великое подспорье и для литератора. Разграничивая то, о чём можно говорить впрямую, и то, на что можно лишь намекать, они значительно упрощают работу над произведением. Вообще роль помех в творчестве требует пересмотра.

Цензура подобна Евгению Багратионовичу Вахтангову. Недовольный ходом репетиции чеховского «Юбилея», он велел загромоздить сцену мебелью и на оше-

ломлённый вопрос актрисы: «А где же играть?» — сухо ответил: «А где хотите». И актриса полезла на стол. Гениальный был режиссёр...

Цензура подобна персонажу карикатуры Бидструпа, потребовавшему закрасить возмутительную надпись, отчего та сделалась вдвое крупнее.

Предвидя придирки, литератор волей-неволей обязан отточить мастерство и стать виртуозом. Возможно, для начинающих это прозвучит парадоксом, но, чем больше над рукописью работаешь, тем лучше она становится. А как сказал помянутый уже здесь философ: «Исправление стиля есть в то же время исправление мышления».

Потому-то мудрый Иосиф Виссарионович, зная по опыту беспомощность цензуры как учреждения, понимал, что задушить литераторов можно лишь руками самих литераторов. Точно так же, как маршалы судили маршалов, писатели травили писателей. Органам госбезопасности оставалось лишь ознакомиться с любезно предоставленными копиями внутренних рецензий.

Прикиньте, сколько надо чиновников для прочитки всего, что пишется, и вы тоже это поймёте. Воскреснет ли вновь институт благородного стукачества в писательской среде? Судя по высказываниям, устным и письменным, духовно он уже воскрес. Просто пока не востребован физически.

Но, даже если будет востребован, отчаиваться не стоит.

Представьте, как резко возрастёт цена слова в художественной литературе. Сейчас она примерно равна нулю. Дошло до того, что уже и мат перестал звучать оскорбительно.

А вот кого мне действительно будет жаль в пригревшейся ситуации, так это читателя.

Потому что умнеть ему придётся — катастрофически.

КРИЗИС НОМЕР ДВА

1

*Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта.*

Осип Мандельштам

Пожаловался однажды преподаватель общественных наук:

— Спросишь об экономическом положении русского крестьянства накануне петровских реформ — отвечают: «Народу в те времена жилось плохо...» Ну допустим! А после реформ? «Тоже, — говорят, — плохо жилось...» Да ёлы-палы! Народу всегда жилось плохо! Ты мне про его экономическое положение расскажи...

Вот и с фантастикой та же история.

Про какие годы ни спроси — вечно она в кризисе.

На самом деле за последнюю четверть века русская фантастика, если верить загибаемым пальцам, побывала в революционной ситуации (это когда авторы по-старому не могут, а читатели — не хотят) от силы дважды.

О первом кризисе, совпавшем с развалом Советского Союза, я поминал не раз. Поэтому повторюсь вкратце: в ту интересную эпоху — крысу ей за пазуху! — жизнь пошла невероятнее любого бреда, в результате чего термин «фантастика» практически обесмыслился. Согласитесь, что, когда утрачивается понятие реально-

сти, говорить о фантастических допущениях несколько затруднительно. Не знаю, как у других литераторов, а у меня тогда состояние было близкое к панике: да можно ли вообще что-либо выдумать в этом мире? Кроме железа, конечно...

Затем, как и следовало ожидать, российское бытие вписалось в новые берега, народ более или менее привык к иным условиям — и кризис разрешился. Итогом его явились массовый замор «твёрдой» НФ и буйный расцвет фэнтези с сопутствующими ей хоррором, альтернативкой и проч. Передел печатных площадей искажил до полной неузнаваемости «Карту страны фантазии», нарисованную Георгием Иосифовичем Гуревичем ещё в 1967 году и сохранявшую очертания вплоть до перестройки.

В данное время, как мне кажется, стремительно нарастает кризис номер два, так что «стране фантазии», видимо, грозит второй передел территории. А может, и не грозит — может, уже идёт вовсю.

Существенное отличие нынешнего переломного момента от предыдущего заключается в том, что вызван он не кувырком окружающего бытия, как это было в прошлый раз, а кувырком общественного сознания.

Понятие реальности пусть в обновлённом виде, но вернулось к россиянам. Зато понятие реализма расширилось настолько, что фантастике опять стало не от чего отличаться.

(Тут, пожалуй, необходима оговорка: знаю, с литературоведческой точки зрения реализм и фантастика суть категории разного уровня и, следовательно, напрямую не соотносятся, однако в данном случае меня больше интересует мнение подавляющего большинства, склонного противопоставлять эти два явления сплошь и рядом.)

2

*С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?*

Михаил Лермонтов

Сравните привычную унылую повседневность с той, что клокочет в книгах и на экране, и осознайте наконец, до какой степени вы нетипичны. Вы не пытаетесь украсть ядерную боеголовку, в погоне за нарушителем правил дорожного движения не сноситесь пол-Майами, в вас никогда не вселялась душа недавно погибшего знакомого.

Впрочем, сказать по правде, в эпоху соцреализма дело обстояло не лучше. Сопоставляя себя с образами современников, приходилось то и дело с горечью осознавать собственную ущербность.

Однажды к командиру линкора постучался механик. Он рассказал о неполадках в механизмах. «Может, дадите совет, товарищ командир?» А командир почувствовал, что ничем не может помочь: он знал меньше механика.

«Имею ли я право командовать кораблём? — думал он. — Мне ещё так много надо учиться!»

Короче, подал рапорт и ушёл чуть ли не в подручные кочегара.

Ну куда же мне, к чёрту, до этих нравственных высот! Хотя сам-то я линкором никогда не командовал. Вдруг они все там такие!

Собственно, тот факт, что тронутый идеологией реализм даст в смысле невероятности событий сто очков вперёд любой фантастике, в доказательствах не нуждается — аксиома.

Любопытно другое: нынешнее отношение искусства к презренной обыденности. Даже если какой-либо

умник затеет подчёркнуто бытовой сериал, можно поспорить, что после сто двадцать пятой серии он соберёт свою команду и мрачно объявит: «Теряем зрителя...»

И в семейные разборки немедленно вклинится барабашка.

Посмотрите, что творится с уголовным романом. Уж на что я не любитель подобного чтива, и то обратил внимание: произведения мастеров, досконально знающих преступный мир, решительно вытесняются с прилавков так называемым женским детективом, то есть книгами, авторы которых если и видели представителей криминалитета, то лишь по телевизору.

Как тут не вспомнить героя Питера Устинова — начальника полиции, единственной услугой которого были фильмы про сыщиков. Они помогали ему отвлечься от осточертевшей службы.

А достоверность любовного романа! Прямо хоть лозунг вывешивай: «Каждой уборщице — по очарованному миллионеру!»

Нет, конечно, в заповедниках областных отделений СП встречаются ещё кропотливые бытописатели, но, во-первых, публикуются они самое большее тысячным тиражом, а во-вторых, и с ними тоже в последнее время не всё по-прежнему.

— Вот ты фантастику пишешь... — роняет с неодобрением матёрой прозаик-реалист. — А я вот, знаешь, тоже взял и написал... только не как ты, а всерьёз. Почти публицистика получилась...

И вручает рассказик, содержание которого примерно таково: таксист везёт даму, и та жалуется, что ей приснилась дата смерти — сегодняшнее число, естественно. Пока шофёр пытается убедить пассажирку, что не стоит верить каждому сновидению, они прибывают по адресу. Женщина расплачивается и выходит — в аккурат под колёса самосвала.

Точка.

А! Нет! Ещё дюжина знаков препинания, между которыми втиснулись и потусторонний мир, и Космический Разум, и карма, и чего-чего только не втиснулось!

Автор, повторяю, исповедует «правду жизни» и клеймит любое от неё уклонение.

От использования откровенной чертовщины вроде бы удерживаются одни лишь создатели «социально направленных» произведений, да им оно и незачем: как уже было сказано, тронутый идеологией реализм в плане вранья даст сто очков вперёд любой фантастике.

Что остаётся? А, нуда! То, что литературоведы именуют мистическим реализмом. «Кысь», к примеру...

Нет, ну это ж надо сколько развелось конкурентов!

3

*И я сжёг всё, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.*

Иван Тургенев

Из приведённых примеров обратите особое внимание на фигуру серьёзного прозаика, без тени смущения вторгшегося на территорию фантастики и ухитрившегося при этом остаться воинствующим реалистом.

Вот он, тот самый кувырок мировоззрения, о котором я, собственно, и собираюсь вести речь. Вот она, та граница, что в недалёком будущем (впрочем, оно никогда умом не блистало) отделит фантастику от пресловутого мейнстрима. Полагаю, что вскоре отличать их будут вовсе не по качеству текста, а по отношению автора к изображаемому явлению. «Не как ты, а всерьёз». В этом вся штука.

В беседе с перебежчиком-реалистом у меня, понятно, язык не повернулся сказать, что, признав Космичес-

кий Разум «правдой жизни», а своё творение — публицистикой, он лишил его условности, став таким образом из потенциальной добычи критика потенциальной добычей психиатра.

Всякий переворот в умах непременно чреват прелюбопытнейшими парадоксами. Скажем, победа материализма в нашей стране (1917 г.), по остроумному замечанию современника, практически уничтожила всё материальное: ни харча, ни одёжки — одни идеи. Или возьмём нынешних россиян: стоило даровать свободу совести, как совесть была повсеместно утрачена напроць, о чём красноречиво свидетельствует хотя бы переосмысление глаголов «обуть», «кинуть» и «заказать».

Другой парадокс: чем яростнее поборник старой веры ратовал за неё в прошлом, тем более горячим сторонником нового учения он делается в будущем. Но поначалу обычно попытается обе истины совместить. Подчёркиваю: поначалу.

Что мы и видим в данном случае.

Да, реалист остался реалистом, ибо Космический Разум, равно как и потусторонний мир, с некоторых пор стали для него действительностью. Летающие тарелки, привидения, магия, взрывающиеся в печени больного чёрные дыры — всё это, господа, было когда-то нашей нераздельной собственностью. И вот, здравствуйте вам, приходят, раскидывают пальцы веером и предлагают делиться!

Звери алчные, пиявицы ненасытные, что ж вы фантастам-то оставляете?

А действительно...

Согласно лаконичному вокабулярию Ожегова, слово «фантастика» (в собирательном и самом близком для нас смысле) означает «литературные произведения, описывающие вымышленные, сверхъестественные события».

Ну, «сверхъестественные» в следующем переиздании скорее всего выкинут из соображений политкорректности, ибо сверхъестественное теперь считается реально

существующим. И что в остатке? «Вымышленные»? Однако, позвольте! События, описанные в любом художественном произведении, не что иное, как вымысел.

Беда да и только!

Впору предпочесть другое толкование того же С.И. Ожегова, снабжённое, правда, пометкой *разг.*: «Что-н. невообразимое, невозможное». А может, оно даже и лучше, что *разг.*, — всё ближе к мнению народному.

В чём-то судьба фантастики напоминает мне судьбу интеллигенции: никто не может точно сказать, что это такое, однако ругают. Причём по нынешним временам ругани, имейте в виду, предвидится куда больше, нежели по предыдущим.

Сами подумайте: чем раздражала фантастика широкую публику в эпоху диалектического материализма? Всего-навсего непонятностью и отрывом от жизни.

А теперь?

А теперь дело куда серьёзнее. Одним только своим названием фантастика утверждает, что такие достоверно существующие и всенародно любимые явления, как астрал, НЛО, ворожба, целительство, и проч., — выдумка чистой воды.

Да за это убить мало!

4

Единожды солгавши, кто тебе поверит?

Козьма Прутков

Первыми, как всегда, сориентировались торгующие. Лет так десять назад я был свидетелем следующей сцены: покупатель, уже взявший с лотка книгу Генри Лайона Олди, прочёл аннотацию — и заколебался.

— Это не фантастика, — видя такое дело, быстро предупредил книгопродавец. — Это мистика.

— Но вот же написано...

— Да мало ли что там написано!

Лицо книголюба прояснилось, глаза сделались понимающими-понимающими — и полез он, родимый, за кошелек. Вспомнил, не иначе, недавние времена, когда запретная мистика была вынуждена прикидываться вполне разрешённой НФ.

Впрочем, кто сю только тогда не прикидывался! От экстрасенсов до диссидентов.

Теперь же, обретя легальность, мистика стала куда более солидным брендом. Прислушайтесь, с каким скромным достоинством роняет иной «бальзаколетный картовец»:

— Я — мистик...

И его можно понять. Не выдумку исповедует — истину.

Полагаю, фантастику (описание сверхъестественных событий понарошку) ещё долго будут смешивать с мистикой (то же самое, но всерьёз), хотя рано или поздно размежевание должно произойти.

Куда быстрее, на мой взгляд, случится исход с родных равнин так называемой сакральной фантастики. Кстати, на редкость бестактный термин. Если перевести это грандиозное словосочетание на исконный русский, получится «священный вымысел», что по нашим временам как-то, согласитесь, не совсем деликатно. Если священный, то какой же он вымысел, а если вымысел, то какой же он священный? Верующие таких шуток не одобряют...

Иное сакралище наше бесценное немедля возразит: «Как это не одобряют? Самый свежий пример: роман Сергея Чекмаева «Анафема». Вышел в фантастической серии «Звёздный лабиринт», обложка — соответствующая»

шая, содержание — тоже. Тем не менее на недавно прошедшем конвенте «Басткон-2006» именно этому произведению была присуждена особая премия Союза православных граждан...»

Так-то оно так, но вчитайтесь в формулировку: «За истинно христианский реализм и формирование положительного образа сотрудников синодальных структур Русской православной церкви».

Понятен намёк?

Если не понятен, поясним: не шалите, ребята. Православие — это вам не эзотерика. Коль скоро речь идёт о вере — то реализм, и только реализм. Слово «фантастика» недопустимо в принципе как оскорбляющее религиозное достоинство граждан.

Как там у Ожегова?

«Что-н. невообразимое, невозможное (разг.)».

Ну вот то-то же...

Между прочим, намёк был устроителями конвента понят правильно. Когда дело дошло до присуждения за роман «Анафема» награды самого «Басткона», формулировка прямо-таки сияла безупречностью: «Премия «Бесобой» (за успехи в сфере *мистической литературы*)».

Конечно, любой переходный период пуганицы не избежит. Так, маги и астрологи (кстати, извечные противники Христа) сейчас усиленно косят под православных, а на бедже эльфийки значится: «Раба Божья Нонпарель» (имя точно не вспомню, но, честное слово, сам видел!). Опять же миссионерская деятельность требует определённого компромисса, что мы и наблюдаем в случае присуждения награды фантастике за реализм. Однако не век же мириться Русской православной церкви с тем, что произведения, «формирующие положительные образы сотрудников синодальных структур», выходят в свет с брендом, ставящим под сомнение достоверность этих образов!

Что день грядущий мне готовит?

Александр Пушкин

Фантастика всегда была попыткой выйти за пределы реальности.

За это она любима, за это ненавидима.

Сейчас, как мы убедились, изрядная территория «страны фантазии» аннексирована действительностью (или тем, что принято ею нынче считать), в результате чего и подверглась нашествию столь нелюбимых туземцами реалистов и мейнстримщиков. На наших глазах происходит возникновение неких буферных державок, одни из которых, надо полагать, со временем вернутся в лоно фантастики, другие прильнут к сосцам так называемой серьёзной литературы.

Не в пример широкой публике почитатели фэнтези и НФ в большинстве своём хорошо понимают условность искусства, что, на мой взгляд, говорит об удивительно высокой читательской культуре. Они (воспользуюсь примером одного преподавателя) никогда не кинутся, самозабвенно прорывая холст, спасти персонажей картины Айвазовского «Девятый вал», поскольку прекрасно сознают, что перед ними полотно, а не бушующее море. Даже если особо очарованные из них съедутся на ролевою игру, так ведь условность и в игре присутствует.

То ли дело мистики: для этих что на витрине — то и в магазине. Как говорится, в жизни всегда есть место полтергейсту. Критический рассудок отключён, рубильник — сломан.

Не зря же, ознакомившись с итогами опроса на сайте «Русская фантастика», Эдуард Геворкян не смог удерж-

жаться от восклицания: «А что, если фэндом остался единственным островком здравомыслия? Я не знаю, радоваться этому или ужасаться...»

Но с другой стороны, может ли быть иначе, если оккультисты, астрологи и ловцы снежных человеков чуть ли не всей популяцией схлынули через борт? Остались преимущественно читатели.

Чем же всё-таки разрешится данный кризис? Какие очертания примет «страна фантазия», ну, скажем, к 2013 году?

Точно предугадать не берусь, поскольку не в материале, однако мнится, что наша литературная автономия по старой доброй традиции и впредь будет кончаться примерно там, где кончается здравый смысл.

Но всё это, учтите, при условии, что российская действительность в ближайшее время не совершит ещё какого-нибудь кувырка — и хорошо если через голову.

2006

РАЗБОРКА С МАРКИОНОВЫМ

Даже если интеллигент верит в Бога, он верит в Него по своему. В декабре 1999 года бывший монтировщик сцены филолог-недоучка Валентин Маркионов (как ни странно, это не псевдоним, а подлинное его имя и фамилия) на средства оставшегося неизвестным спонсора выпустил малым тиражом тоненькую книжицу с неряшливым названием «В начале был конеп», где изложил в общих чертах суть своей ереси. В том, что это именно ересь христианского толка, а не новая религия, сомнений быть не может: возводя химерическое здание собственного вероучения, безработный честолюбец опирался в основном на синодальное издание Библии. К неканоническим книгам и апокрифам он, судя по всему, равнодушен.

Выход книжки в свет остался практически незамеченным, но вскоре вокруг Маркионова собирается группа единомышленников и через пару месяцев заявляет о себе поразительными по нелепости актами вандализма. Журналисты клеймят тоталитарную секту (раз хулиганят — значит тоталитарная). Заводится уголовное дело. Публикуются комментарии учёных и священнослужителей. Словом, по нынешним временам — ничего особенного.

Если бы не одна странность.

Вовсе не желая прослыть защитником новоявленного ересиарха, я тем не менее рискну вмешаться в полемику, ибо, на мой взгляд, кандидат исторических наук Э.Г. Страдников и автор гневной статьи «От лукавого!»

о. Онуфрий (Агуреев) не до конца вникли в суть явления. Первый, как мне кажется, необоснованно приписал Маркионову не свойственные тому гностические идеи, второй же сгоряча причислил его к сатанистам.

Впрочем, обоих можно понять: бывшего монтировщика сцены, конечно же, необходимо к кому-нибудь причислить, а иначе получится, что в заблуждениях своих он ко всему ещё и оригинален. Любопытно, однако, что, заподозрив его в скрытом заимствовании, учёный и священник нечаянно оказались в двух шагах от истины. Кроме Библии, Валентин Маркионов, несомненно, почитывал как минимум ещё одну книгу, никакого отношения к религии не имеющую и, видимо, поэтому ускользнувшую от внимания критиков. Он нигде ни словом не упоминает об этом источнике, но основную концепцию, смею заверить, наш ересиарх извлёк именно отсюда.

Впрочем, попробуем разобраться по порядку.

Не гнозис

В качестве доказательства гностических корней новоявленной ереси Э.Г. Страдников приводит утверждение Маркионова, что мир создан неумело, небрежно и что виной тому неопытность Творца. Тезис и впрямь кое-что напоминает. Согласно гностическому апокрифу Иоанна, мы с вами были сотворены дефективным сыном Софии (Пистис Софии), божеством с выразительным именем Ялдабаоф, причём настолько плохо, что, когда всё выплыло наружу, для исправления содеянного понадобилось вмешательство высших сил в лице Христа (Аутогена).

Тем не менее выдвинутое кандидатом исторических наук предположение, мягко говоря, озадачивает. Ну

нельзя же в самом деле лепить ярлык на основании одного-единственного совпадения! Можно ли представить, что, позаимствовав из гнозиса идею слабого и неумелого Демиурга, Маркионов с такой лёгкостью отмахнулся от всего остального? Плерома, она же полнота истинного бытия; божество Абракасас, чьё число 365; бесконечные эманации; головоломные сочетания эонов, всевозможные огдоады и гебдомады; незаконный и глубоко законспирированный акт творения; непреодолимый дуализм материи и духа; индивидуальное спасение через тайное знание — ничего этого нет у Маркионова и в помине.

По моим наблюдениям, все интеллигентные обитатели средней полосы в глубине души тяготеют к гнозису. Есть в нём что-то от тоски провинциала, мечтающего перебраться в столицу («Эх, а вот в Плероме жизнь...»).

Но к Маркионову это, повторяю, никоим образом не относится. В книге его мы не найдём ни поэтических красотостей, столь характерных для гностических манускриптов («Смеясь, Бог заплакал — и явилась Душа...»), ни закрученных похлеще любого детектива историй о запоздалом прозрении Творца («Отворите мне двери, чтобы я, войдя, мог исповедоваться Господу, ибо я думал, что я Господь...»). Космогония, равно как и теогония, мало интересуют Маркионова. Ему вполне достаточно первого стиха Библии («В начале сотворил Бог небо и землю»), смысл которого он затем, разумеется, извратит и вывернет наизнанку.

Полагаю, что с гнозисом бывшего монтировщика сцены по-настоящему сближает лишь извечный мучительный вопрос всех еретиков: откуда в мире зло? Вопрос, на который ортодоксальные христиане по известным причинам вынуждены отвечать многословно и витиевато. Но, право же, чтобы задать его себе, совершенно не обязательно быть гностиком. Достаточно оглядеться.

Не сатанизм

Ещё более нелепым выглядит обвинение в сатанизме. Создаётся впечатление, будто задача о. Онуфрия (Агуреева) состояла не в том, чтобы понять творение Маркионова, а в том, чтобы опровергнуть его любой ценой. И он скрупулёзно, чуть ли не построчно уличает недоучившегося филолога в произвольном толковании того или иного эпизода Библии, то не видя за деревьями леса, а то вдруг видя его там, где нет ни деревца.

Да, бывший монтировщик читает Священное Писание с конца, но при чём здесь магия? Он и слов-то таких не употребляет!

В итоге начинаешь подозревать, что мысль о принадлежности Маркионова к adeptам Церкви Сатаны не имеет ни малейшего отношения к разворошённому священником тексту, но целиком проистекает из нехорошего поведения членов новоявленной секты. При этом о. Онуфрию (Агурееву) почему-то не бросается в глаза, например, такая несообразность, как отсутствие соответствующей символики, обрядности, прочего. Так, при задержании вандалов сотрудники линейной милиции не обнаружили ни традиционных медальонов Бафомета, ни магических рисунков на обезображенной стеле, зато, к удивлению своему, обратили внимание на то, что у четверых хулиганов на правом лацкане красовался значок с портретом А.П. Чехова.

Спрашивается, Чехов-то здесь при чём?

Оба учения, на мой взгляд, просто несовместимы. Несмотря на кокетливо составленную девятую опору сатанизма («Сатана — лучший друг церкви, ибо обеспечивает её работой»), сторонники его всё-таки исповедуют неугасимую вражду между Богом и дьяволом, видя в себе последователей «единственной организованной религии в истории, которая взяла как символ окончательный образ гордости и восстания».

Однако, по Маркионову, не было ни гордости, ни восстания, ни последующего низвержения в ад. В знаменитых словах Исаии: «Как упал ты с неба, денница, сын зари!..» — ересиарх усматривает лишь неверно истолкованное свидетельство о спешном сошествии с небес на землю для исполнения ответственной миссии Князя мира сего.

Скажу больше: дьявол Маркионова по определению не может стать антагонистом Бога, ибо (держитесь крепче!) это одно и то же лицо.

Нет, как хотите, а сатанизм здесь даже и не ночевал.

Принцип изложения

Для дилетанта Валентин Маркионов в Священном Писании ориентируется неплохо. Он, кстати, вполне сознаёт свое дилетантство, но это нимало его не смущает. Все создатели великих религий, оговаривается он как бы мимоходом, тоже не были профессионалами: плотник, погонщик верблюдов, наследный принц. Невольно залюбуешься, с какой очаровательной лёгкостью ставит себя наш недофилолог на одну доску с Христом, Магометом и Гаутамой. Очевидно, только христианское смирение на позволило ему присовокупить к списку ещё и монтировщика сцены!

Маркионов ни в коем случае не начётчик: точным выдержкам с указанием книги, главы и стиха он предпочитает вольный вдохновенный пересказ, причём мотивирует это следующим образом:

«Любой человеческий язык условен. А поскольку с Библией мы знакомы лишь в человеческом изложении (пусть даже она и писалась под диктовку Святого Духа), воспринимать её буквально — бессмысленно, да и опас-

но. Христос признавал это лучше кого-либо другого и поэтому изъяснялся иносказательно — притчами».

Далее следует пространное и не относящееся к делу рассуждение о том, почему притча выше инструкции (заповеди), которое я позволю себе опустить.

«Итак, — заключает Маркионов, — на любом из человеческих языков истина может быть изложена лишь образно».

И он излагает её образно, чем вызывает бесчисленные нарекания со стороны о. Онуфрия (Агурсева). Хотя справедливости ради было бы уместно вспомнить, что и приверженцы апостольской традиции по части истолкования слов Господних тоже подчас предливные чудеса отчеканивали.

Как вам, к примеру, понравится следующий пассаж из трактата святого Климента Александрийского «Кто из богатых спасётся»?

«Продай имение твоё. Но что значит это? Не это повелевает Господь, о чём некоторые слишком поспешно думают, что наличное своё имущество он должен был разбросать и со своими богатствами расстаться; нет, он должен был только (ложные) мнения относительно богатства из своей души выкинуть...»

Далеко, ох далеко Маркионову до Климента!

Отправная точка

К сожалению, в сжатом виде учение Валентина Маркионова обретает черты анекдота, но тут уж ничего не поделаешь. Краткое изложение чего бы то ни было анекдотично само по себе.

Продравшись сквозь многоречивое вступление, мы наконец добираемся до сути — и немедленно испыты-

ваем острое разочарование. Для начала Маркионов делится впечатлением, что в первых книгах Ветхого Завета Иегова представляется ему выжившим из ума деспотичным, капризным стариком. Наблюдение не новое, но досаду вызывает даже не это. Набор доказательств местами откровенно отдаёт «Библией для верующих и неверующих». Чего стоит, например, одно только предположение, что Бог, безнадёжный склеротик, оказывается, просто забыл, как Его зовут, и на просьбу Моисея назвать Своё имя ответил: «Я есмь Суший (Иегова)». То есть, проще говоря: «Я — тот, Который...», — и задумался.

Однако далее Маркионов заставляет читателя слегка опешить.

На полном серьёзе, без тени юмора, как будто прося взять подзащитного на поруки, он обращает наше внимание на то, что невыносимый характер Господа помаленьку выравнивается. Во второй книге Иегова уже способен себя контролировать: «Ибо Сам не пойду среди вас, чтобы не погубить Мне вас на пути, потому что вы народ жестоковыйный». Мало того, у Него заметно улучшается память. Если раньше приходилось то и дело завязывать узелки («И будет радуга в облаке, и Я увижу её, и вспомню завет вечный между Богом и между всякою душою живою...»), то позже, повторяя многократно тому же Моисею Свои установки, Иегова практически не ошибается ни разу.

Затем, не вдаваясь в детали и не слишком утомляя читателя цитатами, наш вероучитель перепрыгивает сразу на несколько эпох вперёд. Бог, каким мы Его встречаем в притчах Соломоновых, уже не кажется ему глубоким стариком, но, напротив, искущённым, житейски опытным мужчиной средних лет, напрочь лишённым иллюзий. Никаких истерик, никаких потопов, никаких Содомов и Гоморр. Основной рычаг — экономика. («Не допустит Господь терпеть голод душе праведного, стяжание же нечестивых исторгнет. Ленивая рука делает бед-

ным, а рука прилежных обогащает. Собирающий во время лета — сын разумный, спящий же во время жатвы — сын беспутный», и т. д.)

Не задерживаясь долго на временах Соломоновых и почему-то обойдя молчанием пророков, не вписывающихся, надо полагать, в концепцию, Валентин Маркионов сразу приступает, как вы, наверное, сами догадались, к Иисусу Христу. Несмотря на то что к моменту распятия Спасителю исполнилось уже тридцать три года, по образу мыслей и манере поведения Он напоминает Маркионову наивного юношу, полного надежд на исправление рода людского.

И из этих-то крайне сомнительных наблюдений, значительную часть которых я здесь, понятно, пропускаю, наш самочинный ересиарх (хотя все они самочинные!) делает сногшибательный вывод: с течением времени Бог становится моложе и моложе.

Бывшему монтировщику сцены и в голову, конечно, не приходит, что Бог остается неизменным — просто человечество взрослеет.

Но это так, к слову.

Мироздание по Маркионову

Естественно, что, наделив Господа возрастом, Маркионов неизбежно вводит для Него понятие времени и лишает тем самым атрибута вечности, как, впрочем, и пары других атрибутов (всемогущества и всеведения), оставляя Ему лишь врождённую всеблагость, да и то в сильно усечённом и специфическом виде.

За две тысячи лет христианства ошипать Всевышнего пытались многие. Но постулировать наоборотность бытия Божия (поскольку доказательствами предыдущие

рассуждения признать трудно) — это уже, согласитесь, что-то новое!

Читатель вправе требовать объяснений. И он их получает.

«Бог молодеет потому, — выдержав паузу, победно объявляет Маркионов, — что время для Него течет не в ту сторону».

Впрочем, тут же спохватывается и вопрошает: «Да, но не будет ли гордыней с нашей стороны так говорить о Боге? Не проще ли предположить, что это мы с вами вылетели, образно выражаясь, на встречную полосу движения?»

И, не давая опомниться, подминает нас оползнем откровений.

Мироздание по Маркионову устроено предельно просто. Оно состоит из Земли и Неба, под которыми надлежит разуместь два противоположно направленных потока времени. Полярных по вектору, так сказать. Один из них — ложный, человеческий, другой — истинный, Божий. Один ведет к смерти, другой — к рождению. В словах молитвы «Отче наш»: «да будет воля Твоя и на земле, как на небе», — Маркионову слышится просьба воссоединить оба потока.

Просьба, увы, невыполнимая даже для Господа, ставшего, как утверждает наш ересиарх, жертвой собственной детской ошибки.

Откуда концепция

Действительно, детская ошибка налицо, однако к Господу она, право же, никакого отношения не имеет. Готов держать пари, что в школьном возрасте кандидат исторических наук Э.Г. Страдников, равно как и о. Онуфрий (Агуреев), ни разу не открыл книгу братьев

Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Жаль. Во-первых, лишили себя удовольствия. Во-вторых, почти они её тогда — и не пришлось бы им сейчас ломать головы над загадкой происхождения новой ереси, забредая в поисках источника то в гнозис, то в сатанизм.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько цитат:

«Контрамоция — это, по определению, движение по времени в обратную сторону».

« — А разве это возможно — контрамоция? — сказала я.

— Теоретически возможно, — сказал Эдик. — Ведь половина вещества во Вселенной движется в обратную сторону по времени».

По-моему, всё совпадает.

Даже возражения похожи.

«Если бы было так, как он пишет, — возмущается о. Онуфрий (Агуреев), — то Ангелы Божьи, посланные Им к Аврааму (прости мне, Господи, невольное кощунство), шествовали бы спиной вперед, чему мы не находим ни одного свидетельства».

А теперь сравните приведённую цитату со следующей выдержкой из той же нестареющей повести-сказки «для научных работников младшего возраста»:

«Но вся беда в том, что, если бы попугай был контрамотом, он летал бы задом наперёд и не умирал бы на наших глазах, а оживал бы...»

Поклонники творчества Стругацких наверняка помнят, что персонаж «Понедельника» У-Янус тоже спиной вперед не шествовал. Он жил, как все нормальные люди, но с наступлением полуночи переходил не в завтра, а во вчера. Маркионов же предлагает для своей системы иное и, кажется, довольно оригинальное решение, которое мы рассмотрим позже.

Вполне понятно, почему бывший монтпировщик сцены молчит о корнях своего учения. Ему просто совестно признаться. Сами подумайте: харизматическая личность, ересиарх, с Гаутамой на дружеской ноге — и

вдруг фантастика, да ещё и «для младшего возраста»! Скандал, господа, конфуз...

А с другой стороны, ничего удивительного: контакты религиозной и фантастической литературы (некоторые, впрочем, полагают, что это одно и то же) явление распространённое. Любители ролевых игр давно уже используют Священное Писание в качестве сценарного материала наряду с эпopeями Толкина и Желязны. С наслаждением вспоминаю название доклада, оглашённого в Казани неким ролевиком: «Библия как культовая книга!» Культовая — в смысле знаковая.

Мне думается, справедливость отчасти восстановлена. Писатели-фантасты столько раз эксплуатировали библейские сюжеты, что возникновение секты христианского толка, заквашенной на фантастике, надлежит воспринять с глубоким удовлетворением.

Долги следует возвращать.

Вернёмся к ереси

Контрамоция (в отличие от стеснительного Маркинова мне этого термина избегать незачем) представляется Э.Г. Страдникову «непонятной до головной боли». Это он с непривычки. Объективно контрамоция ничуть не хуже эманации и уж, во всяком случае, нисколько не заумнее любимых кандидатом исторических наук огдоад и гебдомад, от которых у него, надо полагать, голова не болит.

Отцу же Онуфрию (Агурееву), назвавшему контрамоцию «абсурдной, шизофренической идеей», позволю, во-первых, заметить, что единое в трех лицах (и это подтвердит вам любой психиатр) есть расщепление психики, а стало быть, шизофрения чистой воды. Кроме того,

кому как, а мне правота Тертуллиана представляется очевидной. «Credo, quia absurdum». То есть настолько нелепо, что даже не может быть выдумкой. Вот вам перечень некоторых несообразностей, которые тем не менее соответствуют истине: Земля вращается вокруг Солнца, двухпудовая гиря падает с тем же ускорением, что и стограммовая, разноречивость свидетельств говорит о честности свидетелей, и т. д.

Итак, контрамоция. Два встречных потока времени. В одном из них — наша Вселенная с её квазарами, чеченской войной, реликтовым излучением. В другом — Бог, только Бог и ничего, кроме Бога. В этом плане вероучитель Маркионов — отъявленный монист, каких ещё свет не видел.

Бог — единственный, Кто способен переходить из одного потока времени в другой, о чём, по словам Маркионова, свидетельствует сон Иакова («И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божьи восходят и нисходят по ней»). Предвидя возражение профанов, что-де в данной выдержке речь идет не о самом Боге, а лишь об Ангелах Его, Маркионов обращается за поддержкой к ученику Апостола Павла Дионисию Ареопагиту: «Если же кто скажет, что некоторым Святым являлся Сам Бог непосредственно: тот пусть узнает из ясных слов Св. Писания, что сокровенного Божиего никто не видал, и никогда не увидит». Древние иудеи по простоте душевной путали посланцев Божьих с самим Богом.

«И правильно делали», — добавляет Маркионов.

«Господь, — объясняет он, — с целью исправления мира нисходит к нам постоянно: в телесном обличье (Христос), в бестелесном (Ангелы), вовсе без обличья (Дух Святой) — и каждый раз оказывается подхвачен встречным потоком времени. Или, что вероятнее, добровольно отдаётся течению, дабы иметь возможность общаться с нами. Сокровенного же Божиего действи-

тельно никто не видел, поскольку в Его поток времени никому из смертных проникнуть не дано».

«Оказывается подхвачен встречным потоком времени». Вот вам и объяснение, почему Ангелы не ходят спиной вперед. О. Онуфрий (Агуреев) его либо пропустил, либо не понял.

Ситуация, однако, чревата парадоксом: если Всевышний, отдав Себя на волю волн, проведёт в нашем мире хотя бы пару минут, то, вернувшись по лестнице Иакова на Небо, Он неминуемо встретит там Самого Себя, только ещё собирающегося посетить Землю.

Но тем-то и велик ересиарх, что, столкнувшись с парадоксом, он незамедлительно обращает его в свою пользу. Согласно тому же Дионисию, небо заселено не менее густо, чем земля. «Сколько чинов небесных Существ, какие они и каким образом у них совершаются тайны священноначалия, — пишет Ареопагит, — в точности знает это, как я думаю, один Бог, Виновник их Иерархии».

Дионисий ошибается. Знают двое: Бог и Маркионов.

«Несомненно, — делится очередным откровением наш ересиарх, — что Херувимы, Серафимы, Престолы и прочие небесные Существа, каждое из Которых есть Господь, образуют Иерархию по старшинству». И делает существенное пояснение: срок, проведённый во встречном потоке времени, отнюдь не вычитается из общего возраста Господа, но, напротив, прибавляется к нему.

Такое чувство, что любовь Маркионова к фантастике не ограничивалась творчеством братьев Стругацких.

Куда движемся

То, что мир с человеческой точки зрения вырождается, так же ясно для Маркионова, как простая гамма. Слова Христа: «Ученик не выше учителя», — ставят, по

его мнению, предел нашим беспочвенным и горделивым мечтаниям.

Повторяю, опровергать Маркионова с помощью цитат из Библии не имеет смысла.

Во-первых, он убеждён, что, несмотря на внятную диктовку Святого Духа, многое было услышано и записано неверно. Правильно понятое Маркионов берет на вооружение, понятое же неправильно отбрасывает без колебаний или, как принято у богословов, попросту замалчивает.

Во-вторых, давно уже подмечено, что, опровергая еретика, в конце концов неизбежно впадаешь в противоположную ересь. Кстати, статья о. Онуфрия (Агуреева) «От лукавого!» — яркий тому пример.

Мельчает род людской. Это положение Маркионов для большей доходчивости предпочитает доказывать не на библейском, а на житейском материале. Даже если взять уровень заурядного обывателя, заявляет он, вы обнаружите, что зрелым людям обычно кажется, будто во времена их юности жилось лучше (народ был честнее, рыба крупнее, и т. д.). Молодые с ними, естественно, не соглашаются, однако, повзрослев и поумнев, сознают свою ошибку и начинают говорить то же самое.

Нет такой культуры, которая не тосковала бы об утраченном Золотом Веке. Самые выдающиеся гении — от неизвестного автора «Слова о полку Игореве» до Лопе де Вега — сознавали свое ничтожество по сравнению с титанами былых дней.

При советской власти, когда подавляющее большинство населения верило в светлое будущее, мысль Маркионова прозвучала бы неубедительно, но в наши дни афёр, зачисток и отрезаемых голов, когда прошлое представляется радужным, настоящее — чёрным, а грядущее — смутным, нам трудно что-либо возразить ересиарху, и он этим пользуется вовсю.

Можно, конечно, спросить Маркионова: «А как же научно-технический прогресс?» — но лучше так не делать. При одном только слове «прогресс» в бывшем монтировщике сцены пробуждается Вольтер, и слог его обретаёт изысканную язвительность:

«Сидя в вагоне, порой необразишь, который поезд тронулся: твой или соседний? Вот и в жизни тоже: смотришь и пытаешься уразуметь, то ли техника вокруг совершенствуется, то ли мы деградируем».

Прогресс железяк сопряжен с регрессом человека. На ехидный вопрос, каким образом человек, деградируя, ухитряется изобретать всё более сложные механизмы, Маркионов отвечает, что с точки зрения Бога всё обстоит наоборот: отказываясь от очередной железяки, человек становится умнее. А на робкое замечание о пользе науки и техники бывший монтировщик с маху отрубает: «Когда костыль становится ненужен, его отбрасывают».

Затем, внезапно притянув за уши к своим рассуждениям ещё и теорию расширяющейся Вселенной, ересиарх подбивает итог: с каждым мгновением мироздание становится больше и хуже. Но это несколько не огорчает Маркионова. Скорее радуется. Для Бога-то оно с каждым мгновением становится меньше и лучше.

История по Маркионову

Естественно, что при таком подходе Библия для Маркионова открывается не «Бытием», а «Апокалипсисом», являющимся, по его мнению, пророчеством о предстоящем создании нашего мира. Несмотря на обратный ход событий и некоторую вольность изложения, картина складывается вполне правдоподобная: жуткие порождения генной инженерии, совершенная и смер-

тоносная военная техника, вконец расшатанная экология, прочие прелести. Пекло творения.

Именно так, согласно учению Маркионова, мироздание выглядело изначально. Несоразмерно огромное, противоречивое, поражаемое природными и техногенными катастрофами, оно было почти нежизнеспособно.

Завершив этот невообразимый по размерам и небрежности черновик, Бог ужаснулся содеянному и принялся его переделывать. Тут-то, по словам Маркионова, и выяснилось самое неприятное обстоятельство: контрамоция. Мало того что мир сотворён неудовлетворительно, он ещё и существует не в ту сторону!

После долгих и тщетных стараний физически перенаправить Вселенную по времени, последствия чего якобы не раз отмечались нашей наукой, Бог понимает всю безнадёжность этой затеи и решает действовать иначе. Если нельзя изменить мир, надо приспособить к нему восприятие. Господь нисходит к людям в телесном обличье Иисуса и терпеливо учит, что истинный жизненный путь пролегает от смерти к рождению, а не наоборот, как принято думать («если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное»). Под Царством Небесным, естественно, имеется в виду встречный поток времени.

Слова Его, разумеется, извращают. Как и попытку разъяснить всё на собственном примере.

Вот тут, честно говоря, я немного теряюсь. Во-первых, ересиарх противоречит сам себе («в Его поток времени никому из смертных проникнуть не дано»), во-вторых, поступки Всевышнего в такой трактовке представляются мне более чем загадочными. Насколько я понимаю Маркионова, Бог хотел, чтобы люди мысленно поменяли прошлое и будущее местами. Однако, проведя предварительную разведку в качестве Святого Духа, Он должен был собрать достаточно сведений о будущей

Своей неудаче. Затем, в течение тридцати трех лет наблюдая с Неба за собственными действиями, Господь имел возможность убедиться в этом лично. И всё же, когда приходит срок, Он тем не менее является на Землю, внедряется в чрево Марии, рождается — и далее шаг за шагом повторяет то, за чем совсем ещё недавно с сочувствием следил со стороны.

Возникает трагический образ Существа, Которое всё знает наперёд и ничего не может изменить («Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха... Но да сбудется слово, написанное в законе их: возненавидели Меня напрасно»). Он обречён на грядущие ошибки именно потому, что осведомлён о них заранее.

Хотя ересиарха особо за это упрекать не стоит. С Божьими атрибутами дело обстоит одинаково в любой религии: всеведение вытащишь — всемогущество увязнет. И наоборот.

Впрочем, возможно, что причиной фатальной неотвратимости событий было всего-навсего юношеское упрямство Господа. Так, согласно Маркионову, пребывая на Земле в теле Иисуса, Он неминуемо сталкивается со Своими же (как правило, невидимыми) Сущностями, занесёнными встречным потоком времени из Его Собственного будущего и выполняющими различные задания по исправлению мира. Назревает производственный конфликт, страсти кипят, дело доходит до прямых самооскорблений («И вот они закричали: что тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел ты сюда прежде времени мучить нас»). Дьявол, как старший и более опытный, пытается инструктировать Иисуса («показывает Ему все царства мира и славу их, И говорит Ему: всё это дам Тебе, если падши поклонисься мне»). Но Тот, презрев субординацию и наивно делая ставку не на государство, а на отдельную личность, отказывается повиноваться и доводит задуманное Им до конца.

Повзрослев, Он, конечно, признает Свою ошибку и, как следует из Ветхого Завета, ни разу уже не вернётся к причудливой идее вразумить всех и каждого.

Образ творца

Существует известное предупреждение талмуда: «Кто исследует четыре вещи, тому было бы лучше никогда не родиться. Эти четыре вещи суть: что вверху и что внизу, что было раньше творения и что будет потом».

Маркионов внял предостережению ровно наполовину.

Его не интересует, откуда взялся Создатель, чем занимался до сотворения мира и куда затем денется. Сам ересиарх не считает гадания такого рода тяжким грехом — просто указывает на их бесполезность.

О Боге известно, что Он контрамот, что характер Его изменяется с возрастом и что, создав Вселенную в черновом варианте, Он неустанно её улучшает, желая видеть Своё детище безукоризненным. Если сравнить Всевышнего с литератором, то Флобер и Бабель, пожалуй, окажутся наиболее близки Его образу и подобию. Бесконечная правка, бесчисленные сокращения, относительно малое количество дописок и вставок. Жёсткий отбор выразительных средств. Краткость — сестра таланта. (Кстати, не потому ли на лацканах вандалов были обнаружены значки с изображением А.П. Чехова?)

Ещё известно, что характер Бога со временем портится. Начав с кратких наставлений и увещаний, Он переходит затем к принуждению и заканчивает откровенным террором.

Как же будет выглядеть наш мир, когда Господь наконец решит, что достиг совершенства, и прервёт работу? Мы знаем это. В общих чертах итоговый вариант дан

нам во второй главе «Бытия». Эдем. Земной рай, где обитают двое: Адам и Ева, ещё не вкусившие плода с запретного дерева познания.

Потрясающий лаконизм! Всё равно что сократить роман до размеров миниатюры.

Так и хочется спросить у Маркионова: каким же образом Богу удастся завершить начатое, если к тому времени Он, по словам ересиарха, окажется не способен даже вспомнить собственное имя?

Но стоит ли придирается по мелочам!

Что в итоге

Морально-этическая концепция нового учения угнетает своей безысходностью. Атеистов марксистского толка хотя бы поддерживала мысль, что они умирают не зря и что потомки их будут жить при коммунизме. Последователи Маркионова даже этого утешения лишены.

«Мы шли в мир разума и братства, — сожалеет о контрамоте У-Янусе комсомолец Саша Привалов, — он же с каждым днём уходил навстречу Николаю Крововому, крепостному праву, расстрелу на Сенатской площади и — кто знает? — может быть, навстречу аракчевщине, бириновщине, опричнине».

По Маркионову, как видим, всё наоборот. С каждым прожитым мгновением род людской удаляется от уютного совершенства двухместного земного рая, погружаясь в черновой первичный хаос. Впереди — крошечная тьма, прорезаемая алыми сполохами «Откровения от Иоанна». Единственное, что радует: работа Божья идёт неровно, творческие взлеты чередуются с падениями, вселяя подчас в обывателя беспочвенные надежды на улучшение жизни.

И напрасно пытается убедить нас о. Онуфрий (Агуреев) в том, что последователи Маркионова, совершая свои нелепые бесчинства, надеются на грядущую благосклонность дьявола. Конечно, нет такой мерзости, на которую не решился бы истинно верующий ради спасения души своей, но заверяю вас, что в данном случае ни о каком спасении и речи не идёт. Отчаянная попытка Христа повернуть человеческое восприятие вспять не удалась. Дважды уже приведенные здесь слова Маркионова о том, что «в Его поток времени никому из смертных проникнуть не дано», звучат приговором.

Благородство и мрачный трагизм новой секты остались незамеченными. Ни Э.Г. Страдников, ни о. Онуфрий (Агуреев) не обратили внимания на главное: у последователей Маркионова нет шкурных интересов. Всемерно ухудшая этот мир, они ищут не личной выгоды, но стараются морально поддержать Бога, Который, существуя в противоположном направлении по времени, несомненно должен испытывать радость при взгляде на стремительно исправляющихся людей.

Не думаю, что новое вероучение привлечёт многих, поскольку требует полной и безоглядной самоотверженности. Недаром даже у беспощадного Маркионова дрогнула рука, когда, пройдя Библию от доски до доски, от конца до начала, он достиг Эдема и милосердно прервал повествование.

Ереснарха можно понять. Уж больно безотрадная в противном случае возникла бы картина: вот, отдохнув в субботу, Бог окидывает последним взглядом содеянное, после чего в течение шести дней решительно предаёт небытию сначала людей, потом зверей земных, рыб, светило ночное, светило дневное, деревья, траву — и, смешав напоследок небо с землёй, удовлетворённо гасит свет.

И видит, что это хорошо.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Заметки национал-лингвиста

Мне тебя сравнить бы надо...

Из песни

Наверное, с момента своего появления на земле человек полюбил присваивать себе почётные титулы: он и царь природы, и венец творения, и мера всех вещей. Сам себя не похвалишь — никто не похвалит. Существует даже экзотическая гипотеза, будто именно с этой целью и был изобретён язык. Следует, впрочем, заметить, что истинные национал-лингвисты никогда её всерьёз не воспринимали. Язык не изобретёшь, ибо изобрести что-либо можно только с помощью языка. А если кто приведёт в пример бессловесных крыс, тем не менее придумывающих и передающих потомству всё новые и новые приёмчики и уловки, то я сочту себя вправе сослаться на Эдисона, сделавшего уйму открытий и при этом, насколько мне известно, тоже не знавшего ни слова по-русски.

Одно из главных положений партии национал-лингвистов звучит так: язык, на котором мы лжём, по сути своей правдив. Против нашей воли он, стоит в него вникнуть, беспощадно обнажает подоплёку вещей и явлений. К примеру, нет смысла возмущаться несвоевременной доставкой почты (бумажной). По-другому и быть не может, пока над дверью красуется вывеска «Отделение связи». Тут уж, сами понимаете, либо отделение, либо связь — одно из двух.

Итак, какие бы тёплые слова мы о себе ни говорили, как бы ни титуловали себя венцом, царём и мерой, правда неминуемо выйдет наружу. Поможем ей в этом.

Замечено, что чем точнее сравнение, тем оскорбительнее оно для рода людского. Наименее всего человек сопоставим с небесными телами — должно быть, именно поэтому так лестно слышать, что тебя уподобили звезде, комете, галактике! Единственный космический объект, от сравнения с которым хочется невольно уклониться, это, конечно, чёрная дыра, но после того, как создатель теории чёрных дыр публично отрёкся от своего детища, данное явление перекочевало из астрофизики в эзотерику. Так сказать, выпало из номенклатуры.

Теперь переберёмся поближе, в места обитания самочинного царя природы, на планету Земля. Начнём с чего-нибудь крайне далёкого от человекообразности. Лучше всего с царства минералов.

Геология поставляет не менее приятный материал для сравнений, чем астрономия. Какой бы горной породе ни уподобили вы своего ближнего, он будет неизменно польщён. Стойким назвали, упорным. Особенно хороши в похвальной речи драгоценные и полудрагоценные камни. Одно условие: ни в коем случае не злоупотребляйте научной терминологией, обходитесь исконной лексикой. Даже за «обсидиан» по нашим временам можно ответить, поскольку незнакомые слова многими расцениваются как матерные. Мрамор, гранит, лава (конечно же, кипящая) — это дело иное, это пожалуйста.

Но обратите внимание: сомнительных комплиментов явно поприбавилось. («Ну ты слюда-а!..» «Ну ты раку-ушечник!..» За такое, согласитесь, побить могут, причём не столько за интонацию, сколько за общее звучание и неприличную хрупкость упомянутых пород.)

Да! Забыл предупредить: ирония при сопоставлении недопустима в принципе, ибо неминуемо вывернет смысл высказывания наизнанку. Второе: понятие обязательно

должно прилагаться к человеку в целом, а не к какой-то его части. И третье: никаких суффиксов — с их помощью можно придать слову любой оттенок: от пренебрежительного (алмазишко) до ласкательного (уголёк).

С минералами покончили, приступим к рельефу местности.

География также способна пощекотать наше самолюбие: континент, океан, остров, хотя бы даже и риф — всё это звучит вполне уважительно. Но заметьте, как множатся и наползают термины, вызывающие откровенную досаду: пропасть, пустыня, болото. Разумеется, не случайно. Сойдя с небес на грешную землю, мы сильно приблизились к себе любимым.

Но подлинное унижение начинается, стоит нам вторгнуться в мир живой природы. Даже самые дальние человеческие родичи, растения, наряду с гибкой ивой и стройным тополем уже являют нам строевой дуб и контрафактную липу. Названия трав, овощей, грибов — преимущественно бранные: крапива, репей, тыква, хрен, мухомор, сморчок, опёнок. Список можно продолжить, вычеркнув из него разве что одни лишь цветы — между прочим, с точки зрения обывателя, самые никчёмные растения, не годящиеся ни в пищу, ни на одежду, ни на стройматериалы. Из крапивы хотя бы суп сварить! Любопытно, что некоторые плодовые деревья, будучи сопоставлены с особами женского пола, также нисколько не оскорбляют достоинства прекрасных дам, однако не потому что приносят урожай, а именно потому что цветут.

Из этого можно сделать осторожный предварительный вывод: язык предпочитает красоту пользе. Стало быть, Пушкин прав — и Аполлон действительно выше печного горшка.

А теперь соберитесь: настала очередь родного царства животных, где нас ожидает полный беспредел наименований. Здесь, кстати, мы убедимся, что выявленная нами закономерность (чем ближе к человеку, тем обиднее) отнюдь не линейна. До определённой ступе-

ни эволюционного развития все существа суть прямое оскорбление величества. Поэтому не стоит даже упоминать о насекомых, членистоногих, амфибиях и рептилиях. Все они в смысле инвективы стоят друг друга.

Поговорим о птицах и млекопитающих, среди которых пусть крайне редко, но всё же встречаются милые нашему сердцу орлы и гепарды. В остатке — попугаи, петухи, козлы и шакалы. Имя же им легион.

Выделим три следующие странности.

Во-первых, все благозвучные птицы и звери — сами не местные (ласточка — и та мигрант). Они обитают в Африке, в Индии, на худой конец в уссурийской тайге — где угодно, только не в средней полосе России.

Во-вторых, большинство из них — хищники. Всё травоядное в приложении к нам звучит бестактно. Кроме лани и ещё там кого-то, занесённого в Красную Книгу.

В-третьих, они поголовно дикие. Не дай бог, если тебя сравнят невзначай с домашним животным! Позору не оберёшься.

Что же из этого следует? А следует из этого то, что великий и могучий, правдивый и свободный страсть как не любит тех, кого мы приручили (собака, индюк). Ему, как видим, больше по нраву наши враги и жертвы (и лев, и лань). Далеко не все, естественно. Как уже упоминалось, крыс, гиен и ворон — не считано-немерено. Что же касается домашних животных, то, кажется, исключений среди них не бывает вообще. Нейтрально звучит одна лишь кошка, но только потому что гуляет сама по себе.

Интересные пристрастия у нашего языка, правда?

Ему не нравится то, что мы сделали с домашними животными.

Ему не нравится то, что мы делаем с дикими животными.

Ему нравится то, что дикие животные делают с нами.

Но хватит о дальних родственниках, вспомним о близких. В отряде приматов что ни вид — то пощёчина роду людскому. Мы не знаем ни единой обезьяны, с которой можно было бы безнаказанно соотнести меру всех вещей.

Лемуры? Ну, эти похожи больше на тех же кошек, нежели на двуногое без пёрьев и с плоскими ногтями.

Вот мы и приблизились вплотную к царю природы. Продолжив ряд, неминуемо получишь вывод, что нет ничего оскорбительнее, чем отказ от сравнения. Достаточно просто назвать человека человеком, чтобы опустить его до конца.

Ан нет! Выясняется вдруг, что человек — царь, венец, мера и вообще звучит гордо.

Те, кто не знаком с программными документами партии национал-лингвистов, скорее всего решат, будто причина данной непоследовательности — вульгарный инстинкт самосохранения. Дескать, потому-то и сберегли душевное равновесие, что вовремя научились останавливать мысль. Выжили не благодаря разуму, а вопреки ему.

Или даже благодаря глухоте в отношении собственной речи.

Всё, однако, обстоит несколько сложнее, но об этом чуть позже, поскольку пропущена такая обширная залежь словес, как имена артефактов. Умолчать о ней было бы несправедливо и нечестно.

Итак, произведения рук человеческих.

Достаточно первого взгляда, чтобы и здесь выявить подмеченную ранее странность: мы злимся, будучи уподоблены чему-нибудь насущному, и млеем, когда нас равняют с бесполезным, а то и вредным. Лишь бы оно было красивым!

Кирпич, балка, булыжник, надолба — хотелось бы вам услышать нечто подобное в свой адрес?

Станок, тормоз, шестерёнка, винтик?

Шляпа, валенок, хлястик, штанина?

Колбаса, буханка, лапша, котлета?

А изделия-то ведь всё полезнейшие...

Исключения опять-таки редки и сомнительны: из механизмов — мотор (он же двигатель), из продуктов питания — кое-какие спиртные напитки (шампанское, например), из одежды — даже и не знаю...

Совершенно иначе обстоят дела с орудиями убийства. Особь, уподобленная вами холодному оружию

(кинжалу, стилету), возможно, ошалает, но неизбежно проникнется уважением к себе и благодарностью к вам. А вот оглушающими снарядами (палицами, булавами) лучше никого не называть, что, кстати, на мой взгляд, свидетельствует о меньшей эффективности ударных приспособлений по сравнению с колюще-режущими.

В любом случае язык явно предпочитает старые, испытанные временем средства уничтожения чудесам научно-технического прогресса. (Вспомним незабвенное: «Пуля — дура, штык — молодец».) Пулемёт, бомба, танк в приложении к человеку звучат несколько насмешливо. Зато неплохо звучит истребитель. Да и перехватчик тоже.

Короче, та же история, что с хищниками. Красиво, опасно, лестно. Но опять же не без уродов (рогатина, гаубица).

Патентованно ласкают слух одни лишь произведения искусства. Много ли найдётся людей, которых бы не тронуло сравнение с картиной, статуей, мелодией, поэмой? Надо думать, искусство — единственный род человеческой деятельности, угодный языку (архитектуру, понятно, в расчёт не берём, поскольку бесполезное сочетается в ней с насущным).

Подведём черту.

Напрашивается догадка, что язык позволяет нам говорить о самих себе хорошо, поскольку мы — его носители, а носителей надо беречь и не слишком огорчать. Но подспудно он питает к нам глубокую неприязнь.

Ему не нравится то, что приносит нам пользу.

Ему нравится многое из того, что нас убивает.

Ему отвратительно всё, что мы делаем.

Кроме искусства.

Потому что главное для него, получается, красота.

В отличие от других народов мы, русские люди, с большей чуткостью прислушиваемся к пожеланиям родной речи и вредим себе везде, где только можем. Мы спустя рукава обустроиваем свой быт, мы погрязли в собствен-

ных отбросах, нам трудно пройти мимо стены, не испохавив её афоризмом, при взгляде на что-либо общественно полезное нас немедленно подмывает его сломать. Иногда мы, правда, пытаемся противостоять требованиям языка, и тогда нас тянет сломать что-нибудь красивое.

«Нельзя же предположить смешную мысль, что природа одарила нас лишь одними литературными способностями!» — воскликнул в отчаянии Фёдор Михайлович Достоевский. Разумеется, нельзя. Оружие мы тоже неплохо делаем, поскольку язык против него ничего не имеет. Во-первых, изящные штуковины, во-вторых, вред человеку наносят.

И всё-таки, знаете, манят порой уют, чистота, благоденствие... Возможно ли их достичь, и если да, то каким способом?

Первое, что приходит в голову: утратить языковое чутьё и тупо заняться приборкой территории. Но для этого наш народ-языкотворец слишком талантлив и упрям.

Впрочем... Теоретически имеется одна возможность, хотя не представляю, осуществимо ли такое на практике. Язык невозможно одолеть, но почему бы не попытаться его обмануть? Скажем, оставив слово в неприкосновенности, изменить его эмоциональную окраску, то есть наше к нему отношение.

Перестав быть бранным, имя потребует от нас большей теплоты к обозначаемому им предмету. Подумайте, насколько улучшится уход за крупным рогатым скотом, когда корова начнёт звучать гордо!

Но для этого необходимы добровольцы. Необходим безумец, способный, рискуя физией, с нежностью называть любимого человека чем-нибудь полезным. Только, чур, не прибегать к уменьшительно-ласкательным суффиксам!

Содержание

Фикшн?

С нами бот	7
Мгновение ока	143
Чичероне	155
Время разбрасывать камни	185
49 секунд	215

Нон-фикшн?

Как отмазывали ворону	221
Манифест партии национал-лингвистов	227
История одной подделки	236
Типа неопределённый артикль	246
В защиту логики	250
Взгляд со второй полки	262
Враньё, ведущее к правде	269
Затворите мне темницу	296
Кризис номер два	313
Разборка с Маркионовым	324
Сравнительное естествознание	344

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Лукин Евгений Юрьевич
С нами бот

Компьютерная верстка: Л.О. Огнева
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Типография ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область,
ул. Тевосяна, д. 25

Евгений
Лукин

С НАМИ БОТ

www.ast.ru
www.elkniga.ru

Киберпанк по Евгению Лукину?

Не совсем.

Умная, талантливая и абсолютно безжалостная «пощечина общественному вкусу»?

Не только.

Внешне простая история интеллектуала средней руки, ставшего обладателем электронного дивайса, позволяющего отгородиться от окружающего мира и в то же время успешно с этим миром общаться, превращается под пером одного из лучших отечественных фантастов современности в многомерную социально-философскую притчу о невозможности взаимопонимания между людьми и цене обезличивания, которую каждый из нас вынужден платить за преуспевание и богатство.

Такова заглавная повесть нового сборника Евгения Лукина.

Сборника, каждое произведение которого — ироническое или серьезное — задает жестокие и нужные вопросы, ответы на которые каждому читателю предстоит найти самостоятельно...

Евгений
Лукин

С НАМИ БОТ

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й